

УДК 316.4

ПРАКТИКИ ОТЦОВСТВА РАЗВЕДЕННЫХ ПЕТЕРБУРЖЦЕВ

Лермонтов Даниил Андреевич
Социологический факультет
Российский государственный гуманитарный университет
Lermontov.d.a.1@yandex.ru
Шифр научной специальности ВАК: 5.4.4.

Аннотация. В процессе популяризации в России дискуссии о новом родителстве, в обществе наметился сильный сдвиг в сторону роста отцовской вовлеченности, который затронул также практики отцов после развода. На данный момент практически нет профильных исследований, которые фокусируются на нарративах разведенных отцов и их практиках вовлеченности в жизнь детей. Таким образом, целью данного исследования стала разработка типологии основных моделей вовлеченности в заботу о детях у разведенных отцов, проживающих в Санкт-Петербурге. В рамках теоретической части был сформулирован авторский подход к анализу постразводных практик отцовской вовлеченности, основанный на концепции заботливой маскулинности К. Эллиотт, концепции вовлеченного отцовства Е.Ю. Рождественской и концепции родительского гейткипинга О.Н. Безруковой и В.А. Самойловой. На основе 16 лейтмотивных интервью при помощи тематического и нарративного анализа были изучены нарративы разведенных отцов по трем аспектам: месту ребенка в нарративах об отцовстве и о разводе, отцовским стратегиям выстраивания отношений с родственниками ребенка после развода и практикам отцовской заботы о детях после развода. В результате анализа были выделены три типа моделей отцовской вовлеченности после развода: рутинная модель, фрагментарная модель и модель отцовства с элементами вовлеченности. В контексте каждой из моделей были обозначены практики отцовской заботы о детях после развода.

Ключевые слова: отцовская вовлеченность, заботливая маскулинность, родительский гейткипинг, рутинная модель, фрагментарная модель

PATERNITY PRACTICES OF DIVORCED PETERSBURGERS

Lermontov Daniil Andreevich
Faculty of Sociology
Russian State University for the Humanities

Abstract. In the process of popularizing the discussion about new parenthood in Russia, there has been a strong shift in society towards the growth of paternal involvement, which also affected the practices of fathers after divorce. At the moment, there are practically no specialized studies that focus on the narratives of divorced fathers and their practices of involvement in children's lives. Thus, the purpose of this study was to develop a typology of the main models of involvement in child care for divorced fathers living in St. Petersburg. Within the framework of the theoretical part, the author's approach to the analysis of post-divorce practices of paternal involvement was formulated, based on the concept of caring masculinity by K. Elliott, the concept of involved fatherhood by E.Y. Rozhdestvenskaya and the concept of parental gatekeeping by O.N. Bezrukova and V.A. Samoilova. Based on 16 leitmotif interviews, using thematic and narrative analysis, the narratives of divorced fathers were studied in three aspects: the child's place in narratives about fatherhood and divorce, paternal strategies for building relationships with the child's relatives after divorce and practices of paternal care for children after divorce. As a result of the analysis, three types of models of paternal involvement after divorce were identified: a routine model, a fragmentary model, and a paternity model with elements of involvement. In the context of each of the models, the practices of paternal care of children after divorce were identified.

Keywords: paternal involvement, caring masculinity, parental gatekeeping, routine model, fragmentary model

Введение

Согласно ежегодному исследованию брачности\разводимости РОССТАТ, в России в течение последних 10 лет количество браков на 1000 человек в год стабильно снижалось¹, а количество разводов, в то же самое время, оставалось на том же самом уровне². Еще одним доказательством лидерства России в рейтинге стран с самым высоким уровнем разводимости является один из самых высоких по мировым рамкам процент детей из неполных семей (18% в РФ; превосходят по этому показателю только Великобритания – 21%, и США – 23%)³. Согласно показаниям ЕМИСС, доля распавшихся браков в России за 2020 год была равна 73%, в то время как 10 лет назад она была равна 55%, а 30 лет назад – 42%⁴. Это говорит о том, что в РФ она возрастала стабильно в течение последних трех десятилетий.

При этом доля мужчин среди родителей-одиночек в 8 раз меньше, чем доля женщин⁵, что обнаруживает серьезную проблему «отсутствующего отцовства» и «одинокого материнства», характерную для российского общества [Бескровная, 2020; Ханюкова, 2022]. Также, согласно данным российских исследований семей, фигура матери продолжает играть первостепенную роль в заботе о ребенке и его воспитании. Фигура отца связана с заработком и основным источником дохода семьи, поэтому он чаще всего остается невовлеченным и не уделяет ребенку достаточно внимания. Ситуация развода провоцирует в большинстве случаев потерю связи отца с ребенком [Кравченко, Мотеюнайте, 2008; Чернова, 2011; Абрамова, Сухушина, Рыкун, 2018].

¹ Браки // Федеральная служба государственной статистики. URL:

https://gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/dem1_br.htm Обращение к ресурсу: 25.04.2023.

² Разводы // Федеральная служба государственной статистики. URL:

https://gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/dem2_raz.htm Обращение к ресурсу: 25.04.2023.

³ U.S. has world's highest rate of children living in single-parent households, 2019 // Pew Research Center. URL:

<https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/12/12/u-s-children-more-likely-than-children-in-other-countries-to-live-with-just-one-parent> Обращение к ресурсу: 25.04.2023.

⁴ Показатели «Число разводов за год», «Число браков за год» // ЕМИСС государственная статистика. URL:

<https://fedstat.ru/> Обращение к ресурсу: 25.04.2023.

⁵ Количество семей и детей с одним родителем по полу родителя // Статистическая база данных ЕЭК ООН.

URL: https://w3.unece.org/PXWeb2015/pxweb/ru/STAT/STAT_30-GE_02-Families_households/07_ru_GEFHOneParFam_r.px/table/tableViewLayout1/

Обращение к ресурсу: 25.04.2023.

На текущий момент в России отсутствует система культурных норм, которая стимулировала бы отцов больше участвовать в воспитании своих детей и проводить с ними больше времени [Бороздина, Здравомыслова, Темкина, 2019; Чернова, Шпаковская, 2010]. Это отражается в корпоративной стигматизации тех отцов, которые хотели бы взять отпуск по уходу за ребенком, в вопросах и непонимании руководства, а также во внутреннем давлении, которое отцы испытывают из-за несоответствия их желаний гегемонному образцу маскулинности, доминирующему в российском обществе [Бороздина, Здравомыслова, Темкина, 2019; Чернова, Шпаковская, 2010]. Несмотря на наличие возможности взять отпуск по уходу за ребенком, им воспользовалось всего 2,02% мужчин⁶ по данным ФСС РФ за 2019 год. Среди тех, кто выступает против опции предоставления отцам отпуска по уходу за ребенком, преобладают женщины [Безрукова, Самойлова, 2019, с.91]. Эти особенности определяют проблемный характер развития отцовской вовлеченности в заботу о ребенке в Российской Федерации.

Однако, по данным некоторых отечественных и зарубежных исследований, существует и альтернативная тенденция, которая заключается в постепенном переходе от традиционных семейных ролей к модели нового родительства, основанного на гендерном равноправии. Исследования нового родительства подтверждают, что современное российское общество является детоцентричным, а также в нем существует запрос на профессионализацию родительства как сферы осознанного и ответственного воспитания детей [Майофис, Кукулин, 2010, с.7-9; Чернова, Шпаковская, 2016, с.521]. Поэтому на сегодняшний день так важно изучение нового отцовства в контексте практик заботы внутри семьи.

⁶ Гусенко М. Каждый пятидесятый отец в России берет «декретный» отпуск // Российская газета. 2019. 6 марта. URL: <https://rg.ru/2019/03/06/kazhdyy-piatidesiatyj-otec-v-rossii-beret-dekretnyj-otpusk.html> (дата обращения: 26.04.2023).

В процессе изменения идеала отцовства традиционная роль защитника и кормильца становится недостаточной, поэтому мужчины стали постепенно изменять свои паттерны вовлеченности в сторону заботливого воспитания детей и наставничества, чтобы соответствовать идеалу правильного родителя. Этот процесс изменения образцов отцовства определяет рост вовлеченности в заботу о ребенке у мужчин по всему миру, влияя на их практики отцовства до и после развода [Авдеева, 2012; Безрукова, Самойлова, 2019; Кон, 2009]. Помимо этого, важно отметить, что этот сдвиг в основе отцовских практик, определяемый некоторыми исследователями как ответственное\вовлеченное отцовство, меняет отношение мужчин непосредственно к своей роли внутри семьи и способствует формированию новой отцовской идентичности [Kalmijn, 2015]. Данный процесс очень важен для тех стран, где реальный опыт разведенных отцов изучен не в полной мере.

Тема отцовства в контексте категории вовлеченности поднималась неоднократно такими исследователями как И.С. Кон, Ж.В. Чернова, Л.Л. Шпаковская, Е.Ю. Рождественская, А.Б. Синельников, А.В. Авдеева, О.Н. Безрукова и В.А. Самойлова. Отечественные исследователи в своих работах стремятся создать типологию отцовства, выявить, какие факторы и предпосылки влияют на рост отцовской вовлеченности, а также описать, как российские мужчины оценивают свой личный опыт отцовства и как он влияет на их идентичность [Кон, 2006; Кон, 2012; Авдеева, 2012; Авдеева, 2013; Рождественская, 2020; Чернова, Шпаковская, 2016].

В научном социологическом поле за рубежом также присутствуют антропологические исследования, нацеленные на описание различных форм отцовства в разных культурных пространствах и странах [Liu, Dittman et al., 2021; Lim, 2021]. Есть группа исследователей, занимающаяся изучением солидарной опеки над детьми в ситуации постразводного родительства [Westphal, Poortman, Lippe, 2014; Flood, 2012; Andreasson, Johansson, 2019; Dinner, 2016].

Ключевой особенностью для большинства исследователей отцовства является их приверженность гендерному подходу и использованию для анализа феминистской оптики, которая позволяет говорить о сфере заботы как о пространстве гендерного неравенства. По данным исследователей, российские мужчины исключены из сферы заботы, поэтому доступ к ней у них существенно затруднен [Бороздина, Здравомыслова, Темкина, 2019].

В целом, можно сказать, что большинство исследований, посвященных теме развода в России, сосредоточено на различных аспектах социализации детей в неполных семьях и проблемах постразводной адаптации матерей, а не на нарративах разведенных отцов и их практиках вовлеченности в жизнь ребенка [Бедарева, 2014; Галиуллина, 2020; Павлов, 2014; Пахарукова, 2009; Гулакова, Лобач, Морозова, Побокин, 2021; Байтимирова, 2018; Насретдинова, Макарова, 2015]. Поэтому реальный опыт отцов после развода остается в тени и не попадает во внимание исследователей.

1. Теоретические подходы к исследованию практик заботы разведенных отцов

Теоретический анализ в рамках текущего исследования нацелен не только на исторический анализ концепций, но и на их критический анализ применимости к проблематике постразводных практик заботы разведенных отцов. Сначала будут освещены основные типы маскулинности. Особое внимание будет уделено концепции заботливой маскулинности. Далее будут рассмотрены теоретические основания для анализа вовлеченного отцовства. В конце будут перечислены подходы к анализу отцовской вовлеченности после развода, а также обозначен феномен материнского гейткипинга. В то время как упомянутые исследования содержат зачастую только один аспект проблематики (маскулинность, отцовство, постразводное отцовство), для исследователя было важно интегрировать различные основания в контексте данной работы, чтобы сформировать свой аналитический подход.

1.1. Типы маскулинности

Для начала необходимо рассмотреть историческую перспективу исследований маскулинности. Далее будут рассмотрены основные концепции и типы маскулинности. В конце параграфа будет обозначена концепция заботливой маскулинности, поскольку она является одним из оснований для формирования практик вовлеченного отцовства.

Важно отметить, что появления самой концепции маскулинности в социологии потребовалось какое-то время, она возникла не сразу. Как отмечают Т. Кэрриган, Б. Коннелл и Дж. Ли, первые исследования маскулинности датируются 20 гг. XX века [Carrigan, Connell, Lee, 1985], но они фокусируются на девиантном поведении мужчин, не пытаясь проникнуть в самую суть мужественности. С 50 гг. крупнейшие теоретики выпускают работы, посвященные маскулинности и вокруг них формируются различные социологические школы.

Совместная монография Т. Парсонса и Р. Бейлза легла в основу полоролевого подхода [Parsons, Bales, 1955]. Они описали бинарную систему, в которой за каждым из полов закреплена своя функция в обществе: у мужчин инструментальная, а у женщин экспрессивная. Если первые ответственны за обеспечение ресурсов для семьи и ее физическую защиту, то вторые отвечают за заботу, создание уюта и предоставление психологической защиты [Parsons, Bales, 1955]. В рамках данного подхода мужчина и женщина не вольны выбирать свои роли и менять свои функции, они усваивают их во время социализации и живут с ними всю жизнь. Они лишены какой бы то ни было агентности.

Новый подход – социальный конструктивизм – получил развитие в работах П. Бергера и Т. Лукмана, которые предложили более подвижную модель. С их точки зрения, положение полов и их взаимоотношения каждый раз социально конструируются, то есть, они изменчивы и могут пересматриваться с течением времени [Бергер, Лукман, 1995]. Важно, что исследователи в рамках данного подхода формулируют целую систему гендерных предписаний, комплексно анализируют проявления маскулинности и феминности в связке с различными

контекстами (историческим, культурно-символическим, сексуальным и т.д.). Необходимо также отметить, что в контексте социального конструктивизма люди рассматриваются уже как деятельные субъекты, которые являются творцами гендерных предписаний. Они не только воспроизводят нормы, но и создают их [Tuttle, 1986].

В контексте драматургического интеракционизма И. Гоффман осмыслил маскулинность в процессе «гендерной игры», которая отражает суть взаимодействия полов на межличностном уровне [Goffman, 1976; Goffman, 1977]. Он фокусируется на конкретных деталях и ритуалах (мимика, жесты, одежда, обращения и т.д.), которые используются представителями разных полов в повседневной жизни, и на основе этих различий выстраивает сложное описание гендерного дисплея, который отражает все проявления мужественности и женственности.

Семидесятые годы ознаменовали собой расцвет исследований маскулинности, особенно обширно о ней заговорили в контексте гендерного неравенства [Messner, 1997]. Следом, в восьмидесятые произошел бурный рост критических исследований гендера в рамках темы разделения труда и распределения власти. В этот период появляется концепция множественной маскулинности, которая подразумевает, что существуют разные типы маскулинности [Carrigan, Connell, Lee, 1985]. Р. Коннелл совершает прорыв в гендерных исследованиях, предлагая свои концепты гегемонной маскулинности и иерархии маскулинностей, основанные на идеях о гегемонии А. Грамши и Л. Альтюссера [Connell, 2000]. Ее идея революционна, поскольку она ломает устоявшееся ранее предположение о существовании единой модели мужественности и женственности, которую продвигали предыдущие исследователи. Кроме того, она выносит предположение о том, что маскулинность зависит от особенностей локальных культур, а также меняется с течением времени. Маскулинность согласно Р. Коннелл иерархична. Если гегемонная маскулинность является воплощением образа идеального мужчины,

то все опыты и формы маскулинности, которые не соответствуют этому шаблону, структурируются в иерархию, подчиняясь ей.

Тем не менее, далее будут обозначены некоторые моменты критики, которые отражают несовершенство концепции маскулинности Р. Коннелл. Исследователи неоднократно отмечали, что данная концепция, несмотря на свой плюрализм, способствует закреплению гетеронормативности и создает иллюзию существования единого образца маскулинности для всех культур [Demetriou, 2001, p. 338-339; Connell, Messerschmidt, 2005, p.832-833, p.836], который присутствует без привязки к определенным историческим рамкам [Здравомыслова, Темкина, 2015, с.425; Connell, Messerschmidt, 2005, p.834-835, p.838]. Важно учитывать локальные и временные контексты для конкретной формы маскулинности. Сам концепт гегемонной маскулинности довольно туманный, так как не совсем очевидно, что за ним стоит (культурные особенности, повседневные практики или что-то еще) [Здравомыслова, Темкина, 2015, с.425; Connell, Messerschmidt, 2005, p.838]. Еще одним спорным моментом концепции маскулинности Р. Коннелл является то, что интерсекциональный подход, учитывающий воздействие разных систем неравенства на жизнь человека (гендер, раса, этничность, возраст, классовая принадлежность и т.д.), не находит в ней применения [Demetriou, 2001, p. 349-351]. В итоге опускается ряд внутренних противоречий, образ мужественности формулируется слишком общо и поверхностно [Здравомыслова, Темкина, 2015, с.426].

Девяностые и нулевые – это время появления исследований маскулинности в рамках структурно-конструктивистского подхода. Маскулинность исследуется с точки зрения ее структурного воспроизводства в социальной системе. Исследователи концентрируются на ее многообразии, изменчивости, а также на вопросе формирования идентичности. Исследуется отражение маскулинности в институциональной сфере: как она воспроизводится в рамках образовательных, армейских, семейных и здравоохранительных сфер [Brown, 1999; Carton, 1991; Grill, 1997]. Р. Коннелл выпускает свою знаменитую

книгу «Masculinities», где описывает исторический аспект исследования мужественности [Connell, 1995]. М. Киммел представляет новую концепцию рыночной маскулинности, которая описывает особенности маскулинности в США [Kimmel, 1996]. По М. Киммелу маскулинность формируется в процессе непрерывного взаимодействия мужчин, которые всю жизнь пытаются соответствовать нормативным представлениям о «настоящем мужчине». Он называет этот процесс «спектаклем мужественности». Мужчины постоянно находятся в страхе ошибиться и быть обвиненными в своей несостоятельности, в своем несоответствии норме. Это порождает конкуренцию, крайнюю гомофобию и даже агрессию, создавая вечную гонку за статусом правильного мужчины, который не имеет права на ошибку [Kimmel, 1996]. Идея М. Киммела в общем созвучна с концепцией гегемонной маскулинности Р. Коннелл, но она модифицирует модель иерархии, помещая всех мужчин в ситуацию борьбы за статус истинного мужчины.

В нулевые годы XXI века исследователи фокусируются на таких темах как маскулинность в контексте гражданственности, институциональных структур, в системе воспроизводства насилия [Hearn, Kimmel, 2006]. Также встречаются исследования маскулинности в измерениях телесности и сексуальности [Seymour, 2003; Hammill, 2001; Fuller, 2000; Adams, 2007], отдельное течение посвящено изучению маскулинности к контексте ЛГБТК+ [Wise, 2001; Fejes, 2002; Han, 2006; Brown, 2005].

В конце девяностых – начале нулевых в России появляются первые работы, посвященные исследованию маскулинности. И.С. Кон публикует свою книгу «Мужчина в меняющемся мире», где при помощи междисциплинарного подхода анализирует российские вопросы, проблемы и особенности маскулинности. Особенно примечательно, что И.С. Кон посвящает целый раздел книги кризису маскулинности, что подчеркивает важность исторической трансформации образцов маскулинности [Кон, 2009]. Говоря о маскулинности в другой своей работе «Мальчик – отец мужчины», И.С. Кон выделяет 3 измерения проявлений

мужественности: общественное положение, образы мужественности и культура мужественности [Кон, 2009, с.9]. Уже на этом этапе изучения детской маскулинности возникают понятия, связанные с особым статусом мужчины в обществе, с проявлением его статуса в телесности и в различных символических образах, уходящих корнями в общественные гендерные нормы и представления о том, каким должен быть настоящий мужчина.

В отличие от западной системы периодических изданий, где за 60 лет успели сформироваться целые журналы, посвященные только исследованиям маскулинности («Men and Masculinities», «The Journal of Men's Studies», «American Journal of Men's Health»), в России таких профильных журналов нет. Тем не менее, ряд исследователей, основываясь на более ранних работах западных коллег, заложили основу для ее изучения. К ним можно отнести А.А. Темкину, Е.А. Здравомыслову, Е.Ю. Рождественскую, И.Н. Тартаковскую, Л.Л. Шпаковскую, Ж.В. Чернову, И.С. Кона, А.В. Авдееву и И.С. Клецину. В основном наши отечественные исследователи изучали маскулинность в различных институциональных контекстах (семейный, армейский, спортивный, корпоративный и т.д.).

Теперь, когда были обозначены основные вехи развития исследований маскулинности и связанные с ними подходы, стоит перейти к рассмотрению существующих в научном дискурсе типов маскулинности в контексте российских и зарубежных исследований. Отдельное внимание будет уделено концепции заботливой маскулинности.

Необходимо ненадолго вернуться к концепции множественной маскулинности Р. Коннелл, которая является в текущем исследовании базовой для выделения типов маскулинности. После этого будут освещены основные типы маскулинности, которые затрагиваются в современных исследованиях в России и за рубежом. Далее будет обозначена концепция заботливой маскулинности К. Эллиотт.

Большинство исследований, посвященных определенным типам маскулинности базируются на концепции гегемонной маскулинности Р. Коннелл, поэтому необходимо для начала обозначить ее определение маскулинности. Это «конфигурации практик в гендерных отношениях, это структура, которая включает крупномасштабные институты и экономические отношения, а также взаимодействия лицом к лицу и сексуальность» [Connell, 2000, p.29]. Это определение необходимо для понимания дальнейшего анализа исследовательских типологий маскулинности, поскольку здесь облако разрозненных смыслов, соотносимых с мужественностью, приобретает более конкретные очертания в рамках социально-конструктивистского подхода и теории критических исследований мужчин и маскулинности (КИМиМ) [Здравомыслова, Темкина, 2018]. Необходимо подчеркнуть, что Р. Коннелл задает своим определением матрицу, которая позволяет структурировать и классифицировать разрозненные мужские опыты. Это определение будет взято за основу для дальнейшего анализа типов маскулинности в российских и зарубежных исследованиях.

Согласно Р. Коннелл мы можем выделить следующие типы маскулинности: гегемонная, соучаствующая, субординированная и маргинализируемая. Условно эти 4 типа маскулинности образуют матрицу для анализа образцов маскулинности в любом сообществе. Важно помнить, что типы маскулинности по Р. Коннелл находятся в иерархии.

Гегемонная маскулинность находится наверху иерархии и определяет идеальный образец мужчины на текущий момент в обществе [Connell, 2000]. Соучаствующая маскулинность включает в себя всех тех мужчин, которые хотят соответствовать гегемонной маскулинности, но по каким-то причинам до неё не дотягивают [Connell, 2000]. Субординированная маскулинность — это те образцы маскулинности, которые являются по сути альтернативными по отношению к гегемонной маскулинности. Они от неё кардинально отличаются по разным признакам. Но в иерархии они стоят на третьем месте, потому что

находятся в оппозиции. Поэтому они вынужденно подчинены главенствующему образцу [Connell, 2000]. Последний тип — это маргинализованная маскулинность. Сюда входят все те типы маскулинности, которые подвергаются стигматизации под влиянием гегемонной маскулинности [Connell, 2000]. Например, маскулинности представителей ЛГБТ-сообществ стигматизируются, потому что для соответствия гегемонному образцу нужна гомофобия как отрицание определённых проявлений мужественности.

По сути, остальные типы маскулинности, которые описывают исследователи сегодня, вписываются в эту рамку или являются её производными. Например, милитаристская, спортивная, борцовская и токсичная маскулинности являются примерами гегемонной или соучаствующей маскулинности. Про-феминистская и заботливая маскулинности руководствуются идеями гендерного равенства, поэтому их относят к области альтернативной или субординированной маскулинности. ЛГБТ-маскулинности, андрогинная маскулинность относятся к формам маргинализованной маскулинности в контексте современного российского общества. Далее кратко будут рассмотрим те типы маскулинности, которые присутствуют сегодня в современной отечественной и зарубежной социологии.

Отдельно стоит отметить, что токсичная маскулинность — это новшество, пришедшее в социологию из области психологии. Тем не менее, она так интегрировалась в обиход современных людей, что ей посвящены отдельные исследования. Она является скорее производной от гегемонной маскулинности, которая вбирает в себя все её негативные проявления (грубость, жестокость, постоянную конкуренцию, бесчувственность и т.д.). Например, И. Чан описывает в своей статье такие проявления токсичной маскулинности в Сингапуре как насилие, сексизм и сексуальные домогательства [Chan, 2022, p. 225-227]. М.К. Ходкевич анализирует феномен токсичной маскулинности в рекламе. Она раскрывает его на основе требований (быть успешным, безэмоциональным и не показывать слабость), предъявляемых к современному

мужчине. На ее взгляд, токсичная маскулинность является продуктом господствующих в обществе установок гегемонной маскулинности [Ходкевич, 2019, с. 143-150]. А.П. Романов раскрывает процесс формирования токсичной маскулинности на примере института дедовщины в российской армии [Романов, 2021]. Он отмечает различные последствия токсичной маскулинности, к которым относит также пытки, самоубийства мужчин в результате травли и изнасилования [Романов, 2021, с.117].

Милитаристская или военная маскулинность активно исследуется как в России, так и за рубежом. Например, И. Тартаковская пишет о том, что российский образец гегемонной маскулинности во многом сформировался в результате участия российских мужчин в боевых действиях в Афганистане. Эта военная маскулинность была перенесена в гражданские стандарты восприятия мужественности [Тартаковская, 2012, с.338-341]. К.В. Игаева представляет анализ военной маскулинности на основе формирования бинарной оппозиции «мужское военное VS женское мирное» [Игаева, 2018, с.246]. Она также отмечает гегемонный характер этой маскулинности, поскольку она направлена на постоянное доминирование, достижение власти, контроля и удовлетворение чувства собственного превосходства над другими [Игаева, 2018, с.248]. А. Панкратц анализирует переосмысление патриотичной милитаристской маскулинности в британской киноиндустрии, а именно в ситкоммах [Pankratz, 2020]. Она говорит о том, что во многом на основаниях этой маскулинности сегодня строится юмор ситкоммов, образы военных реконтекстуализируются из гегемонных в комичные. Г. Спектор-Мерсель и О. Гилбар затрагивают проблемы военной маскулинности бывших израильских военнослужащих, раскрывая их опыт ПТСР и способы адаптации, уходя от гегемонной маскулинности в сторону различных гибридных форматов [Spector-Mersel, Gilbar, 2021]. А. Кристенсен и М. Киид свидетельствуют о том, что опыт участия в военных действиях комплексно воздействует на все стороны жизни мужчины (брак, инвалидность, репрезентации в культуре, отношения с близкими и др.) [Christensren, Kyed,

2022]. К. Войницкая приводит в своем исследовании анализ военной маскулинности на примере гегемонных маскулинностей политиков, которые транслируются в СМИ [Wojnicka et al., 2022].

Спортивная маскулинность по прошествии лет остается достаточно популярной темой у исследователей маскулинности. Е.Д. Чеботарева исследует спортивную маскулинность в контексте спортклубов и связанных с ними досуговых практик молодежи [Чеботарева, 2021]. Она отмечает существование у подростков бинарной оппозиции «мужское-женское», которая обнаруживает за собой важность для спортивных коллективов соответствия образцу гегемонной маскулинности. Тех молодых людей, которые не вписываются, нарекают обидными кличками и смеются над ними. Сама спортивная маскулинность формируется в процессе взаимодействия с коллективом [Чеботарева, 2021, с.3-4]. С.И. Поляков изучил и описал спортивную маскулинность в контексте опыта уличных борцов в Дагестане [Поляков, 2021]. Борцовская маскулинность основывается на приверженности ценностям, этническом и религиозном аспектах идентичности мужчин, а также на их стремлении самосовершенствоваться в процессе постоянного обучения у наставников и конкурировать за звание лучшего борца на площадке [Поляков, 2021, с.116-121]. Примечательно, что карьера борца может предоставить ему доступ к ценным связям и хорошей работе, поэтому здесь спортивная маскулинность является своеобразным социальным лифтом для дагестанских борцов [Поляков, 2021, с.119-120].

Гибридные\субординированные и маргинализированные маскулинности больше всего занимают внимание зарубежных исследователей. В отечественной социологии не так много работ посвящены этой форме маскулинности. Например, К. Аавик и М. Велган анализируют веганскую маскулинность, основанную на бережном отношении к своему телу и к окружающей среде [Aavik, Velgan, 2021]. Также К. Хаммерсли фокусируется на гибридной маскулинности ирландских фермеров, которые пытаются выстроить баланс

между законодательными ограничениями и природными ресурсами в своем хозяйстве [Hammersley et al, 2021]. Ряд исследований посвящен квир-маскулинности и андрогинной маскулинности. Например, Б. Барри анализирует различные способы визуальной репрезентации маскулинности в одежде и при помощи моды [Barry, 2018]. М. Брюер представляет кейсы маскулинности геев из сельских областей Великобритании [Brewer, 2018], а А. Шарма и Т. Саманта описывают в своей работе особенности индийской гомосексуальной маскулинности [Sharma, Samanta, 2020].

В течение последнего десятилетия к профеминистскому движению постепенно начали присоединяться представители мужского пола, которые осознали важность изменений гендерного порядка и готовы поддержать женщин в движении к независимости. В случае гендерного равенства сами мужчины получают возможность влиять на довлеющие над ними идеалы маскулинности, которые запрещают им, например, быть вовлеченными в сферу заботы. Э.М. Ариф и А.А. Ревякина изучили гибридную маскулинность нейл-мастеров в Санкт-Петербурге [Ариф, Ревякина, 2022]. Они обозначили ее как «избирательно-мягкую», что отражает ее внутреннюю противоречивость. С одной стороны, мужчины-мастера ногтевого сервиса работают в сфере услуг, чьим основным потребителем является женская аудитория, то есть, они вынуждены подстраиваться под нее, быть обходительными и чуткими к пожеланиям клиентов. С другой, они характеризуют себя как очень ответственных мастеров и часто противопоставляют себя мастерам-женщинам по уровню профессионализма, говоря, что они достигли больших высот, чем их коллеги женского пола. При этом они отмечают у себя как умение слушать, так и высокий уровень концентрации, организованность и самоконтроль. Эта мягкая форма гибридной маскулинности помогает мужчинам реализовать свой потенциал в данной сфере и формирует у них новые стандарты восприятия мужественности, альтернативные текущей форме гегемонной маскулинности [Ариф, Ревякина, 2022, с.89-99].

Здесь важно обозначить еще один тип маскулинности, а именно – «заботливую маскулинность», описанную К. Эллиотт [Elliott, 2016]. Этот тип соответствует по классификации Р. Коннелл гибридной или субординированной маскулинности. Для начала необходимо рассмотреть определение заботливой маскулинности. К. Эллиотт объясняет ее как «мужскую идентичность, отвергающую доминирование и насилие, но включающую в себя такие черты заботы как взаимозависимость партнеров, гендерное равенство и эмоциональную вовлеченность в процессе взаимоотношений» [Elliott, 2016, p.240]. К. Эллиотт сформулировала данное определение на основе феминистской оптики и критических исследований мужчин и маскулинности. Исследовательница придерживается в своей работе позиции, что эта новая форма маскулинности позволит мужчинам оставаться более вовлеченными, переформатировать свой образ жизни и преодолеть гендерное неравенство. Также заботливая маскулинность нивелирует негативные эффекты гегемонной маскулинности, навязываемые мужчине обществом. К ним можно отнести безэмоциональность, давление насильственных стандартов доминирования, борьбы и успешности. Распространение образца заботливой маскулинности в свою очередь поможет снизить риски, связанные со здоровьем и эмоциональным одиночеством [Elliott, 2016, p.241]. В конечном счете, у мужчин появятся новые возможности быть включенными в практики ухода, заботы и более грамотно научиться распределять нагрузку между работой и семьей. Важным шагом будет предоставление декретных отпусков мужчинам на равных основаниях с женщинами и искоренение осуждения и стигматизации, связанных с решением мужчины взять такой отпуск по уходу за ребенком. Мужчина имеет право ухаживать за ребенком в равной степени, как и женщина. Женщина имеет право быть вовлеченной в работу так же, как и мужчина. Это позволит построить более гармоничные семейные отношения, основанные на доверии и взаимной поддержке [Elliott, 2016, p.243-245]. Согласно феминистской оптике заботы мужчина традиционно исключен из сферы заботы (семья, здравоохранение,

бьюти-услуги, быт и т.д.). Концепция К. Эллиотт помогает преодолеть это ограничение и предоставляет мужчинам достойную альтернативу погоне за постоянным доминированием, на которой зациклена гегемонная маскулинность [Elliott, 2016; Ruby, Scholz, 2018].

Критики концепции заботливой маскулинности («caring masculinity») подчеркивают такие моменты как конформность относительно господствующих форм гегемонной маскулинности [Eisen, Yamashita, 2017; Hunter, Riggs, Augoustinos, 2017], неясность вопроса прекарности мужского труда, отсутствие четких проектов реформирования государственной гендерной политики, а также борьбы со существующими сейчас гендерными стереотипами [Hrženjak, Humer, 2018; Scambor, Gärtner, 2019]. Помимо критических работ важно упомянуть также, что уже сейчас публикуются различные примеры проектов по снижению бытового насилия в семье, основанных на концепции заботливой маскулинности К. Эллиотт [Hoang, 2013, p.81]. Это говорит о том, что она является довольно жизнеспособной.

Также необходимо упомянуть работы, раскрывающие суть заботливой маскулинности в российском контексте. Это книга И.С. Кона «Мужчина в меняющемся мире», где подробно описан кризис маскулинности и очерчен прогноз на усиление гендерного равенства, который влечет возникновение «нового мужчины», совпадающего по смыслу с описанием концепта К. Эллиотт [Кон, 2009, с.61-63]. Е.Ю Рождественская в статье «Вовлеченное отцовство, заботливая маскулинность» также отмечает в России рост количества мужчин, которые готовы быть более вовлеченными в заботу о детях, посвящать время семье и пользоваться системой декретных отпусков [Рождественская, 2020, с.161-167]. Статья Е. Анжеловой и А.А. Темкиной также иллюстрирует пример заботливой маскулинности в ситуации родов, когда отец принимает активное участие в процессе, находясь рядом с женой и оказывая ей эмоциональную поддержку, взаимодействуя с медперсоналом роддома и организуя достойное содержание своей супруги во время всего периода до и после родов [Ангелова,

Темкина, 2009, с.473-504]. Зарубежные исследователи также активно пользуются концепцией заботливой маскулинности К. Эллиотт. Например, в исследованиях локальной заботливой маскулинности на Балканах [Hughson, 2019] или в контексте взаимоотношений серодискордантных пар [Mitchell et al, 2021].

Таким образом, в данном параграфе были рассмотрены основные теоретические подходы к концептуализации маскулинности и ключевые типы маскулинности, анализируемые в исследованиях российских и зарубежных социологов. За основу типологии упомянутых маскулинностей была взята концепция иерархичной маскулинности Р. Коннелл, поскольку она позволяет сопоставить разные мужские опыты и предусматривает множественность образцов маскулинности, которые меняются с течением времени.

Для дальнейшего анализа наиболее важна концепция заботливой маскулинности К. Эллиотт. Она является базовой парадигмой маскулинности в рамках данного исследования, поскольку содержит в себе основания для осмысления отцовской вовлеченности и практик отцовской заботы внутри семьи, в том числе после развода. В контексте данного исследования заботливая маскулинность – это совокупность установок, которые определяют участие мужчины в жизни семьи, воспитании детей и в заботе о близких. Для мужчины с типом заботливой маскулинности первостепенную важность играют его взаимоотношения с членами семьи, его роль как отца и осуществление заботы о своих родственниках через регулярные повседневные практики.

1.2. Вовлеченное отцовство

Далее будут проанализированы основные подходы к концептуализации и типологизации отцовства. В конце раздела будет рассмотрена концепция вовлеченного отцовства, являющаяся базовой концепцией для анализа практик отцовской вовлеченности. Также будут выделены признаки вовлеченного отцовства на основе работ российских и зарубежных исследователей.

Для начала необходимо определиться с самим понятием «отцовство». В целом, можно выделить несколько основных подходов к интерпретации данного понятия. В своем анализе Т. Йоханссон выделяет четыре основных способа концептуализации отцовства на базе теоретических работ знаковых социологов 20 века [Johansson, 2011, p.229-239]. Каждый из них соответствует определенному уровню развития общества в отношении гендерной рефлексии. Чем более развито общество, тем более гендерно-нейтральными становятся родительские роли и тем выше уровень гендерного равноправия [Johansson, 2011, p.240].

Первый, структурно-функционалистский способ понимания отцовства, базируется на теории гендерных ролей Т. Парсонса и Р. Бэйлза [Parsons, Bales, 1955]. В рамках данного подхода внутри семьи определяются две диаметрально противоположные фигуры – отец, являющийся «инструментальным лидером», выполняющий функцию главы семьи, который применяет физическое наказание к детям в случае непослушания, и мать, выполняющая функцию выражения и проживания эмоций, к которой дети приходят за утешением. Ключевая функция такой системы как семья – это гендерное воспроизводство образцов этих двух комплиментарных ролей отца и матери («функция воспроизводства образца»). Модель Т. Парсонса и Р. Бэйлза, неоднократно критиковалась из-за своей жесткости и слишком традиционного взгляда на распределение семейных ролей между супругами [Johansson, 2011, p.231-232]. Сами исследователи отмечали, что все больше женщин, представительниц среднего класса, выбиваются из описанной ими модели категоризации, поскольку их семейные роли часто выходят за грани обозначенной «экспрессивной функции» [Parsons, Bales, 1955]. Кроме того, в данной модели абсолютно отсутствует влияние старших родственников и других участников семейной жизни [Johansson, 2011, p.232].

Второй способ понимания отцовства основан на работах Э. Гидденса и У. Бека. Это модель рефлексивного современного отцовства, опирающегося на самоанализ в отношении собственной интимности и сексуальности [Giddens,

1992; Beck, Beck-Gernsheim, 1995]. В эпоху модерна, согласно Э. Гидденсу, индивиды уходят от традиционных романтических отношений к «чистым отношениям», на основе рационального выбора и оценки своей личной совместимости с другими людьми [Giddens, 1992]. Фигура современного отца описана У. Бэком крайне размыто. Она играет скорее негативную роль внутри семьи, поскольку мужчина не может справиться с быстрыми изменениями реальности и эмоциями, сопровождающими их. Например, в ситуации гендерно-нейтральной демократической семьи в роли домохозяина мужчина теряет, приобретает «маргинальный статус» [Beck, Beck-Gernsheim, 1995, p.2, p.11-45]. Тем не менее, У. Бек и Э. Гидденс представили новую модель отцовства, отличающуюся от функционалистской тем, что у отца появляется измерение индивидуальной рефлексии собственного опыта и возможность индивидуального выбора [Johansson, 2011, p.232-233].

Третий подход осмысления отцовства основан на концепции гегемонной маскулинности Р. Коннелл и на идеях критических исследований маскулинности [Connell, 1995]. Р. Коннелл задала рамку для анализа отцовства своей моделью иерархии маскулинностей. Поскольку отцовство – это категория, завязанная на маскулинности, силе и власти, то, согласно идеям Р. Коннелл, определенные модели маскулинности будут соответствовать конкретным моделям отцовства (традиционная модель отцовства – гегемонная маскулинность, новая\вовлеченная модель отцовства – альтернативная маскулинность и т.д.) [Connell, 1995, p.76-81]. Для Р. Коннелл идеальной моделью семьи является ситуация равноправного гендерно-нейтрального родительства, где оба родителя на равных заботятся о ребенке, что обозначено в ее книге «The Men and the Boys» [Connell, 2000, p.215-216]. Тем не менее, она не приводит никаких четких указаний, как такая модель родительства может быть реализована на практике. В ее модели объяснения семьи по-прежнему остается гендерное разделение семейных ролей [Johansson, 2011, p.233].

Четвертый подход к пониманию отцовства основан на концепциях «инклюзивной маскулинности» и «нового отцовства» Э. Андерсена [Anderson, 2009]. Как и Р. Коннелл, он признает важность изменения паттернов маскулинности с течением времени. Э. Андерсен постулирует, что в современном постиндустриальном обществе из-за «эмоциональной отделенности» мальчиков от своих «отсутствующих отцов» снижается уровень гомофобии, растет разнообразие маскулинных идентичностей, а вместе с ним, перечень семейных ролей, в которых мужчина может быть задействован [Anderson, 2009, p.27]. Маскулинность будущего по Э. Андерсену становится более интегративной в отношении категории квинности и более гибкой в плане границ гендерных ролей [Johansson, 2011, p.236]. Модель «нового отцовства» Э. Андерсена приводит нас к идее о переходе от анализа сепарированных категорий мужского и женского к более общему уровню анализа категории гендерно-нейтрального родительства. Она позволяет концептуально преодолеть в будущем гендерное разделение и противостояние на основе «инклюзивной маскулинности» [Johansson, 2011, p.236-237]. Данная модель отцовства получила развитие в ряде работ современных зарубежных исследователей [Smart, 2007, p.133-156; Stacey, 2006, p.27-55; Klinth, Johansson, 2010].

И.С. Клецина выделяет несколько альтернативных подходов к анализу отцовства: социально-конструктивистский, биолого-эволюционный, психоаналитический, подход теории социализации и гендерный подход [Клецина, 2009, с.31-36]. Социально-конструктивистский подход нацелен на анализ социокультурных норм отцовства, общественных предписаний, динамики развития нормативного образца отцовства, а также на благополучие отцов, находящихся под воздействием доминирующего образца маскулинности [Гурко, 2008; Киммел, 2006; Кон, 2009]. Биолого-эволюционный подход определяет отцовство как набор биологических характеристик, закрепившихся в процессе эволюционного развития [Тартаковская, 2005, с. 154]. Психоаналитический подход З. Фрейда анализирует отцовство как результат

взросления человека в результате решения бессознательного конфликта в раннем детстве. Он определяет развитие мужчины в роли отца в ходе его психологического развития [Клецина, 2009, с.32]. Теория социализации определяет отцовство как гендерную роль, присущую мужчине, прошедшему процесс социализации. Основания этой теории находятся в концепции «половых ролей» Т. Парсонса [Клецина, 2009, с.33]. Гендерный подход определяет отцовство как один из ключевых элементов идентичности мужчины, укорененный в практиках родительской заботы [Тартаковская, 2005; Pleck, 1981].

В отношении гендерного подхода для анализа отцовства стоит упомянуть еще несколько исследований. В статье И.С. Клециной содержится анализ отцовства с точки зрения критических исследований маскулинности [Клецина, 2009]. Она выделяет два основных подхода к пониманию отцовства, основываясь на более ранних работах других исследователей. Первое значение отцовства – это социальный институт (fatherhood) [Кон, 2009, с. 305]. Здесь отцовство описывается с точки зрения конкретных предписаний, правил, нормативов и эталонов, которым мужчина должен соответствовать. Второе значение отцовства – это совокупность практик и ролей, относящихся к воспитанию детей и обеспечению их благополучного взросления (fathering) [Кон, 2009, с. 305]. В ходе освоения практик заботы происходит отцовская идентификация, то есть процесс формирования отцовской идентичности, завязанной на определенных паттернах поведения мужчины в качестве отца, которые он приобретает в течение жизни [Гурко, 2008, с. 106]. Оба подхода к пониманию отцовства взаимосвязаны и важны. Мужчина не только выполняет роль отца, но и самореализуется в процессе участия в воспитании детей [Клецина, 2009, с.30]. Е.А. Чикалова также выстраивает анализ теорий отцовства с позиции критических исследований маскулинности [Чикалова, 2012]. Основываясь на идеях И.С. Кона, исследовательница выделяет три уровня анализа отцовства [Чикалова, 2012, с.46]: уровень межличностных интеракций (исследования взаимоотношений

отца с ребенком), уровень групп (исследования разных групп отцов), а также социетальный уровень (исследования взаимоотношений института отцовства с другими социальными институтами) [Кон, 2005, с. 3]. В. Дуаз выделяет отдельный уровень «психологических\нутриличностных процессов» [Андреева, Богомолова, Петровская, 2002, с. 246].

Ч.И. Ильдарханова также придерживается оснований гендерного подхода к анализу отцовства, в рамках которого выдвигается важность переопределения гендерных норм и правил семейного взаимодействия в процессе заботы о ребенке [Ильдарханова, 2019, с. 164-165]. Исследовательница определяет отцовство как «социальный конструкт, который зависит от социальных и экономически, культурных, политических условий, в рамках которых осуществляется родительство» [Ильдарханова, 2019, с.167]. Ч.И. Ильдарханова отмечает важность отделения концепта отцовства от биологических оснований маскулинности. На формирование отцовства как социального института влияние оказывают другие институты, текущие гендерные режимы, принятые модели воспитания детей и модели семейной политики [Ильдарханова, 2019, с.164-167].

Основываясь на гендерном и ролевом подходе, В.Д. Спасов описывает концепцию множественности отцовских ролей, которые находятся в иерархии и используются инструментально в зависимости от ситуации (роль добытчика, партнера по игре, наставника, воспитателя и т.д.) [Спасов, 2011, с.275-276]. В.Д. Спасов отмечает важность гендерной роли отца, которая обуславливает формирование определенных практик и родительских установок [Спасов, 2011, с.275].

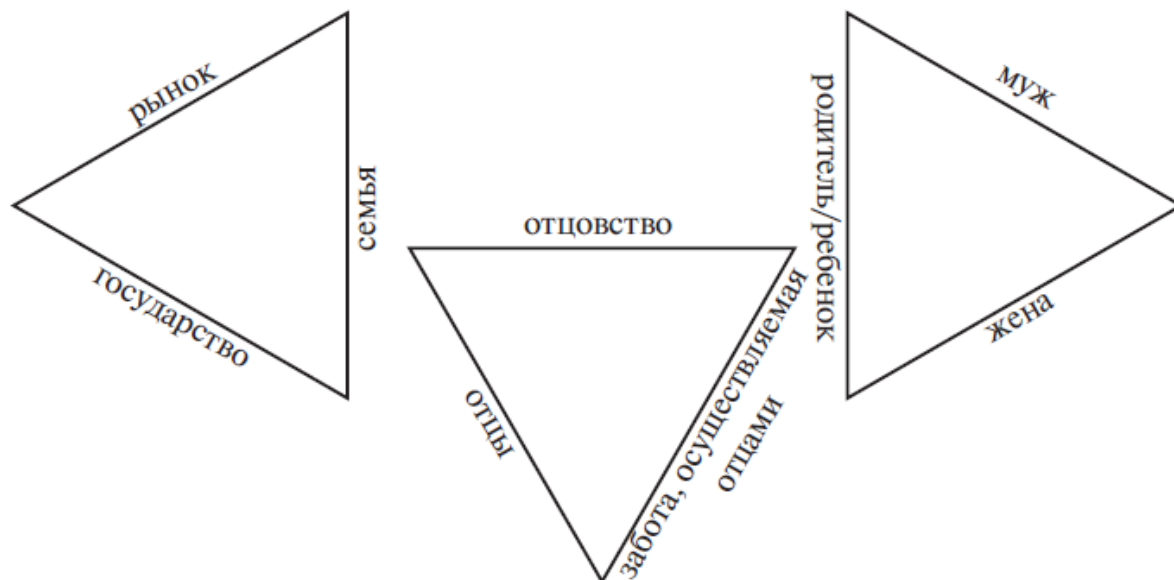
В рамках гендерного подхода к анализу отцовства интерес представляет также связь отцов и сыновей. В работе «Гендер и маскулинность, сыновья и отцы» И.С. Кон определяет «сыновство» как «необходимое дополнение и коррелят отцовства» [Кон, 2012, с.49]. Автор отмечает большую важность процесса наследования паттернов отцовства от отца к сыну, который происходит в процессе обучения на своем опыте [Кон, 2012, с.49]. И.С. Кон свидетельствует

о том, что не существует универсальных методов воспитания сыновей, поэтому нет смысла в том, чтобы прививать мальчикам нормы и принципы гегемонной маскулинности [Кон, 2012, с.56]. Это не делает их адаптивными в условиях трансформации гендерных ролей, которая происходит в наше время. Все сугубо индивидуально, поэтому воспитание мальчиков должно происходить очень аккуратно и с большим вниманием к индивидуальным особенностям ребенка [Кон, 2012, с.59-63].

К. Сувада анализирует отцовство в контексте родительства с точки зрения неоплачиваемого труда, а также в разрезе концепции К. Уэст и Д. Зиммермана «Doing gender» [Suwada, 2021; West, Zimmerman, 1987]. В обоих случаях отцовство определяется как гендерная производная от родительства, однако в первом случае рассматривается гендерное неравенство в области неоплачиваемого домашнего труда, большую часть которого традиционно выполняют женщины [Suwada, 2021, p.14-17], а во втором отцовство и материнство анализируются с точки зрения перформативного ежедневного воспроизведения гендерных различий через отношения и гендерные иерархии в процессе взаимодействия [Suwada, 2021, p.18-26]. Исследовательница использует оба подхода для концептуализации отцовства в Польше в начале 21 века [Suwada, 2021].

Отдельный подход к концептуализации отцовства – это семейно-политический подход. В статье Ж.В. Черновой «Семейная политика в западноевропейских странах: Модели отцовства» отцовство определяется как элемент семейной политики, направленный на мужчин [Чернова, 2012, с.107]. Исследовательница приводит универсальный инструмент анализа отцовства с перспективы семейной политики, а именно три треугольника анализа отцовства, которые позволяют учесть три концептуальные плоскости отцовства [Hobson, Morgan, 2002, p.9]: 1) «Рынок, государство и семья»; 2) «Отцы, отцовство и забота, осуществляемая отцами»; 3) «Муж, жена и родитель\ребенок» (См. Рис №1).

Рисунок №1. Институциональный, семейный и отцовский треугольники [Hobson, Morgan, 2002, p.9]

Первое измерение описывает институциональные отношения между семьей и государственными структурами, которые в результате реализации семейной политики формируют особые условия для существования и развития семьи и отцовства (отпуска по уходу за ребенком, популяризация совместной опеки после развода и т.д.) [Чернова, 2012, с.107-108].

Второе измерение определяет структуру внутрисемейных отношений в двух плоскостях: взаимоотношений супругов и взаимоотношений супругов с ребенком. На данном уровне Ж.В. Чернова противопоставляет традиционную модель с одним «сильным кормильцем-мужчиной» новой модели семьи с двумя эгалитарными кормильцами, где мужчина выполняет роль «слабого» или «умеренного кормильца» согласно идеям Дж. Льюис [Lewis, 1992; Чернова, 2012, с.108].

Третье измерение включает в себя взаимосвязь отцовства как социального института и отцовства как набора практик по заботе о детях. На данном уровне важен анализ политических, дискурсивных и законодательных особенностей, которые влияют на формирование отцовства (моделей семейной политики). Ж.В.

Чернова предлагает следующую модель анализа в рамках данного измерения: 1) отцовство как индивидуальный опыт мужчины, 2) отцовство как социальный институт [Чернова, 2012, с.108]. В первом случае необходимо разделять биологическое и социальное понимание отцовства, а также отделять отцовство от брака. То есть, оцениваться будет качество взаимоотношений мужчины с ребенком и выполнение им своих социальных функций по отношению к нему. Во втором случае, анализ фокусируется на правах, статусах и обязанностях разных типов отцов и производится их сравнение между собой [Чернова, 2012, с.108-109].

Ж.В. Чернова формулирует интегративное определение отцовства следующим образом: «отцовство имеет множество измерений, может быть рассмотрено не только как социальный институт, который (вос)производится в рамках определенной семейной политики, или как индивидуальный опыт мужчины по уходу за ребенком и его воспитанию, но и набор определенных предписаний и практик, связанный с этапом жизненного цикла семьи, количеством детей и их возрастом» [Чернова, 2012, с.111]. В данном определении соединены институциональный, семейно-политический и гендерный подходы к пониманию отцовства. Оно является самым всеобъемлющим и будет взято за основу для дальнейшего анализа отцовства.

Таким образом, в данной части были обозначены ключевые подходы к концептуализации отцовства: структурно-функционалистский, социально-конструктивистский, биолого-эволюционный, психоаналитический, семейно-политический, гендерный, практико-ролевой, подход теории социализации, подход критических исследований маскулинности, а также две аналитические модели – рефлексивного современного отцовства и инклюзивного нового отцовства. На сегодняшний день одним из самых популярных подходов среди исследователей отцовства является гендерный подход в сочетании с критическими исследованиями маскулинности. Для данной работы актуально применение комбинации гендерного, институционального и практико-ролевого

подходов. Поэтому отцовство в контексте текущего исследования будет определено как совокупность институциональных, семейно-политических и внутрисемейных отношений, основанных на повседневных практиках отцовской заботы о детях и наличии у мужчин отцовской идентичности.

Первое направление типологизации – это анализ моделей семейной политики государств в отношении отцовства. Ж.В Чернова в статье «Семейная политика в западноевропейских странах: модели отцовства» обращается к типологии моделей родительства Б. Пфау-Эффингер в государствах всеобщего благосостояния [Чернова, 2012, с.111]. Всего было выделено 6 типов моделей: 1) «модель семейной экономики», 2) «модель с мужчиной-кормильцем и женщиной-домохозяйкой», 3) «модель с мужчиной-кормильцем и женщиной частично домохозяйкой», 4) «модель двух кормильцев при государственном уходе за детьми», 5) «модель двух кормильцев-домохозяев», 6) «модель двух кормильцев и наемной женщины-домохозяйки» [Pfau-Effinger, 2000].

Основываясь на данных моделях полярно-ролевого родительства Ж.В. Чернова выстраивает свою типологию моделей отцовства. «Традиционное отцовство» вписывается в первые три модели родительства по типологии Б. Пфау-Эффингер. Второй и третий типы моделей соответствуют нуклеарной форме семьи. Мужчина выполняет инструментальную роль «кормильца», поэтому он завязан на своей рабочей функции и отстранен от воспитания детей [Чернова, 2012, с.111]. Кризис данной модели традиционного отцовства связан с феноменом «отсутствующего отца» [Garrigan, Connell, Lee, 1985].

Также Ж.В Чернова выделяет модель «ответственного отцовства», которому соответствует высокая включенность в заботу о ребенке и вовлеченность в семейную сферу, поддержка матери и ребенка на всех этапах его взросления. Эта модель соответствует пятой модели в типологии Б. Пфау-Эффингер и наиболее применима в странах социал-демократической модели семейной политики с возможностью предоставления отпуска по уходу за ребенком для отцов [Чернова, 2012, с.112-113].

Третья модель отцовства – это «советское отцовство». Согласно Ж.В. Черновой, она сформировалась на постсоветском пространстве в ходе реализации советской гендерной политики [Чернова, 2007, с. 138-168]. В контексте этатрагического гендерного порядка был заключен своеобразный союз женщины и государства в сфере заботы, из которого исключалась фигура отца. Материнство и детство стали объектами заботы с точки зрения государства, тем не менее, советская семейная политика воспроизводила традиционное гендерное распределение семейных ролей [Чернова, 2012, с.113]. Относительно критики типологии Б. Пфау-Эффингер в государствах всеобщего благосостояния, Ж.В. Чернова отмечает, что она исключает аспект женского материнского опыта, а также опыт женщин как работниц и граждан государства [Lewis, 1992; Чернова, 2012, с. 114].

Также на основе идей Хобсона и Моргана Ж.В. Чернова формирует типологию государств по моделям семейной политики [Hobson, Morgan, 2002, p.7-8]. Выделяется три типа моделей семейной политики: 1) социал-демократическая (характерна для Швеции), в которой поддерживается модель сильных отцовских обязательств, но при этом слабая правовая поддержка отцовства; 2) либеральная (характерна для Великобритании), в которой воспроизводится модель слабых отцовских обязательств, но правовая поддержка отцовства на среднем уровне; 3) консервативная (характерна для Германии), в которой и обязанности отцов, и их права поддерживаются на среднем уровне [Чернова, 2012, с.115]. Исследовательница делает вывод, что нет четкого соответствия между реализуемыми моделями семейной политики и поддержании определенной политики в отношении отцовства [Чернова, 2012, с.115].

Второе направление типологизации отцовства – это анализ отцовских идентичностей и ролевых моделей отцов. В статье О.Н. Безруковой «Отцовство в трансформирующемся обществе: ожидания матерей и практики отцов» содержится типология отцов согласно их идентичностям и ролевым моделям

[Безрукова, 2013]. На основе ценностных, когнитивных, аффективных и поведенческих показателей выделены 4 типа отцовства: 1) «активно-принимающие» (обладают активной поддержкой ребенка и высоким уровнем участия в семейных делах, данному типу отцовства соответствует зрелый тип отцовской идентичности); 2) «пассивно-принимающие» (сконцентрированы на выполнении традиционных функций и иногда вовлекаются в функции нового отцовства, пассивно принимают помощь со стороны матери, данному типу отцовства соответствует инфантильная\ситуативная отцовская идентичность); 3) «пассивно-отвергающие» (для них характерно избегание какого-либо рода поддержки, финансовой, эмоциональной, выплаты алиментов и т.д., они являются носителями отчужденной отцовской идентичности); 4) «активно-отвергающие» (самый негативный тип отцов, которые активно отказывают в поддержке матери и ребенку, принуждают к аборту, прибегают к насилию, для них характерен тип негативной отцовской идентичности) [Безрукова, 2013, с. 121-122].

Л. Левингтон проанализировал первые опыты мужчин-австралийцев на пути становления их отцовской идентичности [Lewington, 2021]. Он свидетельствует о разрыве в идентичности большинства информантов между двумя полярными полюсами – «маскулинного кормильца» и «воспитателя» [Lewington, 2021, p.5-7]. Тем не менее, исследователь отмечает, что традиционное и нетрадиционное отцовство – это идеальные типы, а не реальные типы отцов. Определить четкие категории отцовства невозможно, поскольку происходит внутренний конфликт отцовских ролей [Lewington, 2021, p.4-6]. Отцы, попадая под влияние установок гегемонной маскулинности, оказываются в поле противоречий, поскольку с одной стороны они вынуждены следовать идеалам «традиционного отцовства», а с другой – идеалам «нового отцовства» [Lewington, 2021, p.17-20]. Социальное и культурное давление вытесняет отцов из сферы заботы о ребенке, делая их добытчиками. Традиционное разделение труда не дает многим мужчинам вырваться из роли снабжателя (breadwinner) и

стать заботливым воспитателем (caregiver). Требования со стороны работодателей также формируют режимы заботы отцов и их стили поведения внутри семьи. Работодатели не всегда готовы предоставлять отпуск по уходу за ребенком. Мужчины находятся в постоянной борьбе между различными социально-культурными образцами и ролями отцов, которые им предписываются [Lewington, 2021, p.21-23].

Третье направление типологизации отцовства – это анализ отцовской вовлеченности на основе отцовских практик. А.Л. Янак анализирует отцовскую вовлеченность в семьях различных типов в России. Выделяются такие типы отцовской вовлеченности как «активная» (полная реализация родительских функций заботы), «выборочная\частичная» (выполнение только определенных родительских функций), «факультативная» (редкие контакты с ребенком) и «отсутствующая» (отсутствие контактов с ребенком) [Янак, 2018, с.127-128]. Выявлено три группы факторов, влияющих на отцовскую вовлеченность: макродетерминанты (институциональные факторы: семейная политика, локальные традиции родительства, гендерные режимы и общественные установки), мезодетерминанты (тип семьи, статус брака, тип отцовства) и микродетерминанты (уровень отцовской идентичности: «личностные родительские установки, ценностные ориентации и мотивы, степень готовности к отцовству») [Янак, 2018, с.125-130].

В статье Н. Б. Гафизовой и Д. И. Смирновой содержится анализ отцовской вовлеченности в г. Иваново в полных и неполных семьях (соответственно, до и после развода) [Гафизова, Смирнова, 2015]. Эти два типа отцовства сопоставлены по ряду функциональных характеристик: воспитательной, социально-статусной, хозяйственно-бытовой, функции социального контроля, досуговой и коммуникативной [Гафизова, Смирнова, 2015, с.70-75]. В целом, исследовательницы характеризуют вовлеченность отцов обеих категорий через эмоционально ограниченную связь с ребенком, высокий уровень дистанцированности, возрастающий после развода, низкую вовлеченность по

сравнению с матерями, опосредованные пути участия в жизни семьи (например, через финансирование, а не через эмоции и вовлеченность), а также слабую реализации хозяйственно-бытовой функции [Гафизова, Смирнова, 2015, с.75]. После развода все характеристики отцов, согласно данным исследования, ухудшаются. Увеличивается дистанция, сокращается количество коммуникации и уровень отцовской вовлеченности. Исследовательницы делают вывод, что «вовлеченное отцовство» в контексте г. Иваново — это пока лишь только социальный проект будущего, а не часть реальности [Гафизова, Смирнова, 2015, с.75].

И.С. Клецина производит анализ практик вовлеченности отцов, соответствующих определенным моделям маскулинности [Клецина, 2009]. В рамках традиционной модели маскулинности она выделяет тип «традиционного отца» (выполняет роль главы, руководителя) и тип «отсутствующего отца» (не выполняет никакой роли), а в рамках модели новой маскулинности — «ответственного отца» (промежуточный тип между традиционным и новым, участвует в заботе о ребенке, но меньше, чем мать) и «нового отца» (на равных заботится о ребенке, обязанности по дому и в отношении воспитания детей делит напополам с супругой) [Клецина, 2009, с.37].

Ряд зарубежных исследователей для описания различных типов отцовской вовлеченности пользуются весьма упрощенной дихотомией «традиционного» VS. «нового\ответственного». Например, П. Эберг, Й. Экман и Дж. Роден в своем количественном исследовании отцовства в Санкт-Петербурге выявили три типа моделей отцовства: 1) модель добытчика (breadwinner – ограниченная вовлеченность); 2) модель нового отца (new fatherhood – полная вовлеченность); 3) модель маргинализированного отца (сходна с моделью отсутствующего отца – отсутствие вовлеченности) [Åberg et al, 2018, p.499-500].

М. Купер проанализировала отцовский опыт мужчин в Кремниевой долине и предложила свою типологию отцовских идентичностей [Cooper, 2000]. Исследовательница выделила три типа отцовства. «Супер-отцы» (superdads) –

это наиболее вовлеченные отцы, сопоставимы с эгалитарной моделью отцов. Они на равных с супругами вовлекаются в воспитание детей и семейные обязанности, распределяя усилия 50\50 между работой и семьей. В случае необходимости они готовы пожертвовать своей работой [Cooper, 2000, p.391]. Второй тип – это «традиционалисты» (traditionals). Они соответствуют традиционной модели отцовства и больше вовлечены в работу и финансовое обеспечение благополучия семьи. Обязанности в семье в этом случае делятся по гендерному признаку [Cooper, 2000, p.392-393]. Третий тип – это «переходные отцы» (transitionals). Они больше вовлечены в работу, но у них наблюдается частичная вовлеченность в заботу о детях. Они иногда готовы брать на себя больше обязанностей по дому, но все равно большая часть из них лежит на жене [Cooper, 2000, p.393-394].

В статье О.Н. Безруковой и В.А. Самойловой «Отцовство и поддержка отцов: тренды современных зарубежных исследований» описывается классификация отцов согласно проблемным категориям отцов из социально-уязвимых групп относительно вовлеченности в заботу о детях [Безрукова, Самойлова, 2020]. Выделяются такие группы отцов как отцы из повторнобрачных семей с неродными детьми, подпольные\теневые отцы, отцы детей с ограниченными возможностями и с инвалидностью, отцы-подростки\молодые отцы, отцы-правонарушители, отцы-заклученные, разведенные отцы\отцы-нерезиденты, отцы-мигранты, отцы-одиночки, отцы-гомосексуалы [Безрукова, Самойлова, 2020, с.240-247]. Также исследовательницы выделяют несколько видов барьеров для вовлеченности в заботу о детях у отцов из уязвимых групп: культурные, информационные, экономические, структурные и институциональные [Безрукова, Самойлова, 2020, с.247-250]. В конце исследовательницы делают вывод о важности развития государственных программ по поддержке отцовства и расширению мужских компетенций относительно вовлеченного отцовства [Безрукова, Самойлова, 2020, с.250-255].

Ж.В. Чернова также анализирует практики отцовской вовлеченности на основе онлайн-публикаций российских отцов в блогах [Чернова, 2018]. Выделяются три модели отцовства: «традиционное», «современное» и «хорошее российское отцовство». Традиционное отцовство определяется как «отсутствующее отцовство», то есть, модель при которой отец только экономически обеспечивает семью, а эмоционально не вовлечен и не принимает участия в воспитании детей [Клецина, 2009; Кон, 2005, 2006; Рождественская, 2010]. Современное отцовство является синонимом «вовлеченного отцовства» [Авдеева, 2012, с.96]. Оно обусловлено тем, что мужчина сочетает в себе функцию кормильца с функцией заботливого вовлеченного родителя [Dermott, Miller, 2015]. Такая модель получила свое наибольшее развитие в социал-демократических режимах (скандинавские страны) [Чернова, 2018, с.9]. Российское этатрагическое отцовство обусловлено ситуацией «патриархального дефицита», сформированного пронаталистской и патриархальной политикой СССР. Основным родителем в такой системе является мать, отец оказывается исключенным из заботы о ребенке и не находит поддержки у государства [Чернова, 2018, с.10]. Тем не менее, Ж.В. Чернова отмечает постепенное изменение российского родительства и его трансформацию в сторону вовлеченного отцовства [Чернова, 2018, с.11]. В качестве основных характеристик вовлеченного отцовства Ж.В. Чернова называет «максимальную вовлеченность в жизнь детей, в уход, обучение, общение или игру с ребенком, доступность отца для ребенка, ответственность за воспитание и принятие соответствующих решений» [Чернова, 2018, с.11].

В статье «Отцовство: либеральный тренд от «отца» к «папе»?» Е.Ю. Рождественская в ходе анализа научных дискуссий об отцовстве выделяет несколько «идеальных типов» отцов в зависимости от исторических и социально-культурных установок общества, а также практик отцовской вовлеченности [Рождественская, 2010]. «Традиционный кормилец» реализует функции демографического воспроизводства и материального снабжения семьи

[Рождественская, 2010, с.69]. В случае «модерного кормильца» происходит сочетание традиционных функций и физическое присутствие в семье. Тем не менее, «модерный кормилец» никогда не помогает жене по дому, это полностью ее зона ответственности [Рождественская, 2010, с.69]. «Рефлексивный отец», в отличие от «модерного», нацелен на больший уровень вовлеченности в помощь по хозяйству и с воспитанием детей, на постепенное изменение своего функционала в семье в сторону гендерно-нейтрального родительства [Рождественская, 2010, с.69]. «Целостный отец» характеризуется полным дублированием материнских функций в домашнем хозяйстве, в случае необходимости он готов ее подменить. Решение о рождении детей в данной модели принимается осознанно [Рождественская, 2010, с.70]. «Эгалитарный отец» разделяет 50\50 все домашние обязанности с женой, здесь важен аспект равенства распределения родительской нагрузки на обоих супругов [Рождественская, 2010, с.70]. «Генеративный отец» характеризуется Е.Ю. Рождественской как максимально вовлеченный в заботу о детях тип отца, который привносит не только культурно-развлекательные аспекты в жизнь ребенка, но также занимается его здоровьем (физическим и эмоциональным), следит за его образованием и развитием [Рождественская, 2010, с.70-71]. Последний тип – «отсутствующий отец», который полностью исчезает из сферы заботы о ребенке и ни на одном уровне не вовлечен в жизнь своей семьи [Рождественская, 2010, с.71].

Таким образом, по итогам анализа работ российских и зарубежных социологов можно сказать, что в большинстве случаев выбираются такие основания для типизации отцов как модели семейной политики, направленные на отцовство, типы отцовских идентичностей и уровни вовлеченности отцов в заботу о детях, определяемые через наличие у отцов определенных практик заботы по отношению к детям. Анализ типологий отцовства показал, что тема отцовской вовлеченности является частью большинства современных

исследований отцовства. В следующем разделе речь пойдет о вовлеченном отцовстве.

Далее мы переходим к описанию вовлеченного отцовства и его основных признаков, которые выделяют отечественные и зарубежные исследователи. В данной части будут обозначены теоретические основания концептуализации вовлеченного отцовства и сформулировано его определение.

Для начала необходимо обратиться к дискуссии о новом родительстве. Это современная научная дискуссия о профессионализации родительства и детоцентризме российского общества. Концепция вовлеченного отцовства вписывается в контекст этой дискуссии, поэтому важно упомянуть ряд исследований, связанных с ней.

М. Майофис и И. Кукулин характеризуют «новое родительство» с точки зрения его политических аспектов [Майофис, Кукулин, 2010]. Исследователи определяют родительство как «исторически и социально вариативный комплекс установок и практик, связанных с планированием семьи, отношением к детям, самоотношением взрослых к себе как к родителям, и некоторые политические измерения этого комплекса» [Майофис, Кукулин, 2010, с.6]. Родительство в России переживает период бурных трансформаций, а с 2000-х гг. в стране произошел «бум рождаемости», который повлек за собой внимание к сфере родительства со стороны различных институций (книгоиздания, семейных консультантов и родительских коучей), в том числе государства [Майофис, Кукулин, 2010, с.6]. Такое сильное внимание к родительству способствовало развитию детоцентризма во многих современных семьях и превращению «темы детства» в публичный тренд [Майофис, Кукулин, 2010, с.7-8]. Эти изменения сформировали новый тип «ответственного родительства», базирующийся на осознанном процессе рождения и воспитания детей. Родительство становится биографическим проектом. [Майофис, Кукулин, 2010, с.9].

Ж.В. Чернова и Л.Л. Шпаковская в статье «Профессионализация родительства: между экспертным и обыденным знанием» затрагивают вопрос

становления профессионализации родительства в современном российском обществе [Чернова, Шпаковская, 2016]. Под профессионализацией исследовательницы понимают «процесс дискурсивного оформления родительства в виде сложной специализированной деятельности по уходу за детьми, требующей от матерей и отцов специализированных комплексных знаний, приобретаемых ими в результате родительской социализации и обучения» [Чернова, Шпаковская, 2016, с.521]. Происходит процесс формирования знания о «правильном\ хорошем родительстве», который монополизируется различными экспертами в области детства и родительства [Чернова, Шпаковская, 2016, с.521-522]. В процессе формирования экспертного знания участвуют не только СМИ, государственные институты и отдельные эксперты, но и сами родители, обладающие личным опытом воспитания детей и имеющие доступ к научно-популярной литературе о детстве [Чернова, Шпаковская, 2016, с.525-530]. Ж.В. Чернова и Л.Л. Шпаковская в другой работе отмечают также, что семейная политика российского государства в отношении категории молодых родителей носит пронаталистский и неотрадиционалистский характер. Она воспринимает молодые семьи прежде всего как «демографический резерв», который должен быть вовлечен в «выполнение социальных функций и репродуктивных установок» [Чернова, Шпаковская, 2010, с.26].

Также касаясь современного родительства и гендерного порядка внутри семьи хочется упомянуть совместную книгу А.В. Авдеевой, О.Г. Исуповой, Ж.В. Черновой, Л.Л. Шпаковской и А.В. Кулешовой «Родительство 2.0: Почему современные родители должны разбираться во всем?» [Авдеева, Исупова, Чернова, Шпаковская, Кулешова, 2021]. Книга является скорее научно-популярным пособием для родителей, где освещаются ключевые вопросы и проблемы, с которыми сталкивается большинство российских родителей. Авторы посвятили отдельные разделы проблематике совмещения рабочей и семейной сферы, а также вопросам организации родительской заботы о ребенке

в большом городе [Авдеева, Исупова, Чернова, Шпаковская, Кулешова, 2021, с.87-101, с.113-127].

Примечательно, что сентябрьский сборник журнала «Социодиггер» 2020 года от ВЦИОМ посвящен целиком теме «Семья и родительство» [Чернова, Шпаковская, 2020]. В журнале поднимается тема «идеологии детоцентризма». Он определяется исследовательницами как «универсальный код российского гендерного порядка» [Чернова, Шпаковская, 2020, с.4]. Ж.В. Чернова и Л.Л. Шпаковская отмечают, что в условиях капиталистического общества детство становится особой сферой индустрии и происходит процесс его коммодификации через трансляцию определенных образов родительства и детства в медиа, производство и потребление конкретных товаров [Чернова, Шпаковская, 2020, с.6]. По данным исследований ВЦИОМа, «ответственное родительство» стало нормативным образцом для современной модели отношений внутри российских семей [Чернова, Шпаковская, 2020, с.7].

Далее следует обратиться к дискуссии о категории заботы. Е. Бороздина, Е. Здравомыслова и А. Темкина в своей статье «Забота в постсоветском пространстве между патернализмом и неолиберализмом: феминистские исследования» приводят анализ концепции «социальной заботы» [Бороздина, Здравомыслова, Темкина, 2019, с.6-8]. Феминистские исследования 80-90 гг. определяют данную категорию как приписываемую обществом только к женщинам, то есть измерением гендерного неравенства, которое закрепляется и воспроизводится на институциональном уровне (неоплачиваемая работа по дому и в семье, труд в сфере услуг, маркируемый как «женский») [Graham, 1991, p.61–78; Ungerson, 1997, p.362–381]. Впоследствии социальная забота перешла в разряд гендерно-нейтральных категорий и стала интерпретироваться больше как «эмоциональная составляющая», а также как «система ценностей, задающая набор социальных действий и репертуара отношений между субъектом и объектом заботы» [Sevenhuijsen, 2000, p.5–37]. В подобного рода исследованиях забота рассматривается уже без привязки к сфере семьи в контексте

волонтерства и благотворительности [Tronto, 1993, p.40]. Книга «Критическая социология заботы: перекрестки социального неравенства» под редакцией Е.А. Бороздиной, Е.А. Здравомысловой и А.А. Темкиной содержит разнообразные исследования в рамках критической социологии заботы, в том числе исследования родительской заботы [Бороздина, Здравомыслова, Темкина, 2019, с.117-139, с.139-168, с.193-216]. Тем не менее, в книге отсутствуют исследования маскулинной заботы в контексте отцовства, поскольку, как отмечают авторки сборника, на постсоветском пространстве «практики заботы остаются ядром женской субъективности» [Бороздина, Здравомыслова, Темкина, 2019, с.16].

Ж.В. Чернова в статье «Отцовство и модели семейной политики» отмечает, что категория заботы влияет на практики и систему ценностей человека, его приверженность альтруизму и помощи окружающим [Чернова, 2011, с.298]. Еще один способ осмысления заботы содержится в исследованиях социальной политики государств, которые анализируют систему институционализации заботы как определенного типа труда в государствах всеобщего благосостояния [Daly, 2002, p.251-270; Daly, Rake, 2003]. Ж.В. Чернова, определяя заботу как вид эмоционального труда, констатирует, что часть исследователей фокусируется на изучении практик заботы внутри семьи как системы норм, предписывающих определенные модели заботы (кто, о ком и на каких условиях должен вовлекаться в заботу и уход) [Ungerson, 1995, p.31–52; Anttonen, Sipila, 1996, p.87–100].

Категория заботы, несмотря на популярность, является слишком абстрактным понятием, поэтому она будет рассмотрена далее в ключе более инструментальной концепции «вовлеченного отцовства». Данная категория позволяет более предметно рассмотреть конкретные стратегии и повседневные практики отцов в сфере ухода за детьми и их воспитания.

В своей статье В. Доэрти производит хронологический анализ теории вовлеченного отцовства [Doherty, 1998]. Он отмечает, что на протяжении всего 20 века исследователи родительства стремились определить содержание

категории «хорошего\правильного родительства», что вылилось в дискуссию о компетентном родительстве наших дней [Doherty, 1998, p.277]. 70-е гг. 20 в ознаменованы появлением исследований нетипичного, вовлеченного отцовства в результате процессов женской эмансипации, массового выхода женщин на рынок труда, снижения рождаемости и роста разводимости, поскольку привычных ролей традиционного отцовства уже было недостаточно для поддержания семьи [Bumpass, 1990, p.483-498; U.S. Bureau of the Census, 1994, p.20]. Р. Ла Росса в результате своих антропологических исследований отцовства пришел к выводу о том, что у каждого поколения формируются свои уникальные стандарты отцовства [LaRossa, 1988, p.451-458], а также он создал первую масштабную работу по анализу хронологической трансформации отцовских образов в США в течение нескольких десятилетий [LaRossa, 1997]. Конец 20 века ознаменован интеграцией ценностно-моральных категорий в социологическое знание, что привело к возникновению новой концепции «ответственного отцовства», основанном на критике родительского поведения и его категоризации как ответственного или безответственного [Doherty, 1995; Doherty et al., 1993; Wolfe, 1989].

В работе Дж. Левина и Э. Питта была произведена следующая операционализация понятия вовлеченного отцовства [Levine, Pitt, 1995, p.5-6]:

- Ответственный отец принимает решение завести ребенка лишь в случае полной уверенности, что сможет уделить ему необходимое количество эмоциональной и финансовой поддержки.
- Он каждый раз устанавливает свое законное отцовство, когда рождается ребенок.
- Он вовлечен в эмоциональный и физический уход за детьми на равных с матерью ребенка.
- Он помогает матери с финансированием ребенка начиная с момента ее беременности.

Ч. Левис и М. Лэмб в своей работе «Understanding fatherhood. A review of recent research» приводят классификацию отцов на основании биологической принадлежности и степени их вовлеченности в заботу о ребенке [Day et al. 2005; Lewis, Lamb, 2007]. Они выделяют 4 типа отцов: «включенные биологические отцы», «невключенные биологические отцы», «включенные отчимы», «невключенные отчимы» [Lewis, Lamb, 2007, p.4]. Ч. Левис и М. Лэмб определяют следующие виды факторов вовлеченности отцов: «биологическое родство, замотивированность к заботе, культурные, экономические, исторические, правовые и социально-политические факторы, а также отношения с матерью ребенка» [Lewis, Lamb, 2007, p.5]. Исследователи отмечают, что их воздействие происходит в процессе взросления отцов [Lewis, Lamb, 2007, p.5-7]. Также они выделяют три основных оси сравнения отцов по вовлеченности в США, которые продолжают использоваться исследователями отцовства до сих пор: 1) количество времени, уделяемое ребенку, 2) доступность для ребенка (физическая и эмоциональная), 3) организация ухода за детьми [Lewis, Lamb, 2007, p.2]. Современные исследователи вовлеченного отцовства фокусируются на том, как отцы проводят время с детьми (практики), а также на том, какие факторы усиливают их вовлеченность [Tamis-LeMonda and Cabrera, 2002; Day and Lamb, 2004; Pleck and Masciadrelli, 2004]. Например, Палковитц выделяет такие аспекты отцовской вовлеченности как «игра», «обучение» и «наставничество» [Palkovitz, 1997].

Тем не менее, Г. Уолл и С. Арнольд придерживаются критической позиции по отношению к современным исследованиям вовлеченного отцовства [Wall, Arnold, 2007]. Исследовательницы отмечают, что несмотря на пропагандируемый образ вовлеченных отцов в рекламе и в сериалах в США, на самом деле большая часть мужчин основывает свое отцовство на модели гегемонной маскулинности, а изменения в сторону реальной вовлеченности происходят крайне медленно [Wall, Arnold, 2007, p.520-521].

Е.Ю. Рождественская в своей статье «Вовлеченное отцовство, заботливая маскулинность» производит концептуальную связку модели «заботливой маскулинности» К. Эллиотт, которая была упомянута в прошлой части, и модели «вовлеченного отцовства» [Рождественская, 2020]. Эта статья является очень значимой для данной работы, поскольку она позволяет проследить преемственность идей между исследованиями маскулинности и исследованиями отцовства. Е.Ю. Рождественская описывает следующую логику развития концепции вовлеченного отцовства: 1) создание политического концепта заботливой маскулинности в рамках проекта ЕС «Содействие заботящейся маскулинности» [Gärtner, Schwerma, Beier, 2007]; 2) концептуализация заботливой маскулинности и вовлеченного отцовства в рамках социо-экологического подхода Маркуса Тойнерта и Михаэля Мойзера, направленного на заботу об окружающей среде и о своем ближайшем окружении, в том числе о членах своей семьи [Scambor, Holter, Theunert, 2018, p.10; Meuser, 2016]; 3) развитие авторской концепции заботливой маскулинности К. Эллиотт, основанной на особой бесконфликтной мужской идентичности, нацеленной на «интеграцию заботы и избегание доминантности» [Elliott, 2019, p.211]. Е.Ю. Рождественская, основываясь на критическом замечении М. Лауфенберга по поводу концепции заботливой маскулинности К. Эллиотт, признает необходимость большей ориентации на конкретные практики заботы и их способы дискурсивной легитимации [Laufenberg, 2017, p.362; Рождественская, 2020, с.166]. Исследовательница на основе анализа нарративов трех поколений российских отцов выявила, что на смену традиционной форме отцовства и маскулинности постепенно приходят «вовлеченное отцовство» и «заботливая маскулинность», предполагающие готовность мужчин отказаться от доминирования и пересмотреть семейные отношения на условиях гендерного равноправия супругов, стать более вовлеченными в заботу о супруге и детях [Рождественская, 2020, с.165-167]. Таким образом, для Е.Ю. Рождественской вовлеченное отцовство, будучи производной от заботливой маскулинности,

является ключом для пересмотра текущей идеологии отцовства и обращения к механизму социального признания через три сферы признания («любви», «права» и «солидарности»), описанных А. Хоннетом [Honneth, 1995, p.122, 194; Рождественская, 2020, с.159,179-180].

А.В. Авдеева отмечает изменчивость института отцовства с течением времени [Авдеева, 2012, с.95]. Таким образом, помимо «традиционного типа» отцовства, где мужчина выполняет роль добытчика и основной финансовой опоры семьи, возникает новый тип «вовлеченного отцовства», предполагающий совмещение роли кормильца и «заботливого наставника», вовлеченного полностью в воспитание и уход за детьми, а также помощи матери по хозяйству [Авдеева, 2012, с.95-96]. Относительно факторов, влияющих на изменение отцовства в сторону большей вовлеченности А.Л. Янак в своей работе выделяет ряд детерминант вовлеченного отцовства [Янак, 2018]. К подобным факторам, способствующим росту уровня вовлеченности мужчины исследовательница относит «общественные представления об отцовстве», «режимы социальной политики», «гендерные режимы», «тип структуры семьи», «личные установки» мужчины относительно родительства, а также его «ценности и мотивы» [Янак, 2018, с.125-130].

Далее будут приведены примеры некоторых исследований локальных типов и аспектов вовлеченного отцовства, чтобы проиллюстрировать эту концепцию более наглядно.

К основным направлениям изучения вовлеченного отцовства относятся локальные исследования вовлеченного отцовства: в Сингапуре [Lim, 2021], Норвегии [Brandth, Kvande, 2018; Кравченко, 2012], Германии [Joshi, 2021], Китае [Liu et al, 2021], Израиле [Perez-Vaisvidovsky, Strier, 2021], Ирландии [Ralph, 2016], Франции [Кравченко, 2012] и в Европе в целом [Crespi, Ruspini, 2016].

Помимо локальных исследований вовлеченного отцовства встречаются исследования отцовской вовлеченности в определенных условиях и ситуациях.

Например, Е. Ангелова и А.А. Темкина в своей статье проанализировали сценарии отцовской вовлеченности в процессе родов и подготовки к ним [Ангелова, Темкина, 2009]. Исследовательницы выделили на основе анализа интервью такие категории отцов как «отцы-контролеры», «отцы-эксперты», «отцы-партнеры», «отцы-пассивные наблюдатели» и «отцы-некомпетентные участники» [Ангелова, Темкина, 2009, с.502-503]. Все эти типы относятся к разным форматам отцовской вовлеченности и описывают стратегии практик заботы мужчин по отношению к жене в процессе родов.

Сюда можно отнести также исследования специфических типов отцовства. О.Н. Безрукова и В.А. Самойлова рассмотрели в своей статье кейс вовлеченного отцовства в отношении детей с инвалидностью [Безрукова, Самойлова, 2022]. К основным факторам, влияющим на отцовскую вовлеченность в таких типах семей исследовательницы отнесли опыт взаимодействия с собственным отцом в детстве, умение выстраивать доверительные отношения со своими супругами и способность договариваться в случае возникновения трудностей [Безрукова, Самойлова, 2022, с.142-143].

Еще одной важной темой относительно вовлеченного отцовства являются исследования разнообразных барьеров для его реализации. К ограничениям вовлеченного отцовства можно отнести проблемы с предоставлением отпусков по уходу за ребенком для отцов и различные формы стигматизации, непонимания и препятствования отцовской вовлеченности на работе [Behson, Robbins, 2016, р.4-6; Безрукова, Самойлова, 2019, с.92]. О.Н. Безрукова и В.А. Самойлова относят также к этому типу проблем разные страхи отцов: потерять работу, перестать быть основным добытчиком, растерять за время отпуска свою компетентность и даже страх не справиться с некоторыми обязанностями по уходу за ребенком [Безрукова, Самойлова, 2019, с.96-99]. А. Авдеева относит к барьерам вовлеченного отцовства также личные приоритеты отца, отцовские роли, текущую гендерную идеологию, характер отношений с матерью ребенка, а также формат работы отцов, который может влиять на их продуктивность после

рабочего дня [Авдеева, 2013, с.80-93]. Исследователи отмечают, что на данный момент модель вовлеченного отцовства преимущественно распространена в странах Скандинавии, где есть для этого механизмы привлечения отцов к отпуску по уходу за ребенком, а в большинстве стран текущая социальная политика препятствует росту отцовской вовлеченности [Бороздина, Здравомыслова, Темкина, 2019, с.15-16; Кравченко, Мотеюнайте, 2008]. Также есть исследования, посвященные локальным проблемам отцовской вовлеченности. Э. Стивенс анализирует дискурсивные барьеры отцовской вовлеченности в Австралии [Stevens, 2015], А. Мэшин описывает фактическую вовлеченность отцов в Великобритании [Machin, 2015], а М. Кальмейн рассматривает барьеры отцовской вовлеченности после развода в США [Kalmijn, 1999].

Отдельная группа исследований фокусируется на внедрении практик вовлеченного отцовства в ходе различных программ социальных работников по поддержке вовлеченного отцовства на государственном уровне за рубежом [Anderson et al, 2002; Baskerville, 2002; Holmes, Hawkins, Egginton, Robbins, Shafer, 2018, 2020; Randles, 2018; Threlfall, Kohl, 2015; Turner et al, 2020; Безрукова, Самойлова, 2020]. Более редкие исследования посвящены анализу визуальной репрезентации вовлеченных отцов в медиа [Molander, Kleppe, Ostberg, 2019] или процессу конструирования образа «вовлеченного отцовства» в СМИ [Wall, Arnold, 2007].

Отдельный интерес в связи с темой вовлеченного отцовства представляет дискуссия о гендерном аспекте разделения домашнего труда. Ряд исследователей занимается изучением гендерного неравенства режимов заботы в русле различных программ семейной политики. Сюда относятся исследования неравенства отцовской и материнской вовлеченности, а также гендерного разделения семейных обязанностей в разных странах (кейс Ирландии [Ralph, 2016], кейс России и Швеции [Кравченко, Мотеюнайте, 2008]). Во всех исследованиях отмечается, что матери по сей день являются более

вовлеченными в заботу, чем отцы. Ж.В. Кравченко и А. Мотеюнайте признают необходимость формирования семейной политики в России на основаниях равной вовлеченности обоих супругов в сферу заботы о ребенке и домашних обязанностей, как в Швеции [Кравченко, Мотеюнайте, 2008, с.195-197].

Ж.В. Чернова в статье «Кто, о ком и на каких условиях должен заботиться? Гендерный анализ режимов заботы и семейной политики» раскрывает типологию семейных политик государств на основе концепции «общества дефицита заботы» А. Хохшильд [Чернова, 2011, с.299-307]. Согласно типологии А. Хохшильд, существует 4 модели распределения семейной заботы [Hochschild, 2003]. «Традиционная модель» основана на гендерном разделении ролей, где отец играет роль кормильца, а мать ответственная за функцию заботы [Hochschild, 2003, p.213-215]. «Постсовременная модель» основана на том, что оба родителя выполняют роль кормильцев и не вовлекаются в заботу о ребенке полноценно, потому что матери тоже выходят на рынок труда. В такой модели происходит крайняя индивидуализация всех членов семьи и заботу о себе каждый осуществляет самостоятельно [Hochschild, 2003, p.215-220]. Модель «холодной заботы» аналогична предыдущей, но в ней функцию заботы выполняют государственные институты детства и старости [Hochschild, 2003, p.220-224]. Модель «теплой заботы», помимо государственной поддержки подразумевает вовлеченность всех членов семьи в заботу друг о друге [Hochschild, 2003, p.224-227]. Последняя модель оценивается А. Хохшильд как наиболее привлекательная, так как она способствует становлению гендерного равенства в семье [Hochschild, 2003, p.227].

Ж.В. Чернова отмечает в своей статье, что современная российская семейная политика продвигает идеалы традиционного родительства в рамках консервативной идеологии, нацеленной на закрепление традиционных семейных ролей и закреплению сферы заботы за материнской фигурой [Чернова, 2013, с.52]. Л.Л. Шпаковская, в свою очередь, признает проблемный характер вовлеченного отцовства в России, поскольку многие мужчины не готовы стать

ответственными родителями и «принять на себя родительскую роль, связанную с осознанным выбором родительства» [Шпаковская, 2013, с.244].

Таким образом, в текущем разделе были описаны ключевые подходы к концептуализации отцовства, раскрыты основные направления типологизации отцовства и обозначены основания вовлеченного отцовства. Концепция вовлеченного отцовства была описана в русле научных дискуссий о «новом родительстве» и «категории заботы». Также была обозначена ее преемственность по отношению к теории «заботливой маскулинности» К. Эллиотт.

Концепция вовлеченного отцовства Е.Ю. Рождественской является основой для анализа отцовских практик вовлеченности. В рамках данного исследования вовлеченное отцовство можно определить как особый тип отцовства, ориентированный главным образом на соответствие образцу нового эгалитарного родительства и альтернативной модели заботливой маскулинности, основанной на поддержке членов своей семьи и заботе о них. В следующем параграфе будут рассмотрены современные исследования разведенного отцовства.

1.3. Подходы к изучению разведенного отцовства

Далее будут рассмотрены ключевые дискуссии относительно разведенного отцовства. В данном параграфе последовательно будут освещены основные исследования специфики постразводного родительства, отцовско-детских и отцовско-материнских отношений в ситуации развода, родительского гейткипинга, а также прав отцов в отношении опеки над детьми и основных типов отцовских практик заботы после развода.

Для начала стоит отметить, что исследования разведенного отцовства – это еще более узкая область, чем исследования отцовства. Она возникла примерно в то же время, что и исследования отцовства (1990-е - 00-е годы), и концептуально опирается на те же теоретические основания. Далее будут рассмотрены

основные направления исследований, посвященных постразводному отцовству в России и за рубежом.

К сожалению, на текущий момент в большинстве стран мира разведенные отцы являются ущемленной в правах на опеку над ребенком категорией. Правовое поле России, в том числе наделяет родителей после развода неравными правами. Зачастую после развода суд передает ребенка матери, а отец постепенно вытесняется из его жизни. Здесь необходимо упомянуть несколько работ, посвященных правовому неравенству после развода.

В работе Д. Диннер описана история борьбы разведенных отцов в США за свои права об опеке над детьми [Dinner, 2016]. Сначала суды признавали возможным только один вариант решения проблемы опекунства – передача ребенка одному из родителей, чаще всего матери [Dinner, 2016, p.81-82]. Активистам за права разведенных отцов удалось в 80-е годы повлиять на судебное законодательство в Америке, и была принята форма «совместного опекунства», которая давала возможность принимать участие в заботе о ребенке обоим родителям на равных основаниях [Dinner, 2016, p.130-131]. Это нововведение стало важным шагом для отстаивания отцовских прав на общение с ребенком после развода [Dinner, 2016, p.131].

В работе М. Флуда проанализирована ситуация с правами отцов на опеку после развода в Австралии [Flood, 2012]. Локальное «Движение за права отцов» направлено на уменьшение количества конфликтов в постразводных семьях, снижение уровня взаимной агрессии, обвинений бывших жен и «деструктивных семейных процессов» [Flood, 2012, p.235]. Несмотря на дискриминацию со стороны семейного законодательства Австралии, отцы нацелены на сохранение отношений с детьми после развода [Flood, 2012, p.237-239]. Более детальное описание австралийского законодательства, направленного на отцов после развода, содержится в работах Б. Смита и Л. Молони, которые описывают систему «совместного опекунства» [Smyth, 2009, p.38-42; Moloney, 2009, p.9-14].

Касаемо российского разводного законодательства, необходимо упомянуть, что оно до сих пор не включает в себя понятие «совместной опеки» над ребенком. Решения об опекунстве принимаются судом в ходе бракоразводного процесса. Именно суд принимает решение, кому из родителей будет предоставлено право опекунства. Но, так или иначе, претендовать на опеку в России могут оба родителя (см. СК РФ, статья 61. «Равенство прав и обязанностей родителей»). В случае если родители желают поделить опеку над ребенком, они должны оформить особое соглашение до начала суда, где будут указаны все условия совместной опеки (продолжительность пребывания ребенка у каждого из родителей, права и обязанности родителей и даже распределение детей между родителями в случае, если детей несколько). Данное соглашение в трех экземплярах предоставляется на суде в комплекте с иском о расторжении брака. Выплата алиментов осуществляется той стороной, которая проживает отдельно от ребенка (нерезидентный родитель)⁷.

В.Н. Сорокина в своей статье признает актуальность проблемы правовой защиты института отцовства [Сорокина, 2021]. Исследовательница упоминает, что в шестом принципе Декларации прав ребенка Генеральной Ассамблеи ООН закрепляется на законодательном уровне превосходство материнства перед отцовством относительно воспитания ребенка [Сорокина, 2021, с.3]. Также, несмотря на прописанное в Семейном кодексе РФ «равенство супругов», правовой гендерный дисбаланс воспроизводится на постоянной основе [Сорокина, 2021, с.4]. Отмечено, что 95% случаев судебного рассмотрения разводов в России заканчиваются передачей ребенка матери [Сорокина, 2021, с.5]. В.Н. Сорокина свидетельствует о том, что в ходе долгой борьбы женщин за права мужчины оказались дискриминируемыми в сфере семейных отношений [Сорокина, 2021, с.7]. Тем не менее, приводится пример движения за права отцов

⁷ Совместная опека над ребенком после развода в России, 2022 // Электронный портал «Главный юрист». URL: <https://glavny-yurist.ru/sovместnaya-opeka-nad-rebenkom-posle-razvoda-v-rossii.html>
Обращение к ресурсу: 26.04.2023.

в Шотландии и Великобритании («Отцы за справедливость»), которое борется за постепенное изменение судебного законодательства по вопросам разведенных отцов, а также оказывает помощь отцам при решении вопросов относительно детей после развода. В России аналогом такого движения являются «Отцы России» [Сорокина, 2021, с.7]. В качестве обязательных мер по улучшению ситуации разведенных отцов в России исследовательница рекомендует: 1) «ужесточить ответственность» за препятствие общению с другим нерезидентным родителем; 2) утвердить возможность «совместной опеки», как в Финляндии, Великобритании, Германии или Швеции; 3) ввести отцовский капитал; 4) внедрить практику разъяснения отцам их прав и возможностей их государственной поддержки в случае «одинокое родительство» [Сорокина, 2021, с.9-11].

Т.А. Гурко в своей монографии «Брак и родительство в России» приводит детальный анализ постразводного законодательства относительно отцов в разных странах [Гурко, 2008]. Сначала исследовательница описывает историческое развитие постразводного законодательства. Она обозначает несколько этапов: 1) 18-19 вв. в Европе и США эра отцовской опеки над детьми, поскольку ребенок – это собственность мужчины; 2) 1930-е гг. 20 в. в США появляется фрейдистская модель материнской опеки; 3) 1960-е гг. 20 в. этап становления понятия «интересов ребенка»; 4) 1970-е гг. 20 в. этап появления феминистских движений, борющихся за права отцов и появление модели «совместной опеки» [Гурко, 2008, с.237-238]. Выделяются различные модели современного постразводного законодательства: 1) государства с реализованной совместной опекой (государства Европы: Германия, Швеция, Австрия, а также Канада и США); 2) мусульманские страны с материнской опекой младших детей и отцовской опекой старших (в случае Израиля рассматривается также этнический контекст разделения алиментных обязательств); 3) модель с семейными судами (кейс США, который с точки зрения Т.А. Гурко интересен для российского законодательства) [Гурко, 2008, с.240-244]. Исследовательница

приходит к выводу, что в России необходимо имплементировать законодательные механизмы, которые бы стимулировали добровольную выплату алиментов. Также она отмечает, что на данный момент в РФ отсутствует единая концепция реализации данных процессов в семейной политике [Гурко, 2008, с.247].

Также в социологическом поле присутствует ряд исследований, посвященных различным детерминантам отцовской заботы и вовлеченности после развода. Т. Граф и К. Войницкая в своей работе проанализировали отцовские нарративы после развода в Швеции и Германии, относящиеся к стратегиям заботливой маскулинности [Graf, Wojnicka, 2021]. Этот тип нарративов реализуется в процессе совместного опекуинства над ребенком и характерен больше для Швеции, чем для Германии [Graf, Wojnicka, 2021, p.1-2]. В качестве модели для анализа вовлеченности разведенных отцов Т. Граф и К. Войницкая выделяют 5 параметров: «отношения с матерью», «локальные правовые нормы», «локальные социо-культурные установки», «совместное проживание» и «реализация права на опеку» [Graf, Wojnicka, 2021, p.1-2]. Исследовательницы констатируют, что в большинстве случаев матери остаются «первичными родителями» после развода, тем не менее, примерно половине отцов в Швеции и Германии удается выстраивать эгалитарные отношения родительства, основанные на равной вовлеченности супругов в заботу о ребенке, после развода [Graf, Wojnicka, 2021, p.12-17]. Самый популярный вариант реализации отцовства после развода – это модель «воскресного папы», который видится с ребенком 1-2 раза в неделю, а его практики заботы достаточно избирательны и ситуативны [Graf, 2021, p.3, p.12]. Информанты соотносили в интервью недостаточную вовлеченность в заботу о ребенке с личным чувством вины, ощущением одиночества и снижением качества жизни, иногда даже с депрессивными состояниями [Graf, 2021, p.4]. Дополнительные сложности связаны с паттернами поведения большинства матерей после развода, которые

стремились максимально избегать контактов с отцом ребенка и минимизировать его контакты с ребенком [Graf, 2021, p.4].

М. Кальмейн также исследовал факторы вовлеченности отцов в заботу о детях на примере информантов из Англии, Германии, Швеции и Нидерландов [Kalmijn, 2015]. В фокусе находятся социально-демографические, экономические и локальные факторы, а также различия паттернов заботы у мигрантов и местных жителей [Kalmijn, 2015, p.251]. М. Кальмейн уделил внимание таким факторам как качество жизни ребенка, частота встреч с отцом и личное восприятие динамики отцовско-детских отношений со стороны ребенка [Kalmijn, 2015, p.252]. Был выявлен ряд закономерностей: 1) более высокообразованные и высокостатусные отцы являются, как правило, более вовлеченными в заботу о ребенке и его воспитание после развода, чем низкообразованные и низкостатусные отцы [Kalmijn, 2015, p.253-254]; 2) чем меньше вовлеченность матери в силу рабочей занятости, тем благополучнее развиваются отцовско-детские отношения в модели совместной опеки, поскольку растет плотность контактов отца и ребенка [Kalmijn, 2015, p.254]; 3) вовлеченность отцов-мигрантов в разы ниже, чем у отцов-местных [Kalmijn, 2015, p.255-258]. Примечательно, что самые сильные контакты отцовско-детских отношений наблюдаются в Швеции, а самые слабые в Германии, что объясняется формированием в Швеции сложившейся институциональной культуры совместной опеки над ребенком обоих родителей после развода [Kalmijn, 2015, p.256].

А. Калиль изучила влияние социального благополучия отцов (уровень образования и экономическая успешность) на их уровень вовлеченности после развода [Kalil et al, 2011]. Согласно ее данным, наилучший сценарий развития отношений с ребенком после развода – это переезд отца, в результате которого минимизируются конфликты между бывшими супругами и выстраиваются новые паттерны отношений с ребенком и его матерью в контексте заботы [Kalil et al, 2011, p.1005, p.1025].

Сюда же можно отнести группу исследований, посвященных выстраиванию отцовско-детских отношений после развода. Здесь можно упомянуть исследования различных кейсов локальных отцовско-детских отношений после развода [Thompson, Lawson, 1999; Graaf, Fokkema, 2007], исследования отношений между подростками и разведенными отцами [Risch et al, 2004], а также с совершеннолетними детьми [Noël-Miller, 2013; Wallerstein, Lewis, 2009]. Кроме того, исследователи обращаются к моменту отцовско-детской близости после развода [Scott et al, 2007], отцовской вовлеченности в воспитание детей [Maldonado, 2004] и изменения психоэмоционального состояния отцов после развода из-за сокращения контактов с ребенком [Shapiro, Lambert, 1999]. Некоторые работы посвящены изучению постразводных контактов с «отсутствующими отцами» [Seltzer, Bianchi, 1988].

Также есть исследования, посвященные анализу изменений уровня жизни разведенных отцов и матерей. Например, количественное исследование последствий развода для мужчин и женщин с детьми и без детей Т. Леопольда и М. Кальмейна, которое позволило определить, что самый сильный упадок благосостояния в результате развода затрагивает в большинстве случаев женщин, а не мужчин [Leopold, Kalmijn, 2016]. Уровень жизни мужчин восстанавливался гораздо быстрее, чем у женщин [Leopold, Kalmijn, 2016, p.1717-1718]. Дополнительным фактором ухудшения уровня жизни людей выступал возраст ребенка при разводе. Чем меньше возраст ребенка, тем больше времени необходимо, чтобы вернуться к прежнему уровню жизни [Leopold, Kalmijn, 2016, p.1717, p.1723]. Таким образом, было выявлено, что самые быстрые категории людей в плане выхода на прежний уровень благосостояния после развода – это бездетные женщины и мужчины [Leopold, Kalmijn, 2016, p.1717].

Существует группа исследований, посвященных изучению отцовских идентичностей после развода. Например, К. Натальер в своей работе, посвященной последствиям развода для выплачивающих алименты отцов

[Natalier, 2012], выявила два типа отцовских идентичностей в нарративах информантов. «Отцы-потерпевшие» ставили себя в жертвенное положение относительно ситуации лишения прав на встречи с ребенком, утраты отцовско-детской эмоциональной связи и отрицания собственной роли в воспитании ребенка с материнской стороны [Natalier, 2012, p.248-251]. «Жизнестойкие отцы», наоборот, воспринимали ситуацию развода как ценный жизненный опыт адаптации к новым условиям и к новой роли, в которой требуется выстроить отношения нового типа с ребенком и бывшей супругой. Этот тип отцов находился в более проактивной позиции, поскольку изначально фокусировался на поддержке нужд ребенка и внутренне укреплял свою отцовскую идентичность [Natalier, 2012, p.251-254].

Г. Филип, в свою очередь, уделил в своей статье внимание другому аспекту жизни отцов после развода – раздельному проживанию отца с ребенком [Philip, 2014]. Он формулирует гипотезу относительно проблем поддержания отцовской идентичности в пространстве дома и пространстве морали, основанную на том, что у отцов, проживающих отдельно от ребенка, возникает внутренний конфликт идентичности. Также наступает кризис отношений с ребенком, потому что нарушается прошлый уклад практик заботы и моральных установок семейных взаимоотношений с другими членами семьи в следствие развода [Philip, 2014, p.221-227].

Также есть редкие исследования, посвященные факторам, препятствующим разводу. Например, исследование А. Поортмани и Ю. Зельтцер поднимает вопрос факторов, противодействующих разводу внутри семьи [Poortman, Seltzer, 2007]. Со стороны матерей выявлен страх экономических трудностей, а со стороны отцов – страх потери связи с ребенком и эмоционального дистанцирования [Poortman, Seltzer, 2007, p.254]. Оба родителя боятся эмоциональных барьеров из-за продолжительного отсутствия контакта с детьми [Poortman, Seltzer, 2007, p.255]. Данные факторы задерживают процесс развода в большей мере в тех семьях, которые были счастливы продолжительное

количество времени, чем в тех, где отношения супругов были травмирующими [Poortman, Seltzer, 2007, p.254].

Отдельный интерес представляет группа исследований локальных особенностей постразводного отцовства. В статье Б. Смита и Л. Молони описываются изменения в родительских практиках воспитания детей после развода в Австралии [Smyth, Moloney, 2008]. Исследователи сравнивают ситуацию до и после принятия поправки 2006 года в Австралии к закону «О возможностях совместного родительства (опекунства) после развода» [Smyth, Moloney, 2008, p.19-20]. На момент 2004 года больше чем в 80% случаях развода ребенок оставался с матерью, очень малая доля родителей использовала опцию совместной опеки над ребенком, предоставленную им по закону [Smyth, Moloney, 2008, p.8]. После поправки количество семей, прибегнувших к «совместному родительству» после развода, начало расти, поскольку наметился новый тренд среди мужчин на вовлеченное отцовство, все меньше отцов хочет терять связь с детьми и оставаться в стороне от родительских обязанностей [Smyth, Moloney, 2008, p.9; Williams, 1978, p.331-332].

Опыт выстраивания новых паттернов отцовства в Литве описан в статье А. Терешкинас и А. Маслаускайте [Tereškinas, Maslauskaitė, 2019]. По данным их исследования, в литовском обществе происходит постепенный процесс «разрушения традиционного отцовства», который виден на примере ситуации разведенных отцов, разрушающих стереотипы об отсутствующем и невовлеченном отцовстве после развода [Tereškinas, Maslauskaitė, 2019, p.18]. Разведенные литовцы, преодолевая устаревшую стигму разведенного отцовства, активно конструируют новые пространства и паттерны заботы в отношении своих детей [Tereškinas, Maslauskaitė, 2019, p.27-29].

В исследовании А. Марсьяль анализируются семейные траектории разведенных отцов во Франции [Марсьяль, Ушкова, 2019]. А. Марсьяль выделила три оси анализа: территориально-временные рамки отцовско-детского взаимодействия, измерение межличностных взаимоотношений отца и ребенка, а

также практики отцовской заботы [Марсьяль, Ушкова, 2019, с.154-155]. Исследовательница отмечает особую важность анализа законодательных актов в отношении государственной политики родительства. Она связывает принятие в 2002 году во Франции закона о равноправии родителей после развода со становлением во французском обществе эгалитарной модели родительства, обеспечивающей гендерное равенство супругов в отношении заботы о детях [Марсьяль, Ушкова, 2019, с.155]. По данным А. Марсьяль, после введения этого закона изменился правовой статус отцов (больше 50% детей во Франции рождается вне брака) и возросла значимость отношений отцов и детей как на уровне эмоциональной привязанности и общественного признания, так и на биологическом уровне, поскольку популярность приобрели ДНК-тесты на выяснение родства [Марсьяль, Ушкова, 2019, с.155]. Несмотря на это, взаимосвязь отцов с детьми характеризуется как «хрупкая», а отцовское участие вторичным, поскольку по-прежнему практики заботы большинства отцов слишком редки [Марсьяль, Ушкова, 2019, с.156]. Важным фактором после развода продолжает оставаться экономическое благополучие и состоятельность мужчины, так как в ситуации отсутствия нормального дохода мужчина оказывается стигматизирован по двум основаниям: как плохой партнер и как неудачник на рынке труда [Марсьяль, Ушкова, 2019, с.156-157]. А. Марсьяль отмечает изменение восприятия важности отношений с ребенком и совместного досуга у французских отцов после развода, переоценку своих практик в сторону большей вовлеченности, то есть, меняются отцовские ценности и приоритеты [Марсьяль, Ушкова, 2019, с.158-161]. Роли матерей и отцов после развода продолжают быть неравнозначными: матери становятся первыми по важности родителями, поскольку на их плечи ложится решение существенно важных вопросов, связанных со здоровьем, обучением и материальным обеспечением ребенка [Марсьяль, Ушкова, 2019, с.157]. Роль отцов расценивается как вторичная, так как в большинстве случаев они максимум занимаются вопросами досуга и отдыха ребенка, тем не менее, они не всегда допускаются матерями для

решения более важных вопросов, оставаясь просто источниками алиментов [Марсьяль, Ушкова, 2019, с.157]. В ситуации с проживанием ребенка у отца ситуация меняется диаметрально противоположно – матери оказываются на позиции ограниченного родителя, который подвергается стигматизации [Марсьяль, Ушкова, 2019, с.157]. То есть, возможность односторонней опеки над ребенком является прямым фактором установления иерархии, в которой первенство отдается тому родителю, который является резидентом, то есть, проживает вместе с ребенком. Единственный вариант избежать этого сценария – это принятие модели совместного опекуинства, когда ребенок живет у обоих родителей попеременно [Марсьяль, Ушкова, 2019, с.156]. После развода родительство становится полем конкуренции за внимание ребенка и влияние на его жизнь. Нормативные представления о правильном\хорошем родительстве формируются тем родителем, который обладает большим объемом полномочий относительно ребенка.

В своей статье И.О. Шевченко фокусируется на социально-правовых аспектах разводов в РФ [Шевченко, 2015]. Среди условий отцовско-детских отношений после развода она выделяет возраст детей на момент развода, отношения родителей ребенка, отношение отца с другими родственниками, мотивация отца быть вовлеченным в воспитание ребенка, формат занятости отца и его место жительства [Шевченко, 2015, с.70]. И.О. Шевченко также обращает внимание на процесс социализации детей в неполных семьях. Временем беспрецедентного роста числа разводов в СССР стали 60-е годы, когда распадались около 50% заключенных браков [Шевченко, 2015, с.70]. В это время стала закрепляться практика передачи ребенка матери и вытеснения отца из сферы заботы и отношений с ребенком [Шевченко, 2015, с.70]. У этой практики нет как таковых юридических оснований, это скорее культурная установка, но она нашла поддержку общества, а отцовская фигура осталась обделенной правами на ребенка после развода [Шевченко, 2015, с.71]. И.О. Шевченко также проанализировала влияние некоторых факторов на развитие ситуации отцовско-

детских отношений после развода. Чем меньше лет ребенку, тем проще он проживает процесс родительского развода [Шевченко, 2015, с.71]. Чем выше уровень стресса из-за родительских ссор, тем более травмирующими становятся воспоминания о разводе родителей [Шевченко, 2015, с.72]. Негативное отношение старших родственников к отцу также имеет значение: их открытая конфронтация и объединение вокруг фигуры матери в процессе гейткипинга может сильно ограничить доступ отца к ребенку, равно как и сильная территориальная удаленность отца от ребенка и его низкая доступность [Шевченко, 2015, с.72]. Вместе с тем высокая мотивация отца продолжать общение с ребенком, партнерские отношения родителей и фактическое выполнение отцом обязательств в отношении ребенка положительно влияют на его возможность построения с ребенком после развода [Шевченко, 2015, с.72]. Исследовательница выделяет 2 пути развития отцовско-детских отношений: 1) «благоприятный» (с высоким уровнем вовлеченности отца и партнерскими\ доверительными отношениями родителей); 2) «неблагоприятный» (с низким уровнем вовлеченности отца и конфликтным характером отношений родителей) [Шевченко, 2015, с.72]. Также выделяются 5 типов отцов в зависимости развития сценариев отношений: «отвергнутый», «ограниченный в правах», «счастливый», «пропавший» и «одинокий» [Шевченко, 2015, с.73-74]. И.О. Шевченко отмечает, что у детей из неполных семей запоздалый характер развития в плане усвоения гендерных норм из-за отсутствия отца после развода [Шевченко, 2015, с.76-77].

Ряд исследований посвящен также проблематике хорошего родительства после развода. Например, Ф. Каганас и Ш.Д. Склэйтер в своей статье, посвященной конструированию образов «хороших родителей» в нарративах отцов и матерей из Великобритании, выделяют следующие показатели для определения хорошего родительства: 1) общий уровень фактической вовлеченности в заботу о ребенке, 2) work-life balance, 3) личная оценка собственной ответственности [Kaganas, Sclater, 2004].

В статье Е.А. Ивановой проанализированы способы конструирования «хорошего отцовства» разведенными мужчинами из Санкт-Петербурга [Иванова, 2017]. Исследовательница выделила 3 сценария. Первый основан на традиционной модели маскулинности и на выполнении мужчиной роли «морального наставника, примера для подражания» [Иванова, 2017, с.135]. Второй основан на модели заботливой маскулинности и на стремлении мужчины реабилитироваться после развода в плане уделенного ребенку внимания и восстановления собственной отцовской идентичности [Иванова, 2017, с.144-145]. Третий сценарий связан с моделью «отсутствующего отца» в отношении семьи, из которой мужчина вышел, и в реализации своего отцовства в новой семье в образе «хорошего отца», старающегося окружить детей из нового брака максимальной заботой и вовлеченностью [Иванова, 2017, с.136-137, с.146].

Таким образом, в данном разделе были рассмотрены основные направления исследований разведенного отцовства. К ним можно отнести исследования правового неравенства, детерминант отцовской заботы и вовлеченности после развода, изменений уровня жизни разведенных супругов, отцовских идентичностей после развода, факторов, препятствующих разводам, локальных особенностей постразводного отцовства и хорошего родительства после развода. Наибольший интерес в контексте данного исследования представляют исследования вовлеченности отцов в заботу о детях после развода. Далее будут освещены ключевые исследования родительского гейткипинга.

Существенно важным для понимания родительских отношений после развода является понятие «родительского гейткипинга». Это процесс выстраивания обоюдных барьеров и ограничений со стороны матери и отца относительно возможностей взаимодействия и встреч с ребенком. Далее будут упомянуты основные исследования, описывающие феномен родительского гейткипинга.

А. Ландер в своем исследовании отмечал, что фигура матери оказывает сильное воздействие на отцовско-детские отношения после развода [Lander,

2020]. В случае конфликтного характера отцовско-материнских отношений выстраивается механизм внутренней критики отца («материнский гейткипинг»), который формирует травму отцовской привязанности у ребенка, выраженной в невозможности нормально прожить дистанцирование отцовской фигуры, и это становится основанием для обвинения отца в будущем [Lander, 2020, p.190-191].

Дж. Фэган и М. Барнетт отмечают, что возникновение механизма «материнского гейткипинга» происходит чаще всего в случае низкой вовлеченности отцов в заботу о детях, невыплаты алиментов и отсутствия материальной поддержки предыдущей семьи [Fagan, Barnett, 2003, p.194-196]. В этом случае мать ребенка становится той фигурой, которая производит оценку «родительской компетентности» отца [Fagan, Barnett, 2003, p.198-199]. От этой оценки отцовской несостоятельности, которая передается в процессе коммуникации ребенку, зависит восприятие отцовской фигуры у ребенка и желание взаимодействия с отцом в будущем [Fagan, Barnett, 2003, p.199-200].

В статье О.Н. Безруковой и В.А. Самойловой «Материнский гейткипинг в России: молодые отцы о матерях и барьерах доступности детей после развода» выстраивается более полное описание процесса «гейткипинга». Исследовательницы определяют его как «динамичный и взаимный процесс выстраивания барьеров, установления контроля, выдвижения обвинений, препятствующих достижению сотрудничества родителей в интересах ребенка в процессе и после развода» [Безрукова, Самойлова, 2020, с.472]. С их точки зрения гейткипинг – это обоюдный процесс, который затрагивает обоих родителей. О.Н. Безрукова и В.А. Самойлова выделяют такие факторы возникновения «отцовского гейткипинга» как наличие уязвленной «гегемонной маскулинности» внутри отцовской идентичности, абсолютная потеря возможности проявлять власть и контролировать ситуацию в семье, потеря права влиять на жизнь ребенка и принимать решения относительно существенных вопросов, определяющих его развитие [Безрукова, Самойлова, 2020, с.473]. В свою очередь, «материнский гейткипинг» исследовательницы определяют как

действия, направленные на дискредитацию отцовской фигуры в восприятии ребенка и «перезагрузку семейной жизни», которая позволит установить новый властный порядок, где только мать имеет возможность принимать важные решения в отношении ребенка [Безрукова, Самойлова, 2020, с.485].

В статье «Она не мать совсем...»: образы бывших жен в дискурсе разведенных молодых отцов» О.Н. Безрукова и В.А. Самойлова содержится более подробный анализ отцовских нарративов после развода в ситуации материнского гейткипинга [Безрукова, Самойлова, 2020]. На основе стереотипных представлений мужчин о традиционных женских ролях в семье выделено два рода типологий бывших жен – образы «плохой жены» и «плохой матери» [Безрукова, Самойлова, 2020, с.118-121]. В типологию плохих жен отнесены такие типы как «диктатор», «агрессор», «потребительница», «балласт», «истеричка» и «принцесса» [Безрукова, Самойлова, 2020, с.118-120]. А в типологию плохих матерей были отнесены следующие категории: «не мать», «лентяйка», «эгоистка», «жесткая мать», «снежная королева» и «карьеристка» [Безрукова, Самойлова, 2020, с.120-121].

К. Аронс и Дж. Тэннер также описали процесс родительского гейткипинга в рамках своего количественного исследования закономерности детско-отцовских отношений спустя 20 лет после развода [Ahrns, Tanner, 2003]. Отношения с отцами ухудшались в первые годы после развода, но выравнивались с течением времени [Ahrns, Tanner, 2003, p.340, p.344]. Неблагоприятно влияли на отношения исчезновение связи с отцом и конфликт со старшими родственниками с его стороны [Ahrns, Tanner, 2003, p.344]. Исследователи постулируют становление бинуклеарной модели семьи после развода, в которой ребенок вынужден постоянно лавировать между двух полюсов – отцовского и материнского [Ahrns, Tanner, 2003, p.340]. Также во внимание брались такие аспекты взаимоотношений как телефонный контакт отца с ребенком, географическая удаленность и доступность отца, практики посещения выходного дня, право отца об опеке над ребенком, фактическая

вовлеченность отца в воспитание ребенка, степень конфликтности отношений родителей, появление новых браков у отца, наличие новых неродных родственников со стороны отца (мачеха, сводные сиблинги), наличие контакта со старшими родственниками с отцовской стороны [Ahrons, Tanner, 2003, p.345].

М. Гюрмен, Ш. Андерсон и Э. Браун на примере 369 интервью с разведенными родителями обоих полов анализируют особенности родительского гейткипинга в контексте «расширенных семей» после развода, то есть, со старшими родственниками со стороны обоих родителей [Gürmen, Anderson, Brown, 2021]. Отмечено, что ситуация развода – это ситуация стресса для любого типа семей [Gürmen, Anderson, Brown, 2021, p.48]. Также исследователи в процессе анализа выявляют потерю поддержки со стороны старших родственников партнера после развода и общее снижение количества контактов с ними [Gürmen, Anderson, Brown, 2021, p.50]. После развода резко повышается значимость сохранения связи со старшими родственниками со своей стороны, а также их эмоциональная поддержка [Gürmen, Anderson, Brown, 2021, p.50].

Итак, в данном разделе были обозначены ключевые работы относительно концепции родительского гейткипинга, затрагивающего всех членов семьи: бывших супругов, их детей и старших родственников со стороны отца и матери ребенка. Гейткипинг в рамках данной работы можно определить как обоюдный процесс выстраивания барьеров для общения с ребенком со стороны матери и отца. Концепция родительского гейткипинга О.Н. Безруковой и В.А. Самойловой является ключевой для анализа отцовско-материнских отношений после развода, а также отношений отца с другими родственниками ребенка со стороны матери. Она будет взята за основу для анализа в дальнейшем.

Далее необходимо обозначить ключевые подходы к типологизации отцовских практик после развода. Прежде чем перейти к описанию основных классификаций практик, необходимо учесть, что на данный момент в научном дискурсе присутствуют разные плоскости их сравнения.

Дж. Тройло и М. Колман в своей статье приводят анализ практик заботы нерезидентных разведенных отцов (то есть, проживающих отдельно от детей) [Troilo, Coleman, 2012]. Исследователи выделили в ходе анализа интервью методом обоснованной теории три типа отцовских идентичностей: 1) «фулл-тайм родитель», который несмотря на отдельное проживание от ребенка, в полной мере включен в заботу о нем на ежедневной основе; 2) «парт-тайм\фулл-тайм родитель», то есть, который вовлекается в воспитание ребенка только во время личных встреч с ним 1-2 раза в неделю; 3) «парт-тайм родитель», который оказывает только финансовую поддержку прошлой семье, а взаимодействует с ребенком нерегулярно и крайне редко [Troilo, Coleman, 2012, p.601]. В качестве факторов, затрудняющих возможность встреч отцов с детьми после развода, исследователи называют конфликтный характер отношений с бывшими супругами, их личный запрет на встречи с ребенком, законодательно утвержденный запрет на встречи с ребенком в ходе судебного постановления и различные варианты нарушения опекунских прав [Troilo, Coleman, 2012, p.601]. Важным фактором для увеличения доступности ребенка для отца является сильная\доминирующая отцовская идентичность, которая может выражаться через такие ролевые модели как «кормилец», «пример для ребенка», «учитель-наставник» [Troilo, Coleman, 2012, p.602-603]. Согласно результатам исследования Дж. Тройло и М. Колман, выбранный тип отцовской идентичности влияет на стиль родительства мужчины [Troilo, Coleman, 2012, p.602]. К примеру, у отцов с воспитательской идентичностью, доминирующей над идентичностью кормильца, наблюдается большее стремление ко встречам с детьми, к заботе о них и их воспитанию, чем у отцов, сфокусированных исключительно на работе [Troilo, Coleman, 2012, p.605]. Нередко развод является тем толчком, который провоцирует изменение приоритетов мужчины в сторону большей вовлеченности в заботу о детях [Troilo, Coleman, 2012, p.605]. Отдельно исследователи выделяют следующие аспекты формирования идентичности вовлеченного отца: восприятие отцовско-детских отношений, восприятие

личной финансовой ответственности по отношению к своему ребенку, а также восприятие барьеров для своей вовлеченности и коммуникации с ребенком после развода [Troilo, Coleman, 2012, p.605-606].

Й. Андреассон и Т. Йоханссон в своей статье описывают практики вовлеченности «отцов на пол-ставки» в Швеции [Andreasson, Johansson, 2019]. Несмотря на реализацию модели эгалитарного родительства в Швеции, отцы сталкиваются с рядом ограничений, к которым относятся необходимость совмещать уход за ребенком вместе с работой, а также законодательные ограничения, налагаемые на их контакты с детьми [Andreasson, Johansson, 2019, p.2]. Чтобы преодолеть эти трудности, отцы вынуждены выстраивать новые договоренности с матерями в ходе переговоров о детях, быть более вовлеченными в «эмоциональную работу» и соответствовать образцу гендерно-нейтрального родительства, продвигаемого в Швеции [Andreasson, Johansson, 2019, p.3, p.8-12].

В статье Р. Финзи-Доттан и О. Коэн описано сравнение практик заботы о детях у трех типов отцов после развода в Израиле: «разведенных отцов-опекунов», «повторно женатых отцов» и «разведенных отцов, не являющихся опекунами» [Finzi-Dottan, Cohen, 2016, p.1-2]. Исследователи выявили в ходе регрессионного анализа, что наибольшей степенью вовлеченности в заботу о детях обладала группа «отцов-опекунов», которым не нужно было проходить этап дополнительного согласования своих практик с матерями детей [Finzi-Dottan, Cohen, 2016, p.1-2]. Также Р. Финзи-Доттан и О. Коэн отметили положительную зависимость уровня вовлеченности в жизнь ребенка у тех отцов, которые обладали более устойчивой отцовской идентичностью [Finzi-Dottan, Cohen, 2016, p.3-4]. Также важно отметить, что у отцов, которые росли в полных семьях, где не было отсутствующего отца, то есть, которые в своем детстве получали полноценный уход со стороны своих отцов, было меньше страха проявлять заботу о своих детях и быть более вовлеченным в практики их воспитания после развода [Finzi-Dottan, Cohen, 2016, p.4-5].

С. Вестфаль, А. Поортман и Т. Липпе проанализировали отцовские практики заботы после развода у жителей Нидерландов в случае нерезидентного отцовства среди представителей разных поколений [Westphal, Poortman, Lippe, 2014]. Было выявлено, что уровень вовлеченности более поздних поколений намного выше, чем у представителей более ранних поколений [Westphal, Poortman, Lippe, 2014, p.444]. Это было обнаружено на основе сравнения количества часов, проведенных вместе с ребенком и количества ночей, которые ребенок проводил после развода в доме отца-нерезидента [Westphal, Poortman, Lippe, 2014, p.448]. Интересной находкой является увеличение вовлеченности разведенных отцов во всех поколениях в процессе их взросления [Westphal, Poortman, Lippe, 2014, p.450].

Р. Финзи-Доттан, О. Коэн и Г. Тангир-Дотан изучили в своей работе практики заботы и стратегии отцов-одиночек, воспитывающих детей после развода самостоятельно [Finzi-Dottan, Cohen, Tangir-Dotan, 2014]. Исследователи на примере кейсов 20 отцов-одиночек из Израиля выявили основные плюсы и минусы модели «одинокого отцовства» [Finzi-Dottan, Cohen, Tangir-Dotan, 2014, p.639]. В случае всех информантов фигура отца выступала в роли «первичного родителя» и была вовлечена полностью в развитие ребенка и его обеспечение [Finzi-Dottan, Cohen, Tangir-Dotan, 2014, p.640-641]. В качестве условий несостоятельности матерей, спровоцировавших появление одинокого отцовства, информантами были упомянуты случаи материнского насилия, алкоголизма, наркотической зависимости и психологических проблем [Finzi-Dottan, Cohen, Tangir-Dotan, 2014, p.642]. Несостоятельность матерей вынудила отцов взять полную опеку над ребенком, взяв на себя роль «основного родителя», и максимально вовлечься в заботу о детях [Finzi-Dottan, Cohen, Tangir-Dotan, 2014, p.642].

Итак, в текущем разделе были обозначены основные подходы к типологизации отцовских практик заботы о детях после развода. Ключевыми основаниями для классификации практик заботы о детях у разведенных отцов

являются степень отцовской вовлеченности (присутствие регулярных практик заботы о ребенке), количество времени, уделяемое отцами для встреч с детьми еженедельно (продолжительность и количество встреч), степень участия в финансовом обеспечении потребностей\ желаний ребенка и его матери, фактическая выплата алиментов, формат резидентного\ нерезидентного отцовства (где, когда и с кем проживает ребенок), а также наличие прав на опеку над ребенком (в процессе судебного заседания).

Таким образом, в текущем разделе были рассмотрены исследования, посвященные постразводному отцовству, описаны основные сценарии развития отцовско-детских и отцовско-материнских отношений после развода, выделены ключевые проблемы отцов после развода и обозначены способы классификации практик заботы о детях у разведенных отцов. Исследования разведенного отцовства концептуально придерживаются той же логики, что и исследования отцовства и маскулинности. В качестве отличительной особенности данного типа исследований можно назвать существенное значение социально-правового и культурного контекста каждого из локальных кейсов разведенного отцовства.

Основной концепцией для анализа отцовского опыта выстраивания отношений с членами семьи и отцовской вовлеченности после развода выступит концепция родительского гейткипинга О.Н. Безруковой и В.А. Самойловой. Далее будет обозначена теоретическая модель текущего исследования.

В теоретическую модель исследования, вошли несколько концепций, маркируемых исследователем как ключевые. В качестве базовой парадигмы маскулинности выступает концепция «заботливой маскулинности» К. Эллиотт, которая, основываясь на подходе критических исследований маскулинности и феминистских исследованиях, позволяет соединить категории маскулинности и заботы [Elliott, 2016]. Возникает новый тип альтернативной маскулинности, основанный не на гендерном превосходстве и насилии, а на сотрудничестве, заботе и внимании к близким [Elliott, 2016, p.240]. Заботливая маскулинность помогает объяснить существование целого ряда эмерджентных практик мужчин,

живущих в эпоху трансформации маскулинности. Возникновение такой формы маскулинности является следствием изменения гендерных установок общества [Elliott, 2016, p.243-245], которые необходимо проследить в отношении отцовства.

Второй важной концепцией, которая выступает основой для анализа отцовских практик вовлеченности, является «вовлеченное отцовство» Е.Ю. Рождественской [Рождественская, 2020]. Исследовательница признает преемственность этой концепции у «заботливой маскулинности» К. Эллиотт. Тем не менее, она важна для текущей работы, поскольку она обозначает новый тренд развития отцовства, который определяет изменение норм отцовства по всему миру и непосредственно влияет на идентичность мужчин, которые стремятся реализовать себя как правильные родители. Изменение стандартов родительства в контексте диалога о «новом родительстве» влечет за собой трансформацию отцовских практик, которые выражаются в большей вовлеченности в воспитание детей, в заботу о них и участие в их развитии [Рождественская, 2020, с.165-167]. Отец помимо функции кормильца должен выполнять наравне с матерью функцию заботливого воспитателя, внимательного к чувствам и переживаниям ребенка, к его потребностям и мыслям [Рождественская, 2020, с.179-180].

Третьей ключевой концепцией выступает «родительский гейткипинг» О.Н. Безруковой и В.А. Самойловой. Данная концепция полезна для анализа отцовского опыта выстраивания отношений с членами семьи и формирования практик заботы после развода [Безрукова, Самойлова, 2020]. Она описывает постепенное формирование конфронтации между полюсами родителей ребенка после развода. Нередко она подкрепляется объединением старших родственников со стороны каждого родителя и формированием ряда условий, которые мешают одному из родителей полноценно иметь доступ к ребенку и возможность участвовать в заботе о нем [Безрукова, Самойлова, 2020, с.472]. Родительский гейткипинг как правило является следствием разлада в

отношениях между родителями до и после развода. Этот процесс буквально определяет, кто из родителей будет признан победителем в гонке за статус «первостепенного родителя» [Безрукова, Самойлова, 2020, с.485].

2. Методологические основания исследования

2.1. Обоснование выбора методологии

Текущее исследование было проведено в рамках качественной методологии. Выбор качественной парадигмы исследования обусловлен необходимостью анализа субъективных переживаний и смыслов информантов, а также с многообразием аспектов, определяющих отцовские модели вовлеченности после развода [Flick, 2014, р. 6; Полухина, 2023, с.18].

В рамках данного исследования качественный подход наиболее применим в сочетании с теорией социального конструктивизма, поскольку она позволяет выявить множественные смыслы, приписываемые информантам тем или иным практикам, через которые они конструируют собственную маскулинность в контексте отцовства [Здравомыслова, Темкина, 1998]. Также данный подход позволяет обратиться к мужскому опыту на уровне интерпретаций и смыслов, определяющих отношение информантов к действительности [Малышева, 2002, С. 149].

Основным методом исследования выступило лейтмотивное интервью с элементами автобиографии, которое позволило сфокусироваться на личном опыте развода информантов и более полно раскрыть нарративы и рефлексии отцов о ситуации развода в целом, процессе его проживания, трансформации отношений с близкими и отцовских практиках заботы по отношению к детям. Данный формат интервью также позволил исследователю быть более гибким и при необходимости отходить от структуры гайда, следуя за ходом мысли информантов и направляя ход интервью при помощи нарративных импульсов в начале каждого из тематических блоков [Bryman, 2004].

Всего было собрано 16 лейтмотивных интервью с элементами автобиографии. Процесс сбора интервью был организован онлайн при помощи

платформы для записи конференций Zoom. Данный формат был применен, чтобы выстроить необходимую для информантов дистанцию, поскольку тема интервью была достаточно сензитивной.

Для сбора лейтмотивных интервью был подготовлен гайд из пяти частей (см. Приложение №1). Вводная часть посвящала информанта в контекст нашего интервью. Он был предупрежден с самого начала интервью о записи разговора. Все информанты дали свое вербальное согласие на запись. Также для комфорта информантов была озвучена информация о том, что данные будут анонимизированы и что человек имеет право в любой момент остановить интервью или пропустить вопрос, если не хочет на него отвечать. Было озвучено примерное время прохождения интервью.

Первый раздел гайда – биографический – содержал в себе общие вопросы для паспорттики, которые стимулировали рассказ информантов о себе. Сюда вошли вопросы про образование, должность, возраст, хобби, текущее место проживания.

Второй раздел гайда был посвящен теме развода. Здесь прозвучали вопросы про текущее семейное положение, ситуацию браков и разводов, эмоции от ситуации развода и текущие отношения со старшими родственниками и бывшей супругой. Нарративный импульс в начале раздела позволял задать направление беседы, поэтому большую часть вопросов информанты проговаривали сами.

Третий раздел гайда был посвящен детям информанта и семейным обязанностям, в которые он был вовлечен. В начале шел блок вопросов про количество, пол и возраст детей, про отношение детей к конкретным бракам. Далее в случае, если детей было несколько, блок вопросов по родительские обязанности в отношении детей задавался по каждому из них в отдельности. В состав блока про обязанности отца входили вопросы про покупку и выбор сезонной одежды, оплату и приготовление пищи, выдачу денег на еду и свои расходы детям, оплату кружков и образования, процесс сопровождения детей на

кружки и секции, оплату лечения ребенка и его сопровождение в медицинских учреждениях, про посещение родительских собраний и сопровождение детей по дороге до школы или детского сада. Также отдельно были заданы вопросы про новые договоренности с матерью ребенка после развода, про установление правил материальной поддержки, оказывание дополнительной финансовой поддержки помимо алиментов. Следующая часть блока была посвящена встречам с ребенком после развода. Сюда вошли вопросы об отцовских практиках заботы, местах встреч с ребенком, частоте встреч, практиках совместного досуга, среднем времени встреч с ребенком, об организации встреч и роли договоренностей с бывшей супругой для назначения встречи с ребенком. Дополнительно задавался вопрос про желания отца относительно встреч с ребенком, которые хотелось бы воплотить. Последняя часть блока была посвящена изменениям в отношениях с ребенком после развода. Здесь были озвучены вопросы относительно форматов встреч с ребенком, важным событиям в жизни ребенка, которые отец старается не пропускать, установлении договоренностей относительно ребенка с матерью и процессу знакомства ребенка из прошлого брака с новыми партнерками, женами и детьми.

Четвертый раздел был посвящен практикам заботы о ребенке. Сюда вошли вопросы по поводу случаев обращения ребенка за помощью к отцу, реакции отца на просьбы ребенка, фактическую помощь ребенку, покупки для ребенка. Также здесь были заданы вопросы про общение отца со старшими родственниками со стороны отца и со стороны матери, про их вовлеченность в заботу о ребенке, а также про их помощь и восприятие ситуации развода.

Пятый (последний) раздел вопросов был связан с детством информанта и детским опытом взаимодействия со своим отцом. В начале блока был задан нарративный импульс для рассказа про свое детство. В качестве конкретизирующих вопросов выступили вопросы про отношения с отцом и другими членами семьи, про участие отца в воспитании информанта, про практики совместного досуга, про изменение отношений с отцом в процессе

взросления. В случае, если отец по какой-то причине не общался с ребенком, аналогичные вопросы были заданы про его родственников.

В конце интервью прозвучали вопросы на рефлекссию информанта про личное представление об отцовской заботе, о восприятии отличий между отцовской и материнской заботой, про планы относительно ребенка на ближайшее будущее. Важными с точки зрения концептуализации отцовства и опыта развода через нарративы информантов были финальные вопросы про оценку своего опыта отцовства, про понимание «хорошего отцовства», про изменение восприятия собственного опыта отцовства после развода, про влияние опыта отцовства и влияние детей на жизнь информанта, а также про изменение восприятия института брака после развода.

2.2. Выборка

Ключевыми критериями для основания целевой выборки выступили: пол информантов (мужской), официальный статус брака\развода, наличие детей, наличие практик взаимодействия с детьми после развода и проживание на территории Санкт-Петербурга. Ограничение локации исследования было обусловлено спецификой социокультурных норм и установок в отношении постразводного отцовства, которые свойственны петербуржцам как жителям большого города и административного центра Северо-Западного региона России.

В итоговую выборку из 16 человек вошли петербуржцы разных возрастных групп (от 24 до 66 лет), трудовых специализаций (как работники ИТ-сферы, так и разнорабочие, преподаватели, работники административного сектора) и уровней образования (среднее, высшее, незаконченное высшее). Трое из шестнадцати информантов можно определить как религиозных людей. В большинстве случаев у информантов было от одного до двух детей, однако присутствовали информанты с тремя, четырьмя и пятью детьми. Большинство информантов пережило один опыт брака и последующего развода, однако присутствуют кейсы

информантов, вступивших в повторный брак или находящихся в гражданском браке (незарегистрированном сожительстве) на данный момент.

Поиск информантов реализовывался через социальные сети и мессенджеры («ВКонтакте», «Instagram»⁸, «Telegram», «WhatsApp»). Для выхода на информантов были использованы социальные связи знакомых, а также их родителей. Далее поиск происходил методом снежного кома. Некоторые информанты рекомендовали своих знакомых, кто подходил по критериям выборки. Такой формат рекрутинга информантов позволил собрать данные для анализа различных форм постразводного отцовства в течение трех месяцев, как в случае проживания ребенка с матерью (нерезидентное отцовство), так и в случае проживания ребенка с отцом после развода (резидентное отцовство).

На основе полученных данных будут освещены разные режимы договоренностей между родителями ребенка после развода в плане их обязанностей, способов взаимодействия, графика встреч и финансирования нужд ребенка. Отдельный интерес представляет анализ случаев информантов, которые после развода продолжают поддерживать контакты с детьми из предыдущих браков, параллельно заботясь о детях из новых семей.

Сбор интервью происходил в период с ноября 2022 года по январь 2023 года. Всего было собрано 16 лейтмотивных интервью с элементами автобиографии. В таблице №1 содержатся основные данные об информантах.

Таблица №1. Сведения об информантах⁹

№	Возраст	Образование	Род деятельности	Кол-во лет в разводе	Кол-во бра-ке	Кол-во оф. браков	Кол-во ГБ	Статус	Кол-во детей в предыдущих браках	Кол-во детей в новом браке	Дети и их возраст
---	---------	-------------	------------------	----------------------	---------------	-------------------	-----------	--------	----------------------------------	----------------------------	-------------------

⁸ Instagram — проект Meta Platforms Inc., деятельность которой в России запрещена.

⁹ Расшифровка сокращений в таблице №1:

- Образование – СР (среднее), ВЫСШ (высшее), НЕЗ ВЫСШ (незаконченное высшее).
- Характер союза\партнерства – Оф браки (официальный, зарегистрированный брак), ГБ (гражданский брак\незарегистрированное сожителство).
- Статус – Разв (разведен), Встр (встречается, но не женат и не сожительствует), ГБ (сожительствует без регистрации брака), Женат (заново в зарегистрированном браке).

1	40	СР	Project manager (IT)	2	7	1	0	Разв	1	0	1 брак: 1 сын (8 лет)
2	34	ВЫСШ	Программист (IT)	6	7	1	0	Разв	4	0	1 брак: 3 сына (12/9/7 лет) 1 дочь (1.5 года)
3	34	ВЫСШ	Научный сотрудник, н.	4	5	1	0	Встр	1	0	1 брак: 1 сын (7.5 лет)
4	61	СР	Разнорабочий (самозанятый)	17	10	2	0	Разв	2	0	1 брак: 1 дочь (23 года), 1 пасынок (28 лет)
5	24	СР	Тестировщик (IT)	1	3	1	0	Разв	2	0	1 брак: 1 дочь (3 года), 1 сын (1 год)
6	49	НЕЗ ВЫСШ	Специалист продаж (безработный)	3	19	1	0	Разв	2	0	1 брак: 1 сын (20 лет), 1 дочь (16 лет)
7	33	ВЫСШ	DevOps Lead (IT) (безработный)	2	7	1	0	Разв	1	0	1 брак: 1 дочь (8 лет)
8	47	СР	Рабочий на стройке	6	6	1	0	Встр	1	0	1 брак: 1 дочь (9 лет)
9	53	ВЫСШ	Сварщик	5	22	1	1	ГБ	2	0	1 брак: 2 сына (22/20 лет)
10	60	ВЫСШ	Специалист продаж	26	5\25	2	0	Женат	1	2	1 брак: 1 сын (33 года) 2 брак: 1 дочь (17 лет) и 1 сын (11 лет)
11	37	СР	Завхоз	8	6\6	2	0	Женат	1	2	1 брак: 1 дочь (12 лет) 2 брак: 1 сын (5 лет), 1 дочь (1.5 года)
12	47	ВЫСШ	Репетитор англ. (самозанятый)	11	7\10	1	1	ГБ	1	0	1 брак: 1 сын (17 лет)
13	37	СР	Помощник руководит АХО	3	13	1	1	ГБ	1	1	1 брак: 1 дочь (16 лет) 2 брак (гражд): 1 падчерица (12 лет)
14	38	ВЫСШ	Юнгианский психоаналитик (самозанятый)	8	5	1	0	Встр	1	0	1 брак: 1 сын (9 лет)
15	66	ВЫСШ	Учитель в школе	11	27	1	0	Разв	2	0	1 брак: 2 сына (36/24 года)
16	61	ВЫСШ	Тренер айкидо	30\21	6\12\10	2	2	ГБ	3	2	2 брак (гражд): 2 дочери (30/27 лет) 3 брак: 1 сын (21 год) 4 брак (гражд): 2 пасынка (36/24 года)

Далее будет описана эмпирическая база исследования в табличном виде (см. Таблицу №2). 16 интервью были собраны в течение трех календарных месяцев. Время длительности интервью составило от 60 до 121 минуты (среднее время – 82 минуты). Запись интервью в Zoom и на диктофон проводилась по согласию информантов. Все информанты выразили свое согласие на запись. Все интервью прошли процесс расшифровки с последующей анонимизацией данных.

Таблица №2. Сведения о дате проведения и длительности интервью

№	Дата интервью	Длительность интервью (мин)
1	05.11.2022	106
2	16.11.2022	60
3	19.11.2022	80
4	20.11.2022	88
5	21.11.2022	97
6	29.11.2022	68
7	30.11.2022	70
8	04.12.2022	69
9	04.12.2022	122
10	06.12.2022	75
11	07.12.2022	100
12	11.12.2022	84
13	18.12.2022	66
14	21.12.2022	98
15	08.01.2023	74
16	10.01.2023	63

Для анализа данных было использовано сочетание нарративного и тематического/ проблемного анализа [Ярская-Смирнова, 1997; Полухина, 2023, с.32-52, с.81-92; Врумэн, 2016, р. 570]. В рамках нарративного анализа были применены семиотический метод триады Ч. Пирса и структурный подход В. Лабова [Терехова, Малахаева, 2015].

Процедура тематического анализа была скрепляющей, то есть, анализ нарративов происходил на основе предварительного тематического анализа текста. При выявлении тем использовалась как дедуктивная (на основе теоретической базы исследования), так и индуктивная логика анализа (на основе

сопоставления кодов в процессе анализа эмпирики) [Bryman, 2016, p. 570]. В ходе тематического анализа применялась следующая последовательность действий [Clarke, Braun, 2006]:

1. Внимательное ознакомление с набором текстовых данных.
2. Кодирование – создание системы кратких кодов, тематизирующих фрагменты текста.
3. Генерация первоначальных тем на основе выделенных кодов.
4. Разработка и рассмотрение тем – проверка тем на соответствие цели и задачам исследования.
5. Уточнение, определение и наименование тем – проведение более подробного анализа каждой темы и определения ее информативного наименования.
6. Написание текста – интеграция аналитического повествования и фрагментов данных, контекстуализация анализа в контексте изученной литературы.

Далее процедура анализа текста интервью в рамках нарративного анализа выглядела следующим образом [Полухина, 2023, с.32-52; Терехова, Малахаева, 2015]:

1. В тексте транскрипта выделялись отдельные секвенции (мини-нарративы).
2. Далее происходило построчное разбиение мини-нарративов с нумерацией строк.
3. Потом, согласно структурному подходу В. Лабова, внутри мини-нарратива были определены структурные элементы повествования:
 - а. Тезис – краткое изложение существа дела, которое представляет последующий текст (Т);
 - б. Ориентация – время, место, ситуация, участники – данный элемент ориентирует слушателя (ОС);

с. Комплекс действий – последовательность событий, которая описывает ход действий (КД);

d. Оценка – значимость и смысл, отношение рассказчика, которое оценивает значение действия (О);

e. Резолюция – что произошло – элемент, который показывает разрешение ситуации (Р);

f. Кода – возврат к настоящему времени – элемент, который завершает секвенцию (К).

4. На следующем этапе происходила оценка полноты нарративной структуры и соотношение ее элементов согласно методу триады Ч. Пирса. Анализ происходил в формате таблицы из пяти столбцов:

a. Текст – здесь была обозначена выделенная строка текста;

b. Элемент – тут обозначалась функция строки по В. Лабову;

с. Репрезентанта – здесь был обозначен знак (узловое слово или словосочетание из строки);

d. Объект – тут было описано, к чему отсылает знак;

e. Интерпретанта – в данном столбце обозначался аналитический комментарий, в котором раскрывалось значение структурной единицы текста.

5. Далее осуществлялось сопоставление мини-нарративов (по стилю, лексическим особенностям, структурным элементам повествования и сюжетным линиям).

6. Итогом анализа стало написание научно-исследовательского нарратива по результатам анализа повествований.

Нарративный анализ позволил более глубоко проанализировать нарративы, понять логику их конструирования, поскольку были отражены различные элементы повествования, эмоции, контекст социальных взаимодействий и оценочные суждения информантов. Тематический анализ, в свою очередь, дал возможность обратиться к проблемным характеристикам

опыта постразводного отцовства информантов, выявить их основные точки боли и потребности.

Такой аналитический подход необходим для детального анализа способов выстраивания коммуникации отцов с детьми и их матерями после развода, выяснения предпосылок формирования определенных практик заботы о детях в контексте описания жизненного пути информантов. В итоге анализа были сформулированы основные нарративы осмысления собственного опыта родительства и трансформации отцовства после развода в целом.

2.3. Этика и ограничения

Относительно исследовательского позиционирования автора работы важно проговорить, что на момент проведения исследования у него не было опыта брака, развода и воспитания собственных детей. Поэтому детали биографий информантов были восприняты без ориентации на личный опыт.

Со стороны этики и ограничений у данного исследования присутствуют несколько нюансов, которые необходимо осветить. Во-первых, сама тема разводов является довольно сензитивной для всех людей, прошедших через этот этап жизни. Поэтому для работы в поле был сформирован гайд, который исключает оценочные суждения по поводу информантов и их отношений с партнерами и детьми после развода. Формулировки вопросов были составлены так, чтобы основной фокус был направлен на опыт информантов и на смыслы, которые они этому опыту приписывают. Образец гайда помещен в приложениях для ознакомления (см. Приложение № 1).

Во-вторых, определенные трудности были связаны с ограничениями целевой выборки. Они заключались в том, что не все информанты подходили для текущего исследования по заявленным ранее критериям. Географическая рамка сильно сузила потенциальное количество информантов. Также некоторые мужчины не поддерживали контактов с детьми из предыдущих браков, поэтому они заведомо не подходили. Кроме того, дополнительное ограничение коснулось тех отцов, у кого на момент интервью не прошло более полугода с момента

развода, поскольку этот период определяет прохождение человеком первичной трансформации паттернов взаимодействия с детьми и закрепление новых постразводных договоренностей с их матерями.

В-третьих, гендерная особенность выборки сыграла свою роль. Мужчины намного реже шли на контакт с исследователем лично без посредников. Большая часть информантов была найдена через контакты с их бывшими супругами, нынешними партнерами, с их детьми из разных браков, знакомыми и друзьями. В соцсетях также намного меньше групп разведенных отцов, чем групп разведенных матерей, а также они географически не привязаны к Санкт-Петербургу.

В-четвертых, определенную трудность сыграла эмоциональная сторона интервью. Для тех, кто согласился принять участие, весьма непростым оказался момент проживания событий, связанных с разводом. От исследователя требовалось максимальное погружение в личные истории информантов, внимательное сопровождение их биографических траекторий и бережное обращение с их опытом. Исследователю было непросто дистанцироваться от эмоций информантов и оставаться нейтральным. После интервью потребовалось какое-то время, чтобы осознать непричастность к переживаниям информантов и взглянуть рационально на их опыт и процессы выстраивания новых отношений с детьми после развода.

Итак, в данной главе были описаны методологические основания, выборка, этика и ограничения исследования. В следующем разделе будут обозначены ключевые эмпирические находки проведенного исследования.

3. Эмпирический анализ отцовских практик вовлеченности после развода

3.1. Типы отцовских моделей вовлеченности после развода

Для текущего анализа эмпирических данных было определено несколько оснований. Первое – это трактовка заботливой маскулинности по К. Эллиотт, согласно которой мужчины, являющиеся носителями подобного типа маскулинности, расположены к большей кооперации со своими супругами в

вопросах заботы о детях, меньше проявляют насилие и являются более эмоционально вовлеченными в семейные отношения [Elliott, 2016, p.240]. Второе – концепция вовлеченного отцовства Е.Ю. Рождественской, сочетающая в себе основания заботливой маскулинности и установки гендерного равноправия супругов в контексте дискуссии о возникновении нового родительства [Рождественская, 2020, с.165-167]. Третье – концепция родительского гейткипинга О.Н. Безруковой и В.А. Самойловой, которая определяется исследовательницами как постепенный процесс выстраивания барьеров отцами и матерями по отношению друг к другу, в следствие которого существенно затрудняется процесс формирования новых договоренностей относительно ребенка после развода [Безрукова, Самойлова, 2020, с.472].

В ходе анализа 16 лейтмотивных интервью были выделены три ключевых типа отцовских моделей вовлеченности после развода:

Первый тип – это **модель рутинной вовлеченности**. Она основана на сильной мотивации мужчин инвестировать свои эмоциональные, временные и материальные ресурсы в выстраивание новых отношений с детьми и их родственниками после развода, высоком уровне отцовской вовлеченности и всеобъемлющем характере отцовских практик заботы.

Второй тип – это **модель фрагментарной вовлеченности**. Она предполагает регулярный формат встреч с ребенком несколько раз в неделю и средний уровень отцовской вовлеченности. Он обусловлен определенными ограничениями, которые могут возникать как по причине гейткипинга со стороны матери и ее родственников, так и из-за недостаточной готовности самих мужчин вовлекаться в заботу о ребенке на ежедневной основе (недостаточная мотивация, ограничения из-за рабочего графика, наличие новых отношений или новой семьи, отсутствие необходимых временных, финансовых и эмоциональных ресурсов).

Третий тип – это **модель отцовства с элементами вовлеченности**. Она выражена в эпизодическом характере практик заботы о ребенке и

преимущественно развлекательно-досуговым формате встреч с ребенком, который форматирует выражение отцовской привязанности через механизм дарения подарков и проживания ярких впечатлений в процессе досуга. Также данная модель характеризуется очень низким уровнем отцовской вовлеченности в повседневную рутинную заботу о ребенке и решение существенных вопросов относительно развития и воспитания ребенка. Такой уровень вовлеченности обусловлен сильными барьерами, возникающими в большинстве случаев из-за проблемных отношений с матерью ребенка и ее родственниками.

Стоит отметить, что первая модель реализуется как у отцов-резидентов, то есть, проживающих вместе с ребенком на постоянной основе («отцы-одиночки» или отцы, которые по решению суда были назначены основными опекунами для детей), так и у отцов-нерезидентов, которые несмотря на отдельное проживание от ребенка, остаются доступными для него и для его матери после развода. Вторая и третья модель вовлеченности характерны для отцов-нерезидентов, чья забота о ребенке ограничена временем личных встреч с ребенком. Если во второй модели отец иногда привлекается для выполнения рутинных обязанностей (например, сопровождения ребенка на секции или в школу), то третья модель ограничивает контакты ребенка с отцом только отведенным временем на личные встречи, которые происходят нерегулярно.

Для анализа данных моделей будет использоваться сравнение по трем ключевым аспектам: 1) Место ребенка в нарративах об отцовстве и о разводе; 2) Отцовские стратегии выстраивания отношений с родственниками ребенка после развода; 3) Практики отцовской заботы о ребенке (что делает, как заботится, как часто встречается, чем занимается с ребенком, в чем принимает участие, какие договоренности присутствуют, за что отвечает). Данные аспекты были выделены потому, что при анализе отцовской вовлеченности важно учитывать три сферы: сферу отцовско-детских отношений, сферу отцовско-материнских отношений и сферу повседневных практик заботы отцов о своих детях [Hobson, Morgan, 2002, p.9].

Для более четкого понимания дальнейшего анализа сформирована матрица сравнения отцовских моделей вовлеченности после развода. С ней можно ознакомиться ниже в таблице №3.

Таблица № 3. Сравнение отцовских моделей вовлеченности после развода

Тип модели	Место ребенка в нарративах об отцовстве и о разводе	Стратегии выстраивания отношений с родственниками ребенка	Практики отцовской заботы
Рутинная вовлеченность	«В центре», полное пересечение жизни отца и ребенка	Максимально подстраивается, многим жертвует ради сохранения доверительных отношений с ребенком; Отношения с матерью ребенка и ее родственниками дружеские, теплые, доверительные.	Воспитание Образование Планирование досуга ребенка Проверка домашнего задания Посещение родительских собраний Приготовление еды Сопровождение ребенка в детсад\ школу\ на кружки Посещение медицинских учреждений с ребенком Оплата всех нужд ребенка и его матери (алименты в случае нерезидентного отцовства + все дополнительные расходы) Участие в значимых событиях в жизни ребенка, совместное празднование праздников Помощь родственникам ребенка со стороны матери Тесные живые контакты с ребенком Регулярные созвоны и живая переписка в мессенджерах, чтобы быть в курсе всех событий и проблем ребенка Ежегодный совместный отдых вместе с ребенком и его матерью)
Фрагментарная вовлеченность	«На периферии», частичное пересечение жизней отца и ребенка	Находит компромиссы, подстраивается неполностью, только до тех пор, пока это соответствует его расписанию и возможностям,	Регулярные встречи с ребенком 1-2 раза в неделю Дарение подарков Выплата алиментов Частичное финансирование нужд ребенка (чаще всего медицинских или досуговых), оплата кружков и секций

		минимизирует возможные траты; Отношения с матерью и ее родственниками нейтральные или полупроблемные, дистанцированные.	Иногда проверка домашнего задания Созвоны с ребенком как попытка компенсировать недостающее общение Развлечение ребенка во время встреч (в городе: ТЦ, аквапарки, коньки, бассейн, игра в приставку или прогулки по паркам; за городом: посещение разных мест, прогулки, совместный активный отдых)
Отцовство с элементами вовлеченности	«Вовне», Редкие соприкосновения жизней отца и ребенка	Вступает в конфронтацию и/или минимизирует контакты с матерью и ее родственниками, обращается только для согласования встреч с ребенком. Отношения с матерью и ее родственниками конфликтные или натянутые.	Редкие эпизодические встречи Дарение подарков Развлечение ребенка во время встреч, стремление максимально ярко провести время, завоевать расположение ребенка (дети чаще всего дистанцированы эмоционально) Если возможно, поддержка связи с ребенком дистанционно в мессенджерах и соцсетях, периодические созвоны по видеосвязи

Также стоит отметить, что отнесение отцов к определенным моделям вовлеченности было довольно условным, поскольку у некоторых отцов могли присутствовать разные сочетания обозначенных выше характеристик. Выделенные модели отцовской вовлеченности – это скорее идеальные типы, на которые исследователь ориентировался в процессе анализа эмпирических материалов.

В контексте модели рутинной вовлеченности чаще всего присутствовали отцы-одиночки, отцы-резиденты, религиозные отцы и отцы с большим количеством детей. Также во многом данная модель характерна для тех, кто работает удаленно из дома. Нередко информанты с данной моделью вовлеченности были более обеспеченными в плане количества ресурсов, наличия собственной машины и дополнительной жилплощади, которую они могли предоставить ребенку и его матери после развода.

Для модели фрагментарной вовлеченности были более характерны случаи отцов-нерезидентов с офисным форматом работы, полной занятостью, высшим

образованием и средним количеством детей (1-2 ребенка). Сюда же можно отнести отцов, которые проживают относительно недалеко от бывших жен с детьми, например, в пределах одного района Санкт-Петербурга. Для этих информантов характерна форма совместной опеки над ребенком.

Информанты, у которых чаще всего проявлялись признаки модели отцовства с элементами вовлеченности – это отцы-нерезиденты, проживающие в разных городах с ребенком или в разных концах Санкт-Петербурга после развода. Сюда же вошли случаи информантов с конфликтными отношениями с матерями детей и их родственниками, выраженными в большом количестве ограничений по взаимодействию отца с ребенком. Чаще всего здесь фигурировали информанты без высшего образования, работающие на низкооплачиваемых позициях. Зачастую ребенок проживал со своей матерью и/или с ее старшими родственниками.

Таким образом, здесь были кратко охарактеризованы выделенные типы моделей вовлеченности разведенных петербуржцев. Далее они будут более детально рассмотрены по упомянутым выше аспектам.

3.2. Место ребенка в нарративах об отцовстве и о разводе

Фигура ребенка занимает различное положение в нарративах информантов в зависимости от модели вовлеченности отца после развода. Далее будут обозначены основные моменты, которые касаются места ребенка в нарративах отцов.

Прежде всего рассмотрим положение ребенка в нарративах отцов в отношении рутинной модели вовлеченности. Здесь стоит отметить, что ребенок находится в центре отцовских нарративов. Он является важным агентом, который оказывает существенное влияние на планы отца и его выстраивание жизненных стратегий (например, в отношении выбора жилья или работы).

Также ребенок играет ключевую роль в жизни отцов, поскольку на него направлена вся забота. В отношения с ним инвестируются большие денежные,

временные и эмоциональные ресурсы со стороны отца. Ребенок является воплощением всех надежд отца. Кроме того, отношения с ребенком поддерживаются и закрепляются дополнительно посредством построения крепких доверительных отношений с его матерью и ее родственниками, которым отец также регулярно помогает и с которыми продолжает общение.

Отцы с ярко выраженной моделью рутинной вовлеченности отмечают в своих нарративах важность детей. Ребенок находится на первом месте. Весь смысл жизни отца заключается в его развитии и воспитании:

«Просто понимал, что счастье в детях и как бы именно свою жизнь хотел бы посвятить именно им. Поэтому уже было ничего не страшно. Я уже как бы не думал о том, что будет дальше». (№2, 34, Программист (IT), 4 ребенка)

Дети становятся самой важной частью жизни отца. Информанты признают, что считают своих детей самыми близкими людьми. Они подчеркивают в своих нарративах необходимость постоянной поддержки детей и осуждают тех, кто после развода перестает помогать своим детям:

«Дети для меня сейчас на первом месте. Я испытываю... То есть это для меня самые близкие люди, с которыми я живу, с которыми провожу большую часть времени». (№2, 34, Программист (IT), 4 ребенка)

«Если они позвонят, я сразу приеду. И чем могу, тем помогу. Потому что дочка – это дочка, это моя кровинушка! Просто некоторые... я вот даже иногда... У меня есть знакомый, как бы который три раза женат, и три раза в разных городах, и он с детьми вообще не общается. Я этого не понимаю. Я не могу, как бы, если у тебя есть твоя дочка, сын. Ну как с ними не общаться? Это все-таки твое родное, а не чье-то! Я представить себе даже не могу этого». (№13, 37, Помощник руководителя АХО, 2 ребенка)

Самым тяжелым моментом для отцов с рутинной моделью вовлеченности является расставание с ребенком на время. Самое трудное – это пройти после

развода процесс адаптации к новым отношениям с ребенком, перестроиться и привыкнуть к новой реальности. Даже при сильной мотивации отцов видеться с детьми после развода встречи становятся реже и количество контактов вживую существенно сокращается:

«Было очень тяжело расставаться с ребенком, даже понимая, что он остается в этом же городе. Все равно очень тяжело. Но потом как то, ну, в общем, прошло время, и мы стали видеться активно. И, ну, вот как-то полегчало. Тяжелее всего было пережить расставание, не видеть его достаточно долго, неделями не видеть. Это было непросто». (№10, 60, Специалист продаж, 3 ребенка)

Важной составляющей отцовско-детских отношений после развода является желание как со стороны отцов, так и детей продолжать общение. Отцы с рутинной моделью вовлеченности отмечали появление после развода «отцовского инстинкта», который заключался в постоянной потребности заботиться о ребенке. Ситуация развода обострила для некоторых информантов важность их участия в жизни детей, они пересмотрели свои отношения с ребенком в сторону большей вовлеченности. Воспитание ребенка воспринимается ими как долг, который необходимо выполнять:

«Наверное, ощущение внутри. Ну, внутри ты ощущаешь, что нужно заботиться о ребенке. Я не знаю даже, как это объяснить. То есть до развода этого не было». (№7, 33, DevOps Lead (IT), 1 ребенок)

«Я чувствую, что я должен помогать, потому что рождение ребенка и вот эти вот первые годы после развода – это испытание. Вообще для отношений между мужчиной и женщиной, между мужем и женой. Это реально так. Я просто понимаю, что это долг, его надо тоже выполнять». (№8, 47, Рабочий на стройке, 1 ребенок)

Также важно, чтобы сам ребенок артикулировал в отношениях, что после развода он готов продолжать общение. Если такое происходит, отец чувствует более сильную привязанность к ребенку, поскольку его статус как значимой фигуры для ребенка не оспаривается после развода, а наоборот, укрепляется:

«Когда я сообщил о разводе дочери, она сказала мне такую фразу: «Папа, я же большая, я все знаю, что вы расстанетесь». Ну и сказала мне дальше: «Папа, я как была твоя дочка, дочкой и останусь. Был моим папой, папой и будешь, как бы других не будет». Поэтому вот мы как-то мирно общаемся». (№13, 37, Помощник руководителя АХО, 2 ребенка)

Примечательно, что помимо заботы о своем ребенке, этому же информанту удалось выстроить отцовские отношения с ребенком его новой партнерки. В данном случае, не будучи биологическим, родным отцом девочки, он принял ее как своего ребенка и стал проявлять к ней заботу, также, как и к дочери из прошлого брака:

«Ну, сейчас я живу с другой женщиной. У женщины есть тоже ребенок. Ну, вот, соответственно, как бы я отношусь к ней очень хорошо. К ребенку нет никаких как бы недопонимания или еще чего-то. Я принял и ее, и ребенка. Она как вторая дочка, можно сказать». (№13, 37, Помощник руководителя АХО, 2 ребенка)

Относительно дочери из первого брака информант отметил, что несмотря на ее высокую занятость в спортивной сфере, он старается приложить все усилия, чтобы видеться с ней как можно чаще. Он остается максимально доступным для дочери в любой момент, проживая в новой семье. Двери их дома всегда открыты для нее, она может приехать в гости, провести вместе с ним и его новой семьей время, когда захочет. Поэтому для ребенка из первого брака удалось создать все условия, чтобы она не чувствовала себя чужой:

«Да. Как сказал ее тренер «Она должна быть сиротой в этой школе. Ни мам, ни пап, никого, только спорт». Поэтому не всегда нам удастся ее выловить и куда-то сходить. <...> Хотя мы сказали сразу ей, что там, где я сейчас живу с новой девушкой, что эта квартира для нее открыта всегда, в любое время. Она может приезжать и спокойно, без даже предупреждения приезжать, приходит столько, сколько она хочет. Как бы никаких ограничений нету». (№13, 37, Помощник руководителя АХО, 2 ребенка)

Еще один информант поделился, что очень сильно переживал после развода за состояние дочери, к которой он чувствует большую привязанность. Он не хотел, чтобы ситуация развода вызвала у ребенка чувство вины за происходящее в семье. Поэтому он практически ежедневно ее навещал и старался проводить с ней как можно больше времени вместе:

«А вот что касается дочки, у нас сильная привязанность была в детстве. Поэтому, когда мы развелись, она, хоть и была маленькая – восемь лет ей было – она тяжело это достаточно переживала. <...> И я, чтобы как-то смягчить вот этот удар для нее, я очень много с ней общался. Ну я имею в виду, приезжал каждый день, почти постоянно практически с ней общался. Потому что я понимал, что, ну, для нее это очень сильный удар, и, возможно, она по-детски как эту вину на себя будет брать, и это очень негативно на ней скажется в будущем». (№4, 61, Разнорабочий, 2 ребенка)

После переезда к нему в Санкт-Петербург, его дочь заняла центральное место в его жизни. Если ранее их контакты были менее частыми из-за проживания в разных городах, то теперь она жила вместе с ним. Он поддерживал ее и дальше в подростковом возрасте, когда она поступала в местный колледж, а затем в университет. Информант отметил важность эмоциональной поддержки ребенка. Он стал опорой для дочери в трудные периоды ее взросления:

«Она переехала сюда. Но я помню ее эмоциональное состояние, когда она приехала в Санкт-Петербург. Она, конечно, в раздразе находилась, я это просто чувствовал. Я так просто для себя решил, что тут самое главное – это терпение и любовь, и больше ничего». (№4, 61, Разнорабочий, 2 ребенка)

Относительно агентности детей также важно упомянуть, что они оказывают сильное влияние на важные решения в контексте отцовских биографий. Эти решения могут касаться, например, вопросов жилья, выбора места работы, переезда и даже кардинального изменения жизненного уклада, который предполагает отказ от своей карьеры:

«И для меня вопрос жилья был очень актуален. А поскольку у меня собственного жилья нет, а здесь работодатель предоставляет жилье, поэтому я держался за это место. А сейчас дочь уже выросла, можно сказать, гуляет на своих ногах, поэтому хочу уйти отсюда. Вот так». (№4, 61, Разнорабочий, 2 ребенка)

«Мне пришлось бросить работу там и переехать. Для меня это было достаточно сложно, потому что практически в 40 лет надо было начинать жизнь заново. Там я работал в НИИ и преподавал в университете. Здесь я работал попеременно: в университете, в школах и параллельно тренером по шахматам». (№15, 66, Учитель в школе, 2 ребенка)

Взрослые дети разведенных отцов с рутинной моделью вовлеченности также продолжают общение с родителями и играют роль опоры в свою очередь уже для них. С ними можно советоваться, например, по поводу покупки компьютерной техники или по различным вопросам, связанным с их сферой деятельности. Так один из информантов рассказал о старшем сыне из первого брака, с которым у него сейчас сложились крепкие доверительные отношения. Общение с ним происходит уже на равных, как у взрослого со взрослым. Сын знаком с членами новой семьи информанта и регулярно навещает отца:

«Ну, мы видимся, приезжает к нам в гости. И мы всей семьей вот нормально помогаем друг другу. Поскольку в основном сейчас уже он помогает, когда дело касается, может быть, техники какой-то компьютерной. Ну, он построил, в общем, свою жизнь. У него хорошая семья, хорошая работа. Ну, вот такие отношения. То есть вполне хорошие отношения, такие довольно-таки гармоничные, взрослые». (№10, 60, Специалист продаж, 3 ребенка)

Интересно также затронуть момент установок информантов с рутинной моделью вовлеченности в отношении правильного или хорошего отцовства. Один из информантов отмечает, что для него маркером правильных действий является искренняя радость ребенка во время совместных выездов, а также нежное обращение «папуля» со стороны дочери:

«Я считаю, что я хороший папа, раз мне ребенок искренне улыбается и обнимает, и никогда меня не называет папа, а называет «папуля». Ну вот это мне многое говорит...» (№13, 37, Помощник руководителя АХО, 2 ребенка)

«Мы предпочитаем куда-то вырваться, ну, чего-то поделать, где-то погулять. Вот недавно мы ездили в город Рязань, на конный завод съездили там, где коней выращивают. Она была очень в восторге. Как столько коней? Они ели у нее с рук. Она была шестнадцатилетняя девочка, но в таком восторге, что просто... А детская радость это для родителей это самое-самое главное!» (№13, 37, Помощник руководителя АХО, 2 ребенка)

Еще несколько информантов определяют хорошее отцовство через возможности, которые предоставляются ребенку для развития. Если у ребенка есть возможность в процессе взросления найти себя, выбрать свое призвание, значит в отношении реализации отцовства все было сделано верно. Также отец ответственен за привитие ребенку норм морали и нравственности. Он на своем примере должен показать детям, как жить правильно:

«Вот я считаю, что задача отца – сделать ребенка гармоничнее, дать основы морали и нравственности и помочь найти себя, чтобы не ходить потом на нелюбимую работу, чтобы выбрал одну свою сферу деятельности. Обеспечить и сделать все для того, чтобы человек искал себя и нашел себя. Вот в чем задача отца». (№10, 60, Специалист продаж, 3 ребенка)

«Ну я говорю, воспитание, оно уже получается, как бы на своем примере. Допустим, ты не воруеть ни у кого никогда, то все равно дети, они очень большой шанс, что и твои дети не будут воровать. Вот как пример. Но какие-то выработать у них эти нравственно-этические нормы, которые нельзя переступить». (№4, 61, Разнорабочий, 2 ребенка)

Также в одном из нарративов встретилась такая позиция, что отец обязан предоставить ребенку не только материальную, но и эмоциональную поддержку. Это указывает на совмещение отцовских ролей добытчика и заботливого наставника, который может и выслушать, и поддержать ребенка [Авдеева, 2012, с.95-96]:

«Наверное, чтобы ребенку было хорошо, чтобы он ни в чем не нуждался, в том числе и не только в материальном плане, но и в эмоциональном, то есть в общении». (№7, 33, DevOps Lead (IT), 1 ребенок)

В заключение анализа места ребенка для отцов с рутинной моделью вовлеченности также хочется отметить слова одного из информантов о сути отцовско-детских взаимоотношений. Мужчина определил их через «погружение в ребенка». Чтобы выстроить доверительные отношения с ребенком, необходимо научиться смотреть на мир с его позиции, прислушиваться к нему и быть очень чутким родителем:

«Вот совмещать с удаленной работой было тяжело, потому что ребенок маленький требует погружения в себя... <...> В общем, чтобы вместе с ребенком сосуществовать, нужно приблизиться к его состоянию. Иначе это

сплошной конфликт. А если ты как-то иначе пытаешься смотреть на мир его глазами, приближенно к его взгляду, тогда вот можно...» (№12, 47, Репетитор английского, 1 ребенок)

Далее переходим к рассмотрению места ребенка в контексте модели фрагментарной вовлеченности. Здесь ребенок упоминается в ряде ключевых нарративов (о разводе, работе, предыдущем браке, досуге). Он выступает в роли одного из участников жизни отца и, как и в предыдущей модели, продолжает выступать значимой фигурой для отцовской жизни. Однако, взаимодействие с ним ограничено по тем или иным обстоятельствам.

Происходит лишь частичное пересечение жизней отца и ребенка. У отца присутствует своя, отдельная от ребенка жизнь, в которой ребенок не принимает участия (новый брак, новые отношения, работа, хобби), и которой отец уделяет не меньше внимания, чем ребенку. Инвестиции в отношения с ребенком ограничиваются зачастую регулярными ежемесячными алиментами и тратами во время личных встреч с ребенком.

Для информантов с фрагментарной отцовской вовлеченностью важна надежда на то, что в будущем, когда ребенок повзрослеет, с ним удастся выстроить более тесные дружеские взаимоотношения. Это происходит потому, что в силу определенных обстоятельств отец не может видеться с ребенком чаще, чем пару раз в неделю в выделенное ему время. Взросление ребенка воспринимается как шанс выстроить равные отношения с более независимым человеком, чем в текущий момент, когда ребенок еще маленький и во многом опирается на мнение мамы:

«Знаешь, я, наверное, просто сейчас как бы жду, когда ребенок станет постарше. Когда там он уже сможет какие-то решения принимать. Ну точнее, когда он уже не будет завязан на родителях, когда ему будет 16-18 лет. И тогда я думаю, что... Я в его жизни, конечно, буду принимать участие

определенное. Определенно, я хочу ему помогать. И вообще я хочу с ним, чтобы у меня были дружеские отношения в течение всей нашей жизни, чтобы он ко мне мог по любому вопросу прийти и спросить какой то совет, а я ему по-честному постараюсь ответить». (№1, 40, Project manager (IT), 1 ребенок)

Также информант делится своим пониманием заботы. Для него это обеспечение физической безопасности ребенка и внимание к его проблемам. Важно, чтобы ребенок всегда мог положиться на отца и прийти к нему за советом:

«Вот-вот эта забота, ну, это она где-то тут пересекается с каким-то обеспечением безопасности и опекой. Вот, может быть, я как бы путаюсь в этих терминах. Ну, по мне вот забота коротко так. Если человек захочет, чтобы он не боялся к тебе обратиться в любой ситуации. Вот это, наверное, забота. А может, это доверие?». (№1, 40, Project manager (IT), 1 ребенок)

Похожее понимание заботы встречается у другого информанта. Он считает, что забота отца после развода заключается в том, чтобы быть альтернативой по отношению к матери и ее родственникам. Несмотря, что ребенок с мамой, важно, чтобы он понимал, что отец может решить его проблемы, тоже выполнять все обязанности родителя, как и в полноценной семье:

«Для меня лично задача, что я должен быть альтернативой. То есть фактически несмотря на то, что ребенок живет с мамой, я должен ассоциироваться в глазах у ребенка как кто-то, к кому можно спокойно прийти домой и, например, остаться. Или что я могу прийти и решить проблему. То есть ко мне можно всегда явиться, а второй номер телефона я не забуду». (№5, 24, Тестировщик (IT), 2 ребенка)

Еще одно понимание заботы у отцов с фрагментарной моделью вовлеченности заключается в том, чтобы минимизировать различные стрессовые

факторы в жизни ребенка. Отец должен построить отношения с ребенком, в которых нет места насилию ни в какой форме. Задача отца – пытаться помочь ребенку в реализации его потенциала, а не в том, чтобы переделать его под себя и свои представления о жизни:

«Забота о ребенке? Ну, во-первых, наверное, не создавать каких-то стрессовых ситуаций, лично от меня чтобы исходило... Ну чтобы, понятное дело никакого насилия, ни физического, ни умственного, ни морального. Но это первое, что должно быть. Это просто само собой разумеющееся. Ну а забота это... Ну, не знаю, это как дружба такая, только с такой любовью к ребенку. То есть пытаться понять, что ему нравится, пытаться не указывать, что делать, а как-то направлять, смотреть, какие-то сильные стороны, пытаться побольше интереса вызывать в этих вещах. То есть, наверное, что-то такое... Управление потоком. Стараться не переправлять русло этого потока огромного, а пытаться... немножко тут подкопал, немножко там подкопал, и как-то оно все потекло. Вот, мне кажется, в этом забота и есть». (№3, 34, Научный сотрудник, к. физ. н., 1 ребенок)

Поскольку ребенок продолжает играть роль важной фигуры для отцов с фрагментарной моделью вовлеченности, то отношения с новыми партнерами, которые не готовы проявлять заботу о ребенке и не хотят с ним знакомиться, становится весьма затруднительным. Отец готов пожертвовать отношениями с новой партнеркой ради сохранения своей вовлеченности в заботу о сыне. Ревность по отношению к ребенку является препятствием для построения отношений с новой девушкой:

«Да, ему я говорил периодически, что, ну, как бы ее имя там говорил, говорил, что она моя девушка. Но там ситуация с девушкой... Возможно, она скоро станет бывшей девушкой, потому что она немножко ревнует как раз таки к ребенку. Меня эта ситуация категорически не устраивает. Ну и я бы с

удовольствием его познакомил с девушкой со своей, но она сама не проявляет никакого желания». (№3, 34, Научный сотрудник, к. физ. н., 1 ребенок)

Тот же информант поделился, что на данный момент находится в процессе переосмысления своих практик заботы во время встреч с ребенком. Он считает, что зря уделяет время рутинным делам по дому во время их встреч. Ему хочется больше времени посвящать непосредственно развлечениям с сыном, совместным мероприятиям, путешествиям. Отец чувствует, что времени, выделенного на него у ребенка, слишком мало, поэтому необходимо прожить его максимально ярко для них обоих:

«Слушай, я вот сейчас очень в большом ступоре каком-то. И сам думаю, что сейчас творю ерунду какую-то. Надо как бы по-другому относиться ко времени с ребенком. То есть времени стало мало, а я его растрачиваю. как будто точно так же, когда его было много. Ну то есть, я могу там какие-то свои домашние дела делать, а он там чем то своим занят. Но сейчас я в очень большой такой перестройке, наверное, собственных ценностей в этом плане, в плане ценности проведенного с сыном времени». (№3, 34, Научный сотрудник, к. физ. н., 1 ребенок)

Один из информантов с фрагментарной моделью вовлеченности решил, что ради ребенка должен преодолеть свое депрессивное состояние после развода и не поддаваться алкогольной зависимости. Ради дочери он переборол внутри себя обиду на измену бывшей жены и выстроил новые взаимоотношения с членами семьи после развода, которые позволили сохранить ему контакт с дочерью:

«Да да, да. Ну, я поясню немножко, что что там случилось, чтобы понятно было. Ну, там ситуация была самая банальная. Я там работал водолазом, по полгода в море пропадал. Ну, скажем так, девушка нашла себе другого. И, конечно, это уязвленное мужское самолюбие, оно, конечно, терзало

сильно. Просто я в какой то момент понял, что если я не сумею преодолеть свою обиду, то эта обида, она сожрет меня изнутри, и могу пострадать не только я, но и дочь. Поэтому я понял, что если эту обиду не преодолею, то закончится очень все или какой-нибудь болезнью, или аварией, или там, алкоголизмом и так далее». (№4, 61, Разнорабочий, 2 ребенка)

Интересен также момент относительно статуса отцов после развода в РФ, который отмечали несколько информантов с фрагментарной моделью вовлеченности. Это ситуация родительского бесправия отцов. Подчеркивается, что суды склонны быть на стороне матери ребенка после развода и давать право основного опекуна над детьми именно ей. Эта практика также поддерживается внутри российского общества:

«У меня просто эта мысль была, я хотел ее донести... Что мужчины у нас в России, они бесправны. В каком отношении? Что никакой наш суд, если женщина, конечно, не наркоманит и не пьет, то никаких шансов у мужчины взять себе детей нету. В этом отношении мужчины в России бесправны просто. И женщины, конечно, этим пользуются. Потому что, ну я общался со знакомыми тоже, которые сталкивались, да? И говорю, у нас в России мужики в этом отношении бесправны. Суд всегда отдаст детей женщине, потому что какая-то даже установка в обществе есть, что мужчины не могут любить детей так же сильно, как женщины». (№4, 61, Разнорабочий, 2 ребенка)

В плане места ребенка отцы с фрагментарной моделью вовлеченности отмечают также, что после развода начали ценить отношения с детьми намного больше. Информанты свидетельствуют о том, что только потеря прежних отношений с ребенком может заставить ценить человека то, что он имел раньше:

«Может быть, просто я стал ценить их больше и, наверное, даже отношений «Я и сын» стало больше. Просто они стали более взрослыми. Ну, скажем так, да... Просто с сыном мы больше сблизились, наверное. Не то, что

он отдалился от мамы и приблизился ко мне, просто наши отношения стали вот такими полноценно взрослыми». (№6, 49, Специалист продаж, 2 ребенка)

«Ну что, опять-таки самое главное, я говорю, это надо ценить все отношения друг с другом и с детьми. Пословица, как говорится: «что имеем, не храним, потерявши, плачем», да? Психология людей не меняется. Ну, это приходит с опытом. Вот, кстати, действительно не потеряешь, замечать не будешь. Ну да, да. Когда ты не почувствуешь горечь утраты, то и не будет ценности. Вот через это, получается, тоже надо пройти». (№8, 47, Рабочий на стройке, 1 ребенок)

Для сохранения учебного графика ребенка один из информантов договорился с бывшей женой, что он будет «субботним папой». Он забирает к себе дочь в субботу, чтобы в воскресенье она спокойно могла отдохнуть, выспаться и подготовиться с мамой к школе:

«Ну, она настояла, да. Потому что каждая встреча ее будоражит, и она долго не может успокоиться именно после. Ну, допустим, в рабочие дни тоже не очень удобно, действительно, потому что у нее уроки. Она потом плохо встает в школу, возбуждается и потом на следующий день ей тяжело собираться. Поэтому мы решили пусть это будет субботний день. Так что, я субботний папа!» (№8, 47, Рабочий на стройке, 1 ребенок)

Модель фрагментарной вовлеченности формируется также под воздействием увеличения территориальной дистанции между отцом и ребенком. Так, после переезда дочери с матерью на другой конец города, информант стал намного меньше вовлекаться в ее учебную активность, и его присутствие на родительских собраниях заметно снизилось:

«Изначально я ходил к дочери на родительские собрания, был знаком с ее классным руководителем здесь, в местной школе. А потом моя бывшая жена

переехала в дом, где живет ее новый молодой человек и перевела ребенка в другую школу на север города». (№7, 33, DevOps Lead (IT), 1 ребенок)

Информанты с фрагментарной моделью вовлеченности также отмечают, что чувствуют ограничение коммуникации с ребенком. Как его следствие, у них возникает «ощущение недореализованности», личной неполноценности в отношениях с ребенком:

«Соответственно, сейчас я ни в какой совместный быт не вовлечен, поэтому возможности проявить заботу ограничены у меня какими-то встречами такими вот с ребенком. В принципе, можно сказать, что есть ощущение какой-то недореализованности, что я как бы недодаю... Такие ощущения присутствуют. Ну в плане общения...» (№12, 47, Репетитор английского, 1 ребенок)

Тем не менее, несмотря на эти переживания, информанты отмечают также, что важен баланс в отношениях с ребенком. Не следует делать из детей смысл жизни. В процессе их воспитания необходимо помнить о себе, прежде всего ориентироваться на свои ощущения, а потом уже прислушиваться к ребенку:

«Ну, просто люди создали из детей какой-то смысл жизни. Для себя уже, допустим, к 25 годам, нужно какие-то другие смыслы искать. Многие находят это в работе, еще в чем-то. Не надо делать из детей кукла, поклоняться им, потому что надо себя тоже не забывать. Поэтому надо также саморазвиваться, самосовершенствоваться». (№10, 60, Специалист продаж, 3 ребенка)

Далее перейдем к рассмотрению места ребенка в модели отцовства с элементами вовлеченности. Фигура ребенка практически никогда не упоминается в нарративах о разводе. В основном в них присутствует проблематика отношений с бывшей женой и ее родителями. Ребенок выступает

объектом отцовской заботы, но она существенно ограничена материнским гейткипингом [Безрукова, Самойлова, 2020, с.485].

Попытки повлиять на жизнь ребенка точечные. Желание отца вовлекаться больше в заботу о ребенке ограничено запретами и ограничениями со стороны матери и ее родственников. Для информантов характерно чувство вины из-за недостаточного контакта с детьми. Дети, в свою очередь, более эмоционально дистанцированы от отца, поскольку находятся под сильным влиянием материнских установок против отца. Поэтому чаще всего отцы с ярко выраженной моделью с элементами вовлеченности выражают заботу опосредованно – через деньги на ребенка и подарки во время редких встреч.

Один из информантов, чья ситуация после развода во многом соответствует модели отцовства с элементами вовлеченности, признает, что некоторое время после развода абсолютно не участвовал в жизни ребенка и жены из-за депрессии. Он дистанцировался не только эмоционально, но и территориально, уехав из России в путешествие:

«Надо отдельно сказать, что был негативный момент как бы с моей стороны, уже после развода у меня, ну, произошла такая личная, скажем так, какая-то неустроенность в жизни, отсутствие самореализации. Это повлекло депрессию. И я более чем на год, в общем то, уехал в принципе, из Питера, и можно сказать, и из России тоже. Возвращался, уезжал. Но в Петербурге меня практически не было». (№14, 38, Юнгианский психоаналитик, 1 ребенок)

Информант отметил, что он испытывал чувство вины за произошедшее, но из-за очень маленького возраста ребенка не понимал, как поддерживать с ним контакт удаленно. Связаться с ребенком по видеосвязи было на тот момент уже невозможно:

«Я вот здесь на самом деле больше всего как раз я и переживал, и страдал по поводу того, что, ну, как будто бы моя отцовская функция, она здесь не

выполняется. И словно бы я по отношению к своему ребенку веду себя здесь подло». (№14, 38, Юнгианский психоаналитик, 1 ребенок)

Свою поездку информант устроил для того, чтобы прервать отношения с бывшей женой после измены. Тем не менее, он маркирует ее в своем нарративе как «разрыв с сыном», своеобразное предательство ребенка, которое вызывает сильнейшее чувство вины. Все равно, после возвращения, информант оказался в той же ситуации проблемных отношений с бывшей женой, которую пришлось решать самостоятельно:

«То есть первая поездка вообще и разрыв вообще такой, как бы. Именно я бы его назвал «разрывом с сыном», потому что это не воспринимаю как разрыв с ней. Вот он произошел именно вот здесь в 15 м году. У меня в Индии жил друг, он как раз много практиковал разные духовные практики, и вот водил разные його-туры. И это позволило мне достаточно за короткое время принять решение на такой далекий отъезд без обратного билета... Я уехал больше, чем на полгода туда. Там какая-то отдельная жизнь прямо была. Но, вернувшись, в общем то, я столкнулся внутри себя со всеми теми же чувствами, переживаниями и болью». (№14, 38, Юнгианский психоаналитик, 1 ребенок)

Основной своей задачей после частичного возвращения в жизнь ребенка, который теперь живет с родственниками бывшей жены, информант видит в том, чтобы транслировать сыну, что у него есть отец, а также спонсировать его увлечения, походы на секции (футбол, курсы программирования, занятия сноубордом). То есть, его воздействие на судьбу ребенка не прямое, а косвенное – посредством денег, которые выдаются родителям матери ребенка и посредством совместных практик досуга, которые редко удается организовывать:

«Я думаю, что есть какой-то мой личный, но общий все-таки об этом ответ... Забота о ребенке – это понимание, его ощущения, что ты у него есть.

Я думаю, это самое ценное... Если отвечать чуть более широко, забота о ребенке – это давать ему развиваться в абсолютно любых и очень разных направлениях, которые он открывает для себя. Ну, вот как здесь с футболом, как с программированием, как с учебой, как с чем угодно: с велосипедами, коньками. Вот я его возил на гору в прошлом году в попытке поставить на сноуборд. Вот собирались еще в этом году тоже поехать на лыжах покататься». (№14, 38, Юнгианский психоаналитик, 1 ребенок)

Еще один кейс отцовской модели с элементами вовлеченности связан с территориальной \ географической удаленностью детей от отца после развода. Несколько информантов подтвердили, что проживание в разных городах с ребенком после развода из-за миграции ребенка с матерью является одним из самых больших и сложных препятствий для выстраивания отношений с ребенком после развода. Еще одним препятствием являлось вступление ребенка в подростковый возраст и, как следствие, изменение привычек, увлечений и отдаление от отца. После переезда стало затруднительно оказывать влияние на планирование жизни ребенка:

«Созванивались часто, но гораздо реже, чем, наверное, мне бы хотелось. Но опять же, как я уже сказал, в силу возраста, то есть не то, что именно со мной, да, это скорее взаимодействие с обоими родителями... Просто как бы ее переезд в Москву, он как бы, на мой взгляд, негативно сказался на определенных вещах. Просто здесь она занималась музыкой, училась в школе для одаренных детей. А переезд в Москву, соответственно, поставил ну как бы крест на всем... После переезда она не захотела больше заниматься так, чтобы музыка была важной частью ее жизни. Музыка осталась, но больше в таком факультативном формате...» (№6, 49, Специалист продаж, 2 ребенка)

Информант отмечает, что большую часть просьб со стороны дочери после развода и переезда занимают вопросы финансового характера. Она обращается к отцу только за деньгами, хотя иногда пытается маскировать это за повседневным

общением. С сыном, наоборот, общение немного улучшилось, хотя тоже стало очень редким. Сын стал более серьезно поддерживать религиозные взгляды отца, более осмысленно относиться к отношениям с ним:

«У дочки 90% это финансовые просьбы, так или иначе. «Папа, как дела? Слушай, можешь денежку бросить?» Никогда не скажет, что «я к тебе за советом...» Ну с сыном по-другому. У нас достаточно близко по духу. Дочка у нас уже от церкви стала отдаляться, а сын, наоборот. Ну не то, чтобы он стал приближаться, просто восприятие Евангелия стало более осмысленным. Ну вот». (№6, 49, Специалист продаж, 2 ребенка)

Информант поделился своим желанием больше влияния оказывать на детей напрямую, а не через деньги, которые он им дает. Он хочет быть более вовлеченным в заботу о детях, но из-за их переезда в Москву не может этого сделать:

«Как я понимаю, это просто, ну, в общем и целом быть надежным другом. Быть вовлеченным, не сторонним наблюдателем жизни детей, а вовлеченным. Но вот. Ну и часть того, что мы уже обсуждали по поводу безусловной любви, это тоже важная часть отцовства. Вот, я думаю, что отцовство в моем понимании – это взаимодействовать с детьми, чтобы влиять на их жизнь. То есть именно влиять на их жизнь, а не просто что-то получать от отца». (№6, 49, Специалист продаж, 2 ребенка)

Еще один информант с отцовской моделью с элементами вовлеченности отметил, что чем младше ребенок, тем сильнее его привязанность к матери и меньше привязанность к отцу. На примере двух своих сыновей он проследил эту закономерность. Отношения с детьми выравниваются с течением времени после развода:

«Ну, старший жил уже отдельно. Он там жил с девушкой. Младший, естественно, остался с матерью, потому что в этом возрасте еще мать

важнее. Он был больше привязан к матери. Старший более привязан ко мне. <...> Когда младший повзрослел, стали уже складываться нормальные отношения». (№15, 66, Учитель в школе, 2 ребенка)

Примечательно, что для информанта была важна также забота со стороны детей, когда они повзрослели. Он отметил, что дети навещали его неоднократно в больницах после сложнейших операций, выхаживали его и проводили с ним время:

«Когда я в больнице лежал, он сюда приезжал. Когда я еще на ноги вставать не мог. Ну они оба вместе ухаживали, но старший больше. Когда стало полегче, присоединился младший тоже. Ну не периодически, а постоянно... Ну, когда были операции, связанные с трепанацией черепа, удалением тромбов и прочее. Ну а в последний год, когда я лежал в больнице с ковидом, они не приходили, потому что был ковид. Туда, естественно, не пускали. Когда надо было в больницу в Сестрорецк на обследования ездить, младший все дела отменял и меня сопровождал, потому что со мной надо было ездить...» (№15, 66, Учитель в школе, 2 ребенка)

Свое участие в жизни детей информант видит только в возможности делиться личным опытом и раздаче советов. Дети повзрослели и разъехались, поэтому он не знает, как еще может вовлекаться в их жизнь:

«Мне бы хотелось в первую очередь, чтобы у них все было хорошо. И в плане работы, и в плане семейной жизни. То есть. Ну а чем я здесь могу помочь? Советом. Все, пожалуй. Тем более, что жизнь за последнее 10-летия, она изменилась достаточно сильно. Я же все-таки воспитывался в другом обществе, скажем так. Вот. Ну, может быть, к каким-то советам они прислушаются, к каким-то наверняка нет. Передача жизненного опыта? Черт его знает... Тоже может быть. На самом деле, человек проживает свою

жизнь. И каждый человек, даже зная все заранее, совершает свои ошибки».
(№15, 66, Учитель в школе, 2 ребенка)

Похожая позиция относительно заботы о детях присутствует еще у еще одного информанта с отцовской моделью с элементами вовлеченности. Он считает, что главное – это осознание ничтожности своей роли в жизни детей и смирения с этим фактом. Дети вырастают вне зависимости от того, кто сколько усилий вкладывает в их развитие. В итоге формируются совершенно уникальные личности. Развитие детей непредсказуемо и на него почти нереально повлиять. Это довольно фаталистичный взгляд на отношения с детьми, который формируется также в контексте модели отцовства с элементами вовлеченности:

«Сейчас понятно, что вы спрашиваете про опыт отцовства у человека, у которого дети уже взрослые. Мой опыт состоит в смирении, в понимании того, какое скромное место ты занимаешь на этой земле. Потому что для нас самих мы являемся центром вселенной. А когда ты на своих детях видишь, что вот непонятно из чего, из какого-то такого слабого ребенка вдруг на рубеже, там от 15 до 20 лет появляется самостоятельный человек, который на тебя совершенно не похож, у которого свой характер, свои таланты, свои способности, своя жизненная позиция, то, ты понимаешь, что сам не так уж и важен на этой земле». (№9, 53, Сварщик, 2 ребенка)

Еще один кейс также связан с территориальной дистанцией ребенка и отца, вызванной переездом в другой город с матерью после развода. Информант отмечает, что его отношения с дочерью стали более холодными. Если дочь изначально была больше расположена к матери, поскольку в основном только она занималась воспитанием ребенка, то после переезда и развода отношения с ребенком стали еще более эмоционально дистанцированными. Он большую часть времени был на работе, в командировках и уделял дочери недостаточно внимания:

«Нет, они какое-то время жили в Петербурге в одном доме с новым мужчиной. Потом она переехала в отдельную квартиру с дочкой они проживали отдельно. Сейчас они проживают в Мурманске. <...> Даже во время брака дочка все-таки больше тяготела к маме всегда, потому что она проводила в принципе больше времени с ней, то есть круглосуточно проводила. А у меня была работа, я был в командировках. Потом, когда наше общение стало реже, отношения с дочкой стали более холодными за счет того, что она меня меньше видит и за счет того, что в принципе получается, что я в ее жизни не так активно участвую». (№11, 37, Завхоз, 3 ребенка)

Информант отчасти компенсирует нехватку общения с ребенком в формате эпизодических звонков по видеосвязи, голосовых и текстовых сообщений в мессенджерах и соцсетях. На момент интервью они созванивались с дочерью около трех раз за три месяца. Лично они в этот период не виделись. Информант отметил возникновение трудностей в процессе удаленной коммуникации с ребенком, потому что невозможно почувствовать физически присутствие родного человека:

«В общем-то, по телефону довольно сложно общаться, какие-то точки соприкосновения находить. Гораздо проще физически встретиться, пойти куда-то погулять, пообщаться, поиграть вместе. По телефону все это немножко не так. И сейчас, в сентябре получается дочь уехала в Мурманск. С сентября лично мы не виделись, только так по видеосвязи созванивались. В основном общаемся сообщениями, голосовыми, либо текстовыми. Иногда по видеосвязи созваниваемся. С сентября мы уже два-три раза созванивались по видеосвязи». (№11, 37, Завхоз, 3 ребенка)

Еще один информант с выраженной моделью отцовства с элементами вовлеченности отметил трудности в общении с младшим ребенком. Ребенок уже взрослый, он не поддерживает предложения отца относительно совместных посещений музеев, поскольку ему такой формат досуга не интересен. Любые

попытки разговора со стороны отца на этот счет только увеличивали дистанцию между ним и сыном. Сейчас они практически не общаются:

«С младшим мы практически не общаемся. У нас не было как таковых ссор. Но я когда зову его на какой-нибудь культпоход по музеям, он обычно вежливо, так скажем, отказывается. Говорит, что ему некогда, еще чего-нибудь такое. Ну и как бы всем своим видом показывая, что ему неинтересен наш досуг. Вот то, что я ему пытался там 2-3 раза за эти годы, немножко с ним какие-то такие серьезные беседы вести, вправить мозги... Ему это, очевидно, было неприятно и тоже это какую-то дистанцию между нами создало». (№9, 53, Сварщик, 2 ребенка)

Таким образом, в данном параграфе было проанализировано дискурсивное место ребенка в отцовских нарративах после развода в свете трех моделей отцовской вовлеченности. Относительно модели рутинной вовлеченности можно сказать, что она предполагает максимальный уровень взаимопроникновения жизней отца и ребенка. Отцы с данной моделью вовлеченности больше всего усилий тратят на выстраивание крепких отношений не только с самим ребенком, который является центральной фигурой в их жизни, но и с матерью ребенка и ее родственниками.

Отцам с фрагментарной моделью вовлеченности более свойственен определенный уровень дистанции с ребенком. Происходит лишь частичное пересечение жизней отца и ребенка. Ребенок продолжает играть роль одной из главных значимых фигур в жизни отца, но помимо него возникают другие аспекты жизни, которым уделяется не меньше внимания, чем ребенку. Здесь вовлеченность отца носит регулярный, но ограниченный характер либо из-за материнского гейткипинга, либо из-за обстоятельств в жизни отца, которые не дают ему быть более вовлеченным в жизнь ребенка (работа, отношения, новая семья, хобби, отсутствие должной мотивации).

Последняя модель вовлеченности – модель отцовства с элементами вовлеченности – это самая разобщенная и слабая в плане отцовско-детских взаимоотношений модель. Вовлеченность отца носит спорадический, нерегулярный характер. Его воздействие на жизнь ребенка минимально. Вместе с тем для отцов с данной моделью вовлеченности нередко свойственно чувство вины за недостаточное общение с ребенком. Отцы пытаются компенсировать его при помощи спонсирования интересов ребенка, выплаты алиментов и покупки подарков ребенку во время редких личных встреч.

В следующем параграфе будут рассмотрены основные сценарии выстраивания взаимоотношений с родственниками ребенка в контексте трех моделей отцовской вовлеченности.

3.3. Отцовские стратегии выстраивания отношений с родственниками ребенка после развода

Стратегии отцовских взаимоотношений с бывшими супругами и их родственниками определяются различными аспектами. Феномен родительского гейткипинга – это скорее следствие, а не причина формирования взаимоотношений между отцом и матерью ребенка после развода [Безрукова, Самойлова, 2020, с.485]. Это реакция со стороны матери ребенка на действия или их отсутствие со стороны отца. Важно учесть такие составляющие как влияние родственников, ближайшего окружения, статусная позиция отца, обладание определенным набором экономических, временных и психологических ресурсов.

Во многом на ситуацию взаимоотношений с ребенком после развода влияет, насколько мужчина готов вовлекаться в отношения с матерью и ее родственниками, поскольку в большинстве случаев именно от этих людей зависит решение основных вопросов, связанных с жизнью ребенка. На формирование отношений оказывает влияние контекст отношений бывших

супругов до развода, их способности договариваться, находить компромиссы, выстраивать новые модели взаимодействия после развода.

Дальнейший анализ стратегий выстраивания отцовских взаимоотношений будет выстроен в логике сравнения элементов нарративов в контексте трех моделей постразводного отцовства, которые были обозначены в начале главы (рутинная вовлеченность, фрагментарная вовлеченность, отцовство с элементами вовлеченности). Следует учитывать, что это разделение условное, поскольку у информантов могли сочетаться паттерны, которые можно аналитически отнести к разным моделям постразводного отцовства.

Прежде всего обратимся к стратегиям взаимоотношений, которые характерны для модели рутинной вовлеченности. Здесь следует упомянуть, что отцы с данным типом вовлеченности прилагают больше всего усилий со своей стороны, чтобы выстраивать доверительные тесные контакты со старшими родственниками бывшей жены. Они готовы подстраиваться под их нужды, расписание, жертвовать своей работой, свободным временем и денежными ресурсами, чтобы поддерживать связь с родственниками ребенка и помогать им в случае необходимости. Встречи с родственниками носят характер регулярных.

Со своей стороны родственники бывшей жены никак не препятствуют взаимодействию отца с ребенком, всячески поощряют их встречи. У отцов с данной моделью вовлеченности высокий кредит доверия со стороны матери ребенка и ее родственников, который позволяет отцам быть максимально свободными в планировании своих встреч с ребенком.

Условно можно обозначить стратегию отцов с рутинной моделью вовлеченности по взаимодействию с женой и ее родственниками как «свой человек». Эта стратегия характерна тем, что отец признает мать и ее родственников как близких себе людей, важных участников его жизни, с

которыми необходимо поддерживать прочные дружеские отношения. Некоторым информантам удалось выстроить такие отношения:

«Ну, собственно, с ее родителями, как бы все нормально. Я иногда звоню, мне иногда звонят. Мы общались как бы... Ну с моими родителями... Мои родители всегда за, чтобы она звонила, приезжала в любое время. Ну, для меня и для них это не посторонний человек, а все-таки тот человек, с которым у нас совместный ребенок. Любая помощь, любые разговоры, любая, ну, все, что надо... Ну она для нас как бы не чужая, она была не чужая и остается не чужой». (№13, 37, Помощник руководителя АХО, 2 ребенка)

«Нет, мы видимся, мы общаемся, у нас нормальные отношения, у нас нормальные отношения с сыном и его мамой. Мы перезваниваемся при необходимости, помогаем друг другу. У нас совершенно нормальные, абсолютно человеческие, спокойные отношения. Какое-то время они были, скажем так, на грани, но время поставило все на место». (№16, 61, Тренер айкидо, 5 детей)

С женой существуют взаимные договоренности относительно ребенка, что никто из родителей не будет настраивать его после развода друг против друга. Для обоих родителей важно сохранить хороший облик в глазах ребенка, чтобы не подвергать сомнению свой статус как значимых взрослых и сохранять у ребенка ощущение целостности семьи:

«Нет, ни в коем случае дочку ни с моей стороны я как бы не настраиваю против мамы. Я говорю там, делай то, что мама говорит. А также со стороны мамы: она как бы ничего не говорит дочке, что папа плохой или еще что-то. Такого как бы не было». (№13, 37, Помощник руководителя АХО, 2 ребенка)

«Мы как-то с любимой бывшей женой сели, я говорю: «Давай не будем настраивать детей друг против друга». Для меня это казалось важным. А сейчас мы с ней нормально общаемся. Поздравляем друг друга с днем рождения.

Она даже приезжала сюда. Просто дружеские отношения». (№4, 61, Разнорабочий, 2 ребенка)

«Мать – это святое! И я, если я буду говорить своему ребенку, что она плохая, то мне кажется, что скорее ребенок подумает, что я плохой. Ну он все же видит. Поэтому нет, я ни в коем случае ему никогда не скажу, что его мать какая-то нехорошая. И я надеюсь, что и она также обо мне не скажет». (№3, 34, Научный сотрудник, к. физ. н., 1 ребенок)

Фигура матери является очень важной для отцов с рутинной моделью вовлеченности. Они описывают в своих нарративах бывших жен и новых партнерок как уникальных, мудрых, даже гениальных людей, которые многое пережили. Они восхищаются женщинами, которые являются матерями для их детей:

«Она очень умная девочка, она как бы после школы училась в институте. Там была непростая история с квартирой, с бандитами, со всеми делами. 90-е годы как раз это было очень непросто, поэтому она не доучилась, потом пошла работать. Пошла учиться на программиста 1С. И закончила курсы, ее сразу пригласили работать преподавателем на эти же курсы. То есть у нее мозги математические. Она училась три курса в физико-математическом университете. Понятен уровень, да?» (№16, 61, Тренер айкидо, 5 детей)

«Она [новая партнерка] у меня очень грамотная, мудрая женщина, и она очень много сделала для того для того, чтобы моего сына воспитывать. То есть он приезжал к нам, здесь у нас тоже бывал, жил, и в Астрахани тоже. Поэтому многие вещи, которые сын умеет и знает, они появились здесь, скажем так. И за это ей огромное спасибо». (№16, 61, Тренер айкидо, 5 детей)

Мать, в свою очередь, способствует встречам отца с ребенком, поддерживает их контакты, напоминает, что пора организовать новую встречу. Она доверяет отцу, не препятствует общению с ребенком и не контролирует

досконально все действия отца. Отцы все равно уведомляют мать ребенка, куда и когда они едут, чтобы мать не волновалась и была в курсе происходящего с ребенком:

«Она как бы говорит так: «поедешь там, возьми дочку с собой». Наоборот, это нас сближает. Как бы иногда даже звонит, говорит: «Ты давно с дочкой не виделся, приезжай, сходите куда-то погуляйте» <...> Ну, бывшая супруга мне всегда доверяла. И она знает, что когда ребенок со мной, то она за каменной стеной. Я в обиду ее никогда не дам, и не позволю ничего лишнего. Нет такого, что я приглашаю ее куда-то погулять, а она говорит, что мама меня запрещает». (№13, 37, Помощник руководителя АХО, 2 ребенка)

«Нет, нет, она никак не контролировала. Но, естественно, я ее ставил в известность. То есть такого не было, что я ехал, ничего и не сказал, дочку забрал и уехал. Но, естественно, она всегда знала, куда мы идем. То есть, не было такого, что я как-то тайком ее брал с собой, и увозил». (№4, 61, Разнорабочий, 2 ребенка)

Отцы с рутинной моделью вовлеченности склонны к нахождению компромиссных решений с матерями детей. Выплата алиментов может иметь договорной характер по мировому соглашению. Развод проходит мирно, спокойно, без скандалов и лишних эмоций:

«Нет-нет. И у меня никогда не было никаких проблем с женщинами, с финансами или с квартирами. То есть мы всегда умели договариваться. Да и с первой как бы, и со второй женой... С третьей у нас юридически не было как бы общего имущества. Поэтому там вообще об этом разговора не идет». (№16, 61, Тренер айкидо, 5 детей)

«Ну, естественно, у нее такой вопрос возникал. Как, наверное, любая женщина, оказавшись одна, что-то там думать начинает. Ну, например, она спросила: «Типа я подаю на алименты?» А я ей: «Ну, давай сначала договоримся.

Если тебя будет не устраивать положение дел, если я буду злым неплательщиком, ты всегда успеешь пойти в суд и получить эти алименты». Поэтому мы договорились на честном слове. Но в принципе, все договоренности мы соблюдаем». (№3, 34, Научный сотрудник, к. физ. н., 1 ребенок)

Один из информантов с рутинной моделью вовлеченности также отметил, что в случае чего он готов приехать и пожить временно с ребенком, взять на себя обязанности основного родителя. Мать ребенка в это время может отдохнуть, уехать из города по делам. Информант с теплотой вспоминает о времени, когда он брал декретный отпуск по уходу за ребенком:

«Мне было интересно очень, что это, на самом деле такой был хороший промежуток времени. Ну, мне нравилось и нравится с сыном общаться. Конечно, с ребенком сидеть не очень просто. Но мне как-то было проще это на себя принимать и казалось, что ситуация более спокойная, чем вот в первые годы брака, когда я отсутствовал, а она весь день сидела дома с ребенком. И потом приходишь там тоже уставший, и она уставшая, и все как-то не то... Здесь, как мне казалось, все более удачно сложилось». (№12, 47, Репетитор английского, 1 ребенок)

С родственниками бывшей жены у отца складываются также близкие доверительные отношения. Они воспринимаются отцом как родные по крови для его ребенка люди, с которыми необходимо быть в контакте, которым нужно регулярно помогать. Отец периодически встречается со старшими родственниками жены, помогает им по хозяйству, эмоционально поддерживает:

«У меня хорошие отношения с родственниками, и, собственно, старики, которые живут в деревне. Я каждую неделю езжу, помогаю им какие-то продукты, привожу там дрова наколоть, ну, что-то такое банальное по хозяйству сделать. Так что постоянно поддерживаю, чем могу. <...> Просто в любом случае это родственники, уже как ни крути, они по крови, родственники

моих детей. Поэтому мы как бы общаемся действительно очень по-доброму друг с другом». (№2, 34, Программист (IT), 4 ребенка)

«А что касается родителей жены в целом, сохранились отношения, причем даже с тестем очень-очень теплые. До сих пор перезваниваемся, общаемся. Очень хорошие отношения. Но они ко мне всегда хорошо относились, даже несмотря на развод». (№4, 61, Разнорабочий, 2 ребенка)

Старшие родственники со стороны мужа также остаются вовлеченными в заботу о детях после развода. Нередко бабушки со стороны отца или матери становятся одними из самых вовлеченных людей в кругу семьи. Они навещают внуков, проводят с ними время, помогают матери по хозяйству. Периодически старшие родственники, как со стороны мужа, так и со стороны жены помогают сидеть с ребенком, например, забирают его к себе на лето.

«К сожалению, близкие родственники бывшей жены погибли. И бабушка сначала, и потом мама. То есть неприятная ситуация сложилась такая. И как бы она фактически осталась без близких. Ну, сейчас моя мама не прекращает общаться с бывшей женой, забирает ребенка к себе, спокойно там договаривается с ней и как-то тоже пытается помочь, видеться с внуком». (№3, 34, Научный сотрудник, к. физ. н., 1 ребенок)

«Я родителей ставил в курс дела, как развод идет. Но они не вмешивались. То есть я им не разрешаю вмешиваться в свои дела. Они хорошо помогли тем, что к ним можно на лето привезти ребенка». (№7, 33, DevOps Lead (IT), 1 ребенок)

«Пока сын маленький был, моя мама там прямо от моего дома его в музыкальную школу отвозила. Школа была недалеко от дома. Вот. Ну и мама жены тоже его куда-то водила. Ну, в общем. Достаточно активно». (№12, 47, Репетитор английского, 1 ребенок)

Далее перейдем к рассмотрению стратегий по выстраиванию взаимоотношений отцов с фрагментарной моделью вовлеченности с женой и ее старшими родственниками. Здесь необходимо отметить, что в целом выстраиваемые отношения не такие теплые. Они несколько дистанцированные. Взаимодействие с женой и ее родственниками происходит только по поводу ребенка и только в свободное время отца, когда он не занят работой. Встречи с родственниками жены нерегулярные, зачастую только по праздникам, связанным со значимыми событиями в жизни ребенка.

Со стороны жены и ее родственников присутствуют определенные ограничения на встречи отца с ребенком. Для встреч выделяются определенные дни по предварительной договоренности с матерью ребенка или в итоге судебного постановления по разводу. Отношения отца с родственниками жены нейтральные или полуконфликтные. Стратегию отношений можно определить как «общение на дистанции»:

«Да, переживал. Но, с другой стороны, понимал, что вместе жизнь уже совсем плохая. Любой разговор переходил в скандал. Поэтому развод – это как необходимость уже просто была. По обоюдному решению решили расстаться. Ну, ни разу после этого не ругались. На самом деле обычно ну, мы не ругаемся, держим нормальные нейтральные отношения. Так что, в принципе на ребенке психологически это, в общем, не сильно отразилось». (№8, 47, Рабочий на стройке, 1 ребенок)

«Мы поняли, что мы просто разные люди, разные интересы, несовместимые между собой. В нашем случае это было обоюдное согласие, никто никого не бросал. Мы обоюдно согласились, что нам дальше не стоит идти вместе. Вот превращать нашу жизнь в споры. И поэтому каждый пошел своим путем. Расстались и поддерживаем отношения, в общем то, более-менее нормальные. Абсолютно разные люди оказались». (№10, 60, Специалист продаж, 3 ребенка)

Часто причиной развода в случае отцов с фрагментарной моделью вовлеченности являются бытовые разногласия, накопившаяся взаимная усталость. Некоторые информанты упомянули также проблемы в области личной жизни, сексуальную несовместимость:

«Ну, наш брак закончился. Я считаю, что он себя счерпал. Мы и так довольно неплохо, дружно прожили эти 20 с лишним лет. И как раз пацаны у нас выросли уже. Вот и я так понял, что нам больше вместе делать нечего. Что у нас расходятся как бы с женой наши сферы... Имеется в виду не какие-то такие общественные, а чисто бытовые и житейские вещи: это там и сексуальные отношения, и общее хозяйство, и какие-то интересы.» (№9, 53, Сварщик, 2 ребенка)

«Слушай, ну тут, знаешь, мне кажется, у каждого... люди, когда расходятся, у них свои тараканы в голове присутствуют. Одному не нравится сладкий чай, второму не нравится чай без сахара. Скорее всего, бытовое что-то. И, наверное, все-таки, может как-то личная жизнь зашла в тупик...» (№13, 37, Помощник руководителя АХО, 2 ребенка)

Отцы с фрагментарной моделью вовлеченности концентрируются на работе, чтобы в первую очередь обеспечить себя и ребенка, а в свободное время заботятся о детях. Иногда они формируют тандем со своими матерями, которые помогают им успевать со всеми бытовыми обязанностями относительно ребенка, если отец чрезмерно занят на работе. Бабушка со стороны отца может взять на себя готовку и проверку домашних заданий. Особенно часто такая модель отношений встречается у работающих отцов-одиночек:

«Надо больше зарабатывать, потому что как бы у меня практически не было проблемы с этим. В те времена я зарабатывал в любом случае очень неплохо. И там, скажем, я когда в 1990 году стал тренером по айкидо, у меня на первой тренировке было 86 человек... Вот. Ну, при том, что я получал, в

общем то, 25% от сбора денег. То есть, это было несколько тысяч по тем деньгам, по старым советским. То есть я был ОЧЕНЬ состоятельным товарищем». (№16, 61, Тренер айкидо, 5 детей)

«Она очень любила, как и все бабушки своих внуков и все, что могла, все, что могла, она делала. Она вот я говорю, что брала его из школы, делала с ним уроки. Потом, так, как она бывшая учительница русского языка и литературы, она с ним занималась французским языком». Я, честно говоря, не делал с ним уроки. Я же был на работе. Поэтому моя мама его забирала. И после этого прямо из школы они шли домой и делали уроки». (№10, 60, Специалист продаж, 3 ребенка)

Информанты определяют характер отношений с бывшими женами через общую цель – совместное воспитание ребенка после развода. Отношения носят прагматический характер. Единственной мотивацией поддержания отношений с матерью ребенка и ее родственниками является создание необходимых условий для нормального развития ребенка. Ребенок является биографическим проектом не только матери, но и отца:

«Вот я не знаю. Мне кажется, как бы союз такой по выращиванию ребенка он продолжается. Не любовные семейные отношения, а такой чисто прагматичный подход к общему делу». (№3, 34, Научный сотрудник, к. физ. н., 1 ребенок)

«По поводу ребенку мы общаемся. В общем-то, мы все это время общались. Такого, чтобы мы совсем переставали общаться, такого не было. В принципе, все вещи, связанные с ним, обсуждаем». (№12, 47, Репетитор английского, 1 ребенок)

Также примечательно, что отцы с фрагментарной моделью вовлеченности отмечают в своих нарративах, что ответственность за развод несут оба супруга. Они осознают свою причастность к происходящему и свою долю

ответственности за дальнейшее участие в воспитании детей. Развод является следствием действий с двух сторон:

«Ну, я думаю сейчас, что брак, ну, семью создают два человека и разрушают ее тоже два человека. То есть были, сейчас я понимаю, по прошествии времени, что я и моя любимая бывшая жена, мы совершали определенные ошибки. То есть, я с себя не снимаю долю ответственности. И в конечном итоге это привело, в общем к такому расколу. Самое главное – это осознать, что в том, что произошло, есть и часть моей вины». (№4, 61, Разнорабочий, 2 ребенка)

Отцы с фрагментарной моделью вовлеченности выстраивают дистанцированные отношения с родственниками матери ребенка. Встречи с ними происходят достаточно редко, и они иницируются только в случае вопросов, связанных непосредственно с ребенком. Поводом для совместных встреч могут быть памятные даты в жизни ребенка, вокруг которого собираются все родственники (дни рождения, выпускные, свадьбы и другие праздники):

«Нет, нет, общаемся по необходимости, когда возникают какие-то вопросы. Вот была свадьба, допустим, там еще какие-то такие дни рождения у кого-то, на праздниках у сына тоже собираемся. То есть, по необходимости общаемся, встречаемся. Вот активно общаемся только по необходимости». (№10, 60, Специалист продаж, 3 ребенка)

У некоторых информантов возникали ситуации гейткипинга со стороны старших родственников матери ребенка. Родители объединялись вокруг своих детей и возникали две группы, противопоставляемые друг другу в отцовских нарративах. Так, один из информантов периодически проводил сравнения родителей со своей стороны и родителей со стороны жены. При чем родственники со стороны жены маркировались информантом как

неприспособленные к жизни, неопытные в отношении поиска работы и живущие за счет других люди:

«С родственниками проблема была, на мой взгляд... У нее мама с папой – они не работают, при этом они непенсионного возраста. Они привыкли, что она часть своей зарплаты им всегда отдавала. А моя мама работает, все время работала, продолжает работать и вообще свою жизнь без работы не представляет, потому что ей скучно сидеть дома. <...> А там родители они почти никуда не ходят, у них нет друзей никаких практически. У моей мамы противоположное. У нее куча друзей, ну работа, естественно. У меня картинка такая, что там они ничего не делали, жена их поддерживала, а моя мама и работает и все делает и нам помогать старается. С ее стороны родители каких-то таких движений не делали». (№1, 40, Project manager (IT), 1 ребенок)

Также информант упомянул, что высказывания родителей могли иметь большое воздействие на мать ребенка, поскольку и он, и жена продолжили жить вместе с родителями. Он подозревает, что советы родственников могли настроить бывшую жену против него и довести их брак до развода. Главной проблемой и причиной развода он определяет такую «системную ошибку» как отсутствие сепарации от старших родственников. На его взгляд, если бы они оба съехали от родителей, исход отношений был бы иным:

«Возможно, это какая-то системная ошибка своего рода была. Ну в плане того, что в какой-то момент стоило сложить там деньги в одну кучу, арендовать квартиру и жить в ней самостоятельно. Когда ты живешь с кем-то, вот эти кто-то обычно влияют на твои семейные отношения. Потому что они вроде как бы дают советы вроде как ненавязчиво, что-то там рекомендуют. Из-за этого возникают какие-то дополнительные конфликты, которых возможно бы и не было, живи мы отдельно от родителей». (№1, 40, Project manager (IT), 1 ребенок)

Проблемные отношения с тещей также сильно влияют на крепкость брака. Один из информантов приводит пример своей тещи со стороны третьей жены, которая довела их с женой до развода своими манипуляциями. Теща хотела, чтобы отец отдавал ей все свои деньги, с чем он был категорически не согласен. Так что отношения отца с матерью жены разрушили брак:

«Ну а с третьей мы разошлись, потому что ее мать целенаправленно вела работу все годы, чтобы нам не дать быть вместе. Просто безумно долбанутая на всю голову тетка. К сожалению, я об этом очень жалею. Ну сделать с этим я ничего не смог. Вот третья теща дала гвоздей на всю оставшуюся жизнь. То есть исключительно мерзкий человек. К сожалению. Какая хорошая третья жена, такая отвратительная у нее мамашка. Вот, к сожалению было так...»
(№16, 61, Тренер айкидо, 5 детей)

Последняя часть анализа в данном параграфе посвящена стратегиям построения отношений с женой и ее родственниками в контексте модели отцовства с элементами вовлеченности. Для данной модели характерны сильные ограничения и барьеры со стороны бывшей жены и ее родственников по отношению к отцовской вовлеченности.

Встречи отцов и детей нерегулярные, редкие, даже в том случае, когда отец к ним расположен. Отношения с матерью ребенка и ее родственниками носят проблемный характер. У отца крайне низкая возможность влиять на важные для жизни ребенка решения (относительно его развития, обучения, лечения и т.д.). Ключевые решения относительно ребенка принимает мать ребенка и ее ближайшие родственники.

Отношения с матерью ребенка выстраиваются в формате стратегии взаимного обвинения и избегания. В нарративах отцами выделяется ряд непреодолимых препятствий: психологические болезни, неконтролируемая

агрессия со стороны жены, алкогольная и наркотическая зависимости, измены, уход к другому человеку, нежелание иметь общих детей:

«Для себя вижу причину. Собственно, ровно одно то, что жена бывшая нашла нового мужика и ушла к нему. Ну, условно говоря. Все вот эти вот ее новые отношения были, в том числе связаны с наркотиками. У нее проблемы с психикой, биполярное стоит расстройство. И в какой-то момент это выпало... Попытка суицида – это все так жестко для меня было». (№7, 33, DevOps Lead (IT), 1 ребенок)

«Но если брать коротко по существу и честно, то на самом деле, если бы не вскрылась эта измена, как впоследствии и ряд других, то боюсь, что, наверное, брак еще какое-то время бы существовал. Но, слава богу, этого не случилось. Измена была триггером». (№14, 38, Юнгианский психоаналитик, 1 ребенок)

«Это могли быть, не знаю, бой посуды, там отсутствие дома по ночам, там какие-то такие вот случаи, которые были для меня как-то возмутительны. Вот. Но потом, уже когда после развода я попытался все-таки разобраться, вот и, ну, скажем так, относительно принудительно, я направил ее на лечение, и потом уже все это выяснилось». (№2, 34, Программист (IT), 4 ребенка)

Также одной из причин развода может быть личное нежелание отца продолжать отношения с матерью ребенка. Один информантов поделился, что из-за разных проблемных ситуаций у него накопилась такая обида на мать ребенка, что в один момент он просто не пустил ее домой. Это случилось после очередной измены:

«Нет-нет, мы разъехались в мае. Полтора месяца она в основном жила со мной, но все равно виделась с мамой. Она жила у подруги в тот момент, потому что я остался на квартире. Я ее в какой-то момент просто домой не пустил

после свидания с новым человеком. И полтора месяца, условно говоря, июнь 2020 года она в основном жила со мной и иногда виделась с мамой. Потом я ее отвез к родителям на два месяца». (№7, 33, DevOps Lead (IT), 1 ребенок)

Отсутствие возможности контролировать трату алиментов со стороны родственников матери, невыплата женой своей доли в совместной ипотеке и сильные эмоциональные баталии – все это отдаляет бывших супругов после развода и настраивает отца против матери ребенка:

«Наши отношения с ней не улучшились, они еще больше ухудшились. Потому что у нас там есть вопросы там с неразделенной квартирой, которую мы взяли в ипотеку, пока мы были в браке ... Я там плачу алименты, с которыми я тоже не согласен. Я не уверен, что они расходуются по назначению. Я как бы переживаю, что мои алименты, которые я плачу, не целиком идут на ребенка. Вот... И вот у нас прям такие, как тебе сказать, баталии жесткие. Ну мы стараемся не переходить особо границы, но тем не менее, ведем себя друг с другом достаточно жестко». (№1, 40, Project manager (IT), 1 ребенок)

Тот же информант отмечает, что сейчас он не может посещать ребенка, который проживает вместе с бывшей женой и ее родственниками. Ее родители прекратили с ним общение после развода. Он может видаться с ребенком только иногда по выходным, если получит на это согласие матери ребенка. От этого возникает злость, сильная обида на родственников матери:

«Да-да, ну у меня нет желания подпускать. Я как бы не хочу. Я на них как бы зол. Если про мои эмоции говорить, то я злюсь, конечно. И у меня эта злость... Я пока о них не думаю, у меня все в порядке. А когда я думаю, то у меня начинает подбамбливать потихоньку внутри <...> Ну в общем, общались, пока мы были женаты, с родителями жены. А что сейчас? Я ее отца и ее маму не вижу в принципе. Они закрылись. Я не захож в их квартиру. Ну там несмотря на то, что там живет мой сын, но я не могу к нему прийти в гости, условно говоря,

закрыться в комнате и с ним поиграть. Аааа... Я забираю ребенка только по выходным. Не всегда, но по согласованию с женой». (№1, 40, Project manager (IT), 1 ребенок)

Другой информант самоотстранился от жены и ребенка – эмоционально и физически. Он перестал появляться дома и ночевал на работе, чтобы не возвращаться домой. Причиной развода была измена бывшей супруги:

«То есть в какое-то время я просто старался там не появляться дома. И к тому моменту у меня уже был открыт свой бизнес. То есть, непосредственно я был учредителем, директором, руководителем и всем на свете. И у меня, точнее, работали сотрудники, поэтому я снимал офис с мастерской и разными помещениями. В общем-то, такая не очень удобная, но возможность у меня была не появляться ночами дома, потому что я мог остаться в офисе. Что я в принципе и делал». (№14, 38, Юнгианский психоаналитик, 1 ребенок)

Жена характеризуется информантом как «бедовый, недалекий человек». Она не может взять жизнь в свои руки, организовать ее, живет неправильно, не имеет стабильной работы и образования. Отец постоянно осуждает мать ребенка в своих нарративах:

«А просто она не очень умный человек. Обычно про таких женщин говорят «баба-дура», но она действительно такая. <...> Она сама создавала и показывала, и проявляла таким образом себя, что, в общем то, всем все было очевидно и понятно, потому что у нее наряду с тем, что происходил наш развод, обострился ее личный алкоголизм, и она пошла как бы в полный разнос. И на самом деле, до сих пор в нем находится, уже сколько лет <...> Ну да, вот отвечая на вопрос, кем она работает и чем занимается, тут как бы сложно как-то вот это без мата охарактеризовать, но вообще она ничем не занимается. <...> Она пошла куда-то учиться, потом почему-то остановила это, забросила. То есть, у нее нет диплома о высшем образовании, нет никакого

законченного высшего образования, нет никакой профессии, нет никакой специальности. <...> Ну вот я говорю - бедовая баба. Вот это не психологический термин, но очень точное определение». (№14, 38, Юнгианский психоаналитик, 1 ребенок)

Развод может расцениваться как предательство со стороны бывшей жены. Например, в ситуации восстановления после тяжелой операции. В таком случае отношения между бывшими супругами стремительно ухудшаются:

«Ну, плохо переживал, конечно. Дело в том, что у меня была, ну, на мой взгляд, достаточно серьезная операция. Ну и я не ожидал с ее стороны практически через месяц после операции вот этих вещей. То есть я считал, что это все предательство, потому что, ну, не тот момент она, на мой взгляд, выбрала. Вот... Тяжело, конечно, пришлось. Обидно было». (№15, 66, Учитель в школе, 2 ребенка)

Общение становится поверхностным, дистанцированным. Так, информант отмечает, что последний раз виделся с бывшей супругой около полутора лет назад, а общался с ней только по СМС, чтобы поздравить с праздником:

«В некоторой степени, я к ней обращаюсь. Ну, друг друга поздравляем СМС-ками с праздниками. Новый год, Рождество.... Ну и так далее. Ну а так, конечно, контакт минимальный. И я ее видел, честно не помню, когда последний раз. Наверное, полтора года назад». (№15, 66, Учитель в школе, 2 ребенка)

Манипуляции разводом со стороны бывшей супруги также закончились у нескольких отцов тем, что они отказались продолжать отношения с матерью ребенка. Несмотря на попытки отца разобраться, со стороны матери ребенка звучали фразы про развод, что в итоге спровоцировало реальный развод супругов:

«Но на самом деле со стороны жены, у нее всегда у какая то, может быть, не настоящая провокационная, но готовность разводиться каждый раз».

Разговор заканчивался, что давай, я уезжаю или там ты уходишь, и давай разводиться... И как-то я объяснял, что это не выход, а можно как-то иначе. Ну а вот в этой последней ситуации, как бы я не нашел в себе силы уговаривать ее и эту ситуацию разруливать. В общем, разводимся так разводимся...» (№12, 47, Репетитор английского, 1 ребенок)

Нежелание со стороны бывшей жены идти к психологу, находить компромиссы после измены – это также аспект, который усугубляет вероятность развода. Даже если муж настроен на пересмотр отношений и нахождение новых договоренностей, в случае отказа жены двигаться дальше, пара разводится:

«Весной 2015 мы разошлись. Переживания были в тот момент, когда узнал об измене. Опечалился. Пробовал с женой переговорить, обсудить, найти решение. Предложил психологу сходить к семейному. Но продолжить брак уже не получилось. С ее стороны не было ответной реакции положительной. Даже не было желания двигаться в этом направлении. Поэтому, собственно, развелись. Общаемся редко, но общаемся». (№11, 37, Завхоз, 3 ребенка)

Отношения с родителями бывшей супруги либо не складываются после развода вообще, либо они очень натянутые и конфликтные. Так, один из информантов поделился очень тяжелой историей развода, сопряженной с физическим насилием со стороны старших родственников бывшей жены и игнорированием любых попыток выйти на контакт со стороны матери ребенка. Мать и ее родственники объединились, чтобы несмотря на судебное постановление максимально пресечь контакты отца с детьми. Они активно препятствуют встречам, стараются, чтобы отец нигде не взаимодействовал с ними:

«Дальше выяснение отношений, все дела, кто виноват... Там пальцами стали тыкать туда-сюда, началась, к сожалению, манипуляция с детьми сразу же. У меня даже был неприятный момент, когда мне две недели не отдавали

ребенка. Я пришел просто банально в детский садик. Воспитатель, к сожалению, подставила меня и позвонила маме. Она приехала со своим отцом, там почти до драки дошло. Ну и в конечном итоге было принято решение подавать в суд на определение места жительства ребенка. Ну а дальше еще на протяжении полугода суды... Ужасное выяснение отношений с органами опеки, с сотрудниками полиции». (№5, 24, Тестировщик (IT), 2 ребенка)

Еще один информант отметил, что родители бывшей супруги сами перестали с ним общаться после развода. Он очень расстроился, потому что раньше общение было теплым и доверительным. Информант подозревает родителей матери ребенка в неискренности:

«Что касается ее родителей, мы не общаемся вообще. От слова вообще! Ну, как бы это их выбор, не знаю, ну вот, как бы с тех пор, как мы развелись, мы вообще не разговаривали. Опять же, это не то, чтобы мой выбор, а их выбор. С моей стороны, наверное, такое есть недопонимание. Потому что, когда люди говорят: «Ой, сынок, ты наш сын... Ляляляляля» Прямо такая паточка-паточка. А потом резко так пф! Встает вопрос о искренности того, что они говорили. Недоумение и недопонимание у меня это конечно вызвало...» (№6, 49, Специалист продаж, 2 ребенка)

Еще один информант поделился, что он живет по принципу: «нет отношений с родителями жены – нет проблем». На его взгляд, преднамеренное дистанцирование от старших родственников со стороны матери ребенка позволяет избежать многих проблем в отношениях с ней:

«Ну, тут действительно играет общее правило. Что чем дальше ты от родителей, тем лучше отношения. Отца у нее не помню, но ее родители развелись. Еще в юношеском возрасте. Поэтому отца со стороны жены я ни разу не видел. Видел только ее маму. Она же живет в Ленинградской области, и она не жила с нами даже в городе. Ну как приезжали погостить с ребенком

или ребенка там оставляли. Поэтому мы общались очень редко». (№8, 47, Рабочий на стройке, 1 ребенок)

3.4. Практики отцовской заботы о детях после развода

Практики касаются непосредственно действий отца, которые направлены на ребенка. В данном параграфе будут выделены три совокупности практик соответственно трем типам моделей отцовской вовлеченности после развода. Для первой модели характерна всеобъемлющая вовлеченность отца, для второй – фрагментарная, а для третьей – точечная.

Для начала рассмотрим практики заботы отцов с рутинной моделью вовлеченности. Вовлеченность отца носит повседневный характер, она происходит на ежедневной основе. В данном случае отец вовлекается сразу во все сферы ребенка (уход, еда, покупки, досуг, отпуска, кружки, домашние задания и т.д.). Встречи отца с ребенком происходят практически каждый день, для их согласования не требуется согласие матери ребенка, потому что она доверяет отцу.

Отец, в свою очередь, осуществляет полную эмоциональную и финансовую поддержку матери и ребенка. Он выплачивает алименты, выдает карманные деньги ребенку, спонсирует различные непредвиденные затраты (например, на стоматологические услуги для ребенка), полностью спонсирует кружки и секции ребенка.

Таким образом, отец максимально участвует в жизни ребенка: занимается покупкой вещей, сопровождением ребенка в детсад, в школу, на секции, проводит совместно с ребенком отпуска. Он посещает школьные мероприятия ребенка и старается не пропускать его выступления. Отец каждый день звонит ребенку, находится в курсе всех его эмоций, проблем и событий в его жизни.

Отцы с рутинной моделью вовлеченности планируют совместный отдых с ребенком. Мать ребенка также принимает периодически в нем участие, может присоединяться по желанию. Отец ребенка не против совместного отдыха:

«Ну, можем, конечно, созвониться, сказать, что вот я хотел бы там поехать, допустим, там, не знаю, на экскурсию куда-нибудь в крепость Орешек. Мы все к крепости ездили, кстати, вот этим летом. Дети очень довольны в восторге. Это, в общем, было интересно. И просто я смогу просто предупредить, что мы можем потом с ночевкой уехать в Питер, там в аквапарк куда-нибудь съездить. Ну, она вообще спокойно, она может с нами поехать. То есть мы едем, я в аквапарк, она подругам, и мне, как бы я провожу время с детьми, а обратно вместе возвращаемся. Ну, на самом деле все довольно так обоюдно. Если куда-то выезжаем, в первую очередь, конечно, спрашиваем, сможет ли она поехать с нами». (№2, 34, Программист (IT), 4 ребенка)

«В кино ходили вместе, зимой несколько раз на катки. В аттракционы какие-то. Типа Диво-Остров, такого плана. В компьютерные клубы с виртуальной реальностью. Все-таки выходной, понятно, что не нужно дома сидеть, что-то интересное придумать. Искали из доступных возможностей. Музеи не так часто, но тоже было сколько-то раз». (№12, 47, Репетитор английского, 1 ребенок)

Мать ребенка может советовать, что лучше купить, но в случае проживания отца с ребенком он становится основным родителем. Поэтому в данном случае отец берет на себя решение всех задач по обеспечению и развитию ребенка:

«Слушай, ну всегда я, как бы я всегда считал, что мужчина должен быть добытчиком, как бы полностью все на мне и получается, что все вместе выбирали, а сейчас только я занимаюсь всеми вопросами. Ну, то есть как бы езжу, выбираю, заказываю в основном так все. Ну, бывает такое, что да, что-

то ей понравится. Вот все равно она мне присылает ссылку, что, допустим, хочет, я все равно, как бы я покупаю». (№2, 34, Программист (IT), 4 ребенка)

Информанты с выраженной рутинной моделью вовлеченности отмечают, что все расходы относительно ребенка ложатся на них. Сюда же относятся расходы на питание, время, затраченное на приготовление еды дома. То же самое касается оплаты секций и кружков. Отец отвечает за досуг ребенка в полной мере:

«Я еще раз подчеркну, что все расходы, они как бы полностью на мне. То есть и школьное питание, там выезды какие-то школьные, это все полностью на мне. И они могут прийти домой. Там бабушка может что-то приготовить на обед. И у себя дома я, конечно, тоже готовлю. Вот. И если что, я ничего не заказываю, никакие там доставки и так далее. То есть все дома сами готовим». (№2, 34, Программист (IT), 4 ребенка)

«У нас там есть и платные, и бесплатные кружки. На самом деле каждый день какие-то секции всякие разные. Поэтому, да. Ну, то есть, понятное дело, что в любом случае все я оплачиваю». (№2, 34, Программист (IT), 4 ребенка)

Отцы занимаются медицинским обеспечением детей. Они вовлекаются в лечение ребенка и сопровождение его в разные клиники, следят за здоровьем ребенка. Чаще всего они предпочитают сдачу анализов в платных клиниках, чтобы не стоять очереди в поликлинике:

«Что потом на самом деле, когда разошлись, то тоже старался лечебными делами заниматься. Потом у него наследственная болезнь, астма та же, что и у меня. Поскольку я про это что-то знал и что-то знаю, я продолжал и продолжаю с этими всеми врачами общаться. Ну, в целом можно сказать, что врачи на 90% на мне были. <...> Ну да, платная страховка была, но и больницы были. Когда я с ним сидел, то, собственно, и болезни лечил, и врачей

вызывал. Ну и потом, когда мы вместе не жили, тоже продолжал. Мне было проще следить за этим». (№12, 47, Репетитор английского, 1 ребенок)

«Стараюсь в какой-нибудь Инвитро все-таки пойти, чем очередь отстаивать в общественные поликлиники. Хотя у нас хорошая поликлиника, но, тем не менее, да, часто сталкивались с какими-то такими долгими ожиданиями, каким-то странным отношением. Поэтому проще всего обратиться в платные клиники. Понятно, что, ну, во всех случаях, опять же, повторяюсь, вся оплата на мне». (№2, 34, Программист (IT), 4 ребенка)

Посещением родительских собраний чаще всего занимается мать ребенка. Тем не менее, отец старается также принимать в них участие по возможности, следить за родительским чатом в группе. Рабочий график отца иногда не предоставляет возможности посещать все собрания:

«Ну здесь уже по обстановке, потому что у меня бывает в силу работы не очень много времени. Хотя стараюсь по максимуму. Все-таки, если утренник это у меня 100%. Я всегда присутствую. Если Родительское собрание, я стараюсь в чате с родителями что-то обсудить заранее. И если понимаю, что в принципе могу там не присутствовать, то прошу, чтобы все-таки она сходила. А так если какие-то такие, ну, на секциях, там с тренерами мы встречаемся, что-то обсуждаем по поводу тренировок, там какие-то такие вопросы организационные, по каким-то, не знаю, кружкам и тем же конкурсам. Ну, вот по олимпиадам нужно было тоже с учителями договариваться, какие-то документы, подписывать. То есть это в любом случае, да, я приезжаю, что-то делаю, решаю какие-то вопросы». (№2, 34, Программист (IT), 4 ребенка)

Отцы с рутинной моделью вовлеченности помимо алиментов снабжают детей деньгами на карманные расходы, оплачивают пожелания ребенка. Частая практика – заведения отдельной банковской карты на ребенка, чтобы оперативно

посылать ему деньги. Часто спонсирование ребенка никак не оговаривается с матерью заранее:

«И я просто такой человек, что я для своей дочери сделаю ВСЕ АБСОЛЮТНО. Сейчас, на данный момент, я как бы каждый месяц перевожу им по 20 тысяч рублей на карточку супруги. И плюс, у меня ребенок, если что-то попросит из вещей куда-то поехать, купить, я всегда это покупаю. И у нее есть карточка, на которую я ежемесячно там пополняю 5-10 тысяч, и она тратит свои карманные деньги. Если они звонят и говорят, что у них нету денежки, чтобы там что-то купить. Соответственно, я даю денежку и покупаю. Это все как-то без вопросов». (№13, 37, Помощник руководителя АХО, 2 ребенка)

«Это никак не обсуждалась. Ну, я по умолчанию оплачиваю все с квартирой, где они живут, траты. Вот и он обращается, и жена обращается за деньгами. Обучение оплачиваю тоже я, но это никак, опять же не оговаривалось. Он на карманные расходы, как уже взрослый парень просит». (№12, 47, Репетитор английского, 1 ребенок)

В целом, отцы с рутинной вовлеченностью готовы всегда приехать к ребенку и помочь ему с любыми трудностями. Один из информантов поделился, что забирает дочь из лагеря каждый раз, когда она внезапно заболевает. Он готов приехать за ней куда угодно и когда угодно, чтобы помочь:

«Если меня дочка позвонит в три часа ночи и скажет: «Папа, я хочу чупачупс», то поверь мне, я ей его привезу. Ни дай бог что-то случится, я приеду к ней в любое время, в любое место и куда только не приеду. Потому что вот она сейчас у меня каждые каникулы ездит на сборы, то в Сыктывкар, то в Мурманск, то в Москву, то здесь Ленобласть она всю объезжает. И вот буквально на тех каникулах она заболела. Мне позвонила и говорит: «Папа, только что высунула градусник из-под мышки, он показывает 38». Я в тот

момент работал, это было днем, пятница. Буквально через 40 минут я уже ее грузил в машину с ее лагеря под Приозерском. И повез ее сразу же домой. Когда был ковид, и она заболела, тоже была в лагере. Я ночью полетел за ней, забрал ее ночью. Позвонил знакомым медсестрам, ну врачам. Они ночью сделали ей тест, и я привез ее домой как бы лечить. Соответственно, поехал в другое место ночевать как бы. За дочкой поеду хоть на Колыму, хоть куда, в любое время абсолютно». (№13, 37, Помощник руководителя АХО, 2 ребенка)

Звонки по телефону являются также важной составляющей отцовско-детских отношений. Отцы используют их, чтобы всегда быть в курсе происходящего с ребенком. Если ребенок не отвечает, то отец начинает переживать и волноваться:

«Слушай, ну созваниваемся мы вообще часто. Я звоню ей каждый день. Вот если я не позвонил, и она не перезвонила, я начинаю уже беспокоиться, нервничать и все остальное. Да, конечно, как бы, телеграм, вотсап, и обычный телефон, как бы все средства связи мы используем. Мы общаемся полностью, ни от кого ничего не тая, общение полноценное». (№13, 37, Помощник руководителя АХО, 2 ребенка)

У отцов с рутинной моделью вовлеченности в приоритете активный отдых с ребенком на природе. В случае, если у ребенка плотный график, отец старается заранее согласовать с ним встречу и максимально под него подстроиться. При планировании встреч основное внимание уделяется пожеланиям ребенка:

«И мы стараемся все-таки ее позвать, пригласить к нам в гости, чтобы она приехала, с нами побыла. Ну, соответственно, если какие-то свободные выходные у нее, то нам куда-то удастся съездить там на шашлыки, загород, куда-то в другой город прокатиться, Москву съездить посмотреть на выходные, еще куда то... Ну, вот, соответственно, мы стараемся, как вот у нее получается окошечко, мы подстраиваемся и собираемся куда то все таки

совместно провести время <...> У меня ребенок любит водить машину, как бы ездить на всякой технике, которую я там собираю. Мы едем на шашлыки, я беру там технику, мы общаемся, гуляем, играем и все остальное. Она общается. Да, ей интересно, я не спорю... Мы в Москву, когда приехали, мы обошли все музеи, Кремль, все церкви и все... Ну, ей это интересно. Мы же ехали специально туда». (№13, 37, Помощник руководителя АХО, 2 ребенка)

Также отец регулярно поздравляет ребенка и его мать с праздниками, старается договориться с ними, чтобы отпраздновать всем вместе. Если не получается спланировать, то отец предлагает альтернативную дату. При планировании он ориентируется на возможности ребенка и матери:

«Если день рождения дочери, то это никогда и не пропустишь, это рождение дочери! День Рождения как бы бывшей супруги? Ну я думаю, что, наверное, только свинья не поздравит... Мы с ней в таких отношениях хороших, и как бы не поздравить, это уже чересчур. Надо быть, не знаю кем... Ну, Новый год я понимаю, что ребенок хочет встретиться с мамой, с подружками. Как бы я ни на что не настаиваю. Если у ребенка есть свои дела, значит, есть свои дела, потому что она взрослая. Так же, как и у меня». (№13, 37, Помощник руководителя АХО, 2 ребенка)

Для отцов с рутинной моделью вовлеченности важно оказывать не только финансовую, но и психологическую помощь ребенку. Отец постоянно поддерживает своих детей, выполняет роль наставника. Он всегда готов помочь советом и утешить ребенка:

«Я старался не давить, конечно, на нее, потому что это подростковый возраст, все в штыки воспринимается. Но как-то говорил, что я, может быть, поступил бы так же, допустим, что касается вступления. Ну, какие-то совершенно такие жизненные моменты... Я помню, я говорил, что там не важно, чем ты будешь заниматься, и какой институт закончишь, главное

заниматься тем, что тебе нравится. И тогда добьешься успеха в любой области». (№4, 61, Разнорабочий, 2 ребенка)

Некоторые отцы даже берут отпуск по уходу за ребенком, чтобы быть к нему ближе. Они с радостью готовы подменить мать, если она уезжает или выходит на работу. Нередко отец задействует для помощи матери своих родственников. Отцы сопровождают детей на кружки, занимаются их развитием, посещают музеи, прививают любовь к спорту:

«Ну, так как после развода жена стала работать, то, конечно, нужна была моя помощь. Поэтому я занимался ребенком в выходные. Моя мама, когда он был маленький, она, она уже была на пенсии, она встречала, его ездила в другой район, встречала его и школы, приводила домой, делала с ним уроки от кормила, делала с ним уроки. Ну а по выходным, по выходным мы его забирали. То же самое с помощью мамы. Там она готовила. Мы гуляли, куда-нибудь выезжали, ходили в музеи. Ну, пытался как-то его приобщить к спорту, сопровождал его в Аничков во Дворец спорта». (№10, 60, Специалист продаж, 3 ребенка)

«Да все достаточно естественным образом происходило... В разные периоды по-разному. Собственно говоря, с рождения и до трех лет я работал, а она была с ним, а гд-то в районе трех лет, когда ему три года исполнилось, мы поменялись ролями. Не то, чтобы специально. Но так сложилось, что у нее было хорошее предложение по постоянной работе. А мне моя работа мне сильно очень надоела. Ну вот, я ушел с работы, а она стала ходить на работу, и уже потом сидел с ним. Потом пытался дома работать, более-менее успешно». (№12, 47, Репетитор английского, 1 ребенок)

Важной частью заботы о ребенке остается подготовка домашнего задания. Отцы помогают ребенку с учебой. Иногда даже это провоцирует некоторые

конфликты с матерью ребенка, потому что отец может задержаться допоздна, хотя уже не проживает вместе с ребенком:

«Я старался не исчезать не из каких сфер жизни сына. Конечно, после развода возникали конфликты поначалу. Вот, сын когда был в 1 классе, я приходил вечером уроки с ним делать. И на этой почве возникали конфликты с женой. Просто возникала такая ситуация, что сидишь до 22:00, до 22:30. Она мне говорила: «Ты уехал? Ушел так уходи, что ты сидишь?» Несколько раз такие были, в общем то, ну, даже конфликтные ситуации были». (№12, 47, Репетитор английского, 1 ребенок)

Далее рассмотрим практики заботы отцов с фрагментарной моделью вовлеченности. Здесь важно упомянуть, что отец преимущественно остается вовлеченным только в периоды непосредственно встреч с ребенком. Сами встречи проходят регулярно, 1-2 раза в неделю. Чаще всего отец с ребенком встречаются на выходных.

Чаще всего встречи носят досугово-развлекательный характер. Отцы посещают с детьми аквапарки, ходят на батуты, катаются на коньках, гуляют на природе и много разговаривают. Во время встреч работает механизм дарения. Отцы используют подарки как способ компенсировать недостаточную коммуникацию с ребенком вне встреч.

В целом, отцы с фрагментарной вовлеченностью подключаются к более ответственным организационным задачам по планированию жизни ребенка сильно реже, чем отцы с рутинной вовлеченностью. Они по-прежнему вовлекаются в проверку домашних заданий и периодически сопровождают детей на кружки и секции, но эти активности ограничены свободным от работы временем отца:

«Когда у меня была возможность, то это мне даже нравилось водить дочь в садик, в школу отводить. Ну, в основном мама, конечно, ходила. Ну, я

помню тоже, когда у меня было свободное время, тоже с ней ходил по больницам по этим. Ну, обычно, как это было, допустим, я их отвожу в больницу там, жду в машине, они там сходят». (№4, 61, Разнорабочий, 2 ребенка)

«Вот если по поликлиникам, то я говорю все зависело от того, моего местонахождения. Да, я работал вахтовым методом. Были такие времена. И если я дома, то, естественно, я брал все на себя как бы и готовку, и уборку, и ребенка сопровождать куда-то в поликлинику и вернуть ее обратно и еще куда-то съездить». (№13, 37, Помощник руководителя АХО, 2 ребенка)

«Ну да. Вот она ходит в танцевальную школу, там она часто выступает на каких-то мероприятиях, стараюсь приходить... Ну а в общем, когда мы вместе, зачастую мы уроки вместе делаем, это моя заслуга. Английский, математику и русский». (№8, 47, Рабочий на стройке, 1 ребенок)

Отцы с фрагментарной вовлеченностью стремятся спонсировать все базовые нужды ребенка в формате выплаты алиментов. Изредка они подключаются к финансированию определенных увлечений детей, которые соответствуют их представлениям о воспитании ребенка (например, занятия футболом, лыжи, курсы программирования):

«Я оплачивал вокал и водил ее туда. Она ходила с ребенком в бассейн. Но с бассейном получается редко, потому что летом туда она ходить не может, так как ее здесь нет. А зимой, если появляются сопли или кашель, то бассейн прекращается сразу. Соответственно, она не очень часто, так скажем, ходила туда, но до сих пор так не очень уверенно плавает». (№7, 33, DevOps Lead (IT), 1 ребенок)

«Есть увлечение сына футболом, он с пяти лет занимается футболом, вот уже как пять лет. И все это время этот футбол оплачивал я. Также моя мама взяла на себя инициативу оплатить ребенку курсы профессиональные по

программированию в ИТМО, веб-дизайну и компьютерной графике. Вот именно в ИТМО. То есть ему девять лет, а каждую субботу он моими силами или силами других родственников оказывается в институте, где учится программированию». (№14, 38, Юнгианский психоаналитик, 1 ребенок)

Отцы с фрагментарной вовлеченностью стараются принимать участие в играх детей. Они с удовольствием играют в компьютерные игры, проводят время вместе с ребенком за настольными играми. Они могут привлекать для игр с ребенком новых партнеров и членов новой семьи:

«Вот мы с сыном там играли в Counter Strike, еще там общались, разговаривали какие-то вещи, я ему там что-то советовал. Ему было сколько-то лет, лет 12-13, наверное, было тогда». (№16, 61, Тренер айкидо, 5 детей)

«Ну это я предлагал, как взрослый человек. Либо мы ходили на аттракционы какие-нибудь, либо просто в ресторан какой-нибудь покушать, чего-то такое там... Пообщаться, походить, погулять, либо приезжали ко мне, чего-то делали. Последние годы мы больше здесь проводили дома, играли там в какие-то игры, от мафии до покера». (№16, 61, Тренер айкидо, 5 детей)

Основное воспитание ребенка берут на себя мать отца или мать ребенка. Отец старается подключаться только в те моменты, когда приходит с работы или когда у него появляется время на выходных:

«На занятия какие то, на что-то еще они ходили сами. Тем более старшая уже вообще была взрослой. Если в поликлинику сходить – это я сам делал в основном, потому что у меня все-таки был разрыв по времени. Не все дни, я, скажем так, жестко привязан был. Мама у меня, да и девочки сами готовили уже. Она их воспитывала фактически параллельно со мной, но, наверное, больше, чем я». (№16, 61, Тренер айкидо, 5 детей)

«Ну, конечно, это как любой отец, наверное, если надо сходить на родительское собрание, узнать, как твоя дочка поживает и как о ней говорят.

А любой пойдет. И совместно ходили. Но, как правило, я говорю, что в основном ходила супруга, потому что у нее было больше времени свободного». (№13, 37, Помощник руководителя АХО, 2 ребенка)

Из-за сильной занятости на работе отцы с фрагментарной вовлеченностью не могут всегда быть рядом с детьми. Тем не менее, своим долгом они считают заработать достаточно денег, чтобы хорошо обеспечить детей. Спонсирование пожеланий детей часто является основным способом выразить свою любовь:

«А девочки, с ними больше мама была. Поэтому, скажем так, глубины я, наверное, не смогу сказать. Разумеется, я их люблю. Разумеется, я старался делать все, что возможно. Но в любом случае зарабатывать столько, чтобы на всех хватало. Вот. Как бы важны теплые отношения. Если хотят учиться где-то, значит, соответственно, я помогу... Я воспринимаю отцовство как необходимость обеспечить, наверное, в большей мере. Нет. Понятно, что общаться с детьми, помогать им чем то, туда-сюда. Но все-таки я больше времени провожу вне дома, и больше, как бы отец-зарабатывальщик, скажем так, по восприятию». (№16, 61, Тренер айкидо, 5 детей)

Также у отцов с фрагментарной вовлеченностью встречается такая форма распределения заботы о детях как совместное родительство. Ребенок часть времени на неделе проводит у матери, а часть у отца. Фактически он живет на два дома. Переход ребенка из садика в школу требует большей концентрации ребенка, поэтому часто ребенок большую часть времени проводит у матери, а несколько дней проводит на квартире отца:

«И то есть, после развода ребенок ходил в садик, и как бы половину времени он был у меня половина, половина у нее. То есть просто на этот период садика мы так вот поделили времяпровождения с сыном. Но сейчас он пошел в школу, и я уже заранее предполагал, что ситуация поменяется. Потому что школа это уже нечто другое, это уже и учебники, в общем, и так далее. То есть

я уже понимал, что, скорее всего, большую часть он будет у нее. Я, естественно, ей это озвучил. И сейчас дня полтора он у меня ночует, когда это возможно». (№3, 34, Научный сотрудник, к. физ. н., 1 ребенок)

«Я ее забираю в четверг. Мы едем с ней куда-то ужинать. Или дома готовлю. Ну, просто не всегда дома готовлю. Если не хочу готовить, мы едем просто куда-нибудь покушать. Вот. Приезжаем домой, делаем уроки, отдыхаем. Утром я ее отвожу в школу снова. Но в пятницу ее жена забирает, а я в субботу ее забираю в районе обеда где-то. Вот она у меня остается до воскресенья, я ее в воскресенье вечером возвращаю. Она в воскресенье ходит в бассейн. Там график достаточно свободный, поэтому я ее привожу часам к 15-16 в воскресенье». (№7, 33, DevOps Lead (IT), 1 ребенок)

В некоторых случаях мать ребенка снимает квартиру недалеко от дома бывшего мужа, поэтому у отца остается возможность сопровождать ребенка в садик и в школу, как и раньше. Такие случаи встречаются довольно редко, но, если такое происходит, отец получает возможность оставаться более вовлеченным и чаще привлекается к сопровождению ребенка:

«Я еще хочу поблагодарить мою бывшую жену, она купила себе квартиру, взяла ипотеку, не так далеко, километрах в двух-трех от меня. Она сделала это специально, чтобы мне было удобно видеться с ребенком. То есть искала в этом районе квартиру. И поэтому как бы... и садик, и школа у нас находится от меня тоже недалеко, поэтому проблем тут не возникает. Ну а садик вообще был рядом. Он продолжал ходить в тот же садик. И это было ближе к моему дому». (№3, 34, Научный сотрудник, к. физ. н., 1 ребенок)

Для отцов с фрагментарным типом вовлеченности крайне важно поддерживать живую связь с ребенком. К сожалению, это не всегда удается организовать. В таком случае отец старается периодически созваниваться с ребенком, общаться с ним по мессенджерам:

«Ну, у него есть телефон, да. Периодически созваниваемся. Но опять же, я такой человек, что для меня все люди, которых я не вижу, они как-то исчезают практически. То есть, я исключительно за живое общение, не воспринимаю телефон, телефонное общение, общение по мессенджерам. То есть у меня это не вызывает никаких эмоций, удовольствия. Поэтому я этим не пользуюсь. Ну, естественно, если долго я не вижу сына, я позвоню и... Ну скорее он мне позвонит, скорее, он позвонит...» (№3, 34, Научный сотрудник, к. физ. н., 1 ребенок)

Отцы отмечали, что во время встреч с ребенком часто гуляют. Для более интересных и разнообразных прогулок они приобретают детям самокаты, велосипеды. Особенная радость – научить ребенка кататься. Во время прогулок отец с ребенком заходят в разные кафе и рестораны, которые нравятся ребенку:

«Ну да. Я с ней часто гуляю, если погода позволяет. Сейчас холодно. У меня тут такое удачное место в плане прогулок. Я ей купил самокат. Я купил велосипед, научил кататься на велосипеде, на самокате. Вот весной этого года научил ее кататься на велосипеде. А еще, ну, ходим кушать в разные места, где ей нравится: Теремок, До-До пицца. Хотя я ее приводил там и в более приличные заведения». (№7, 33, DevOps Lead (IT), 1 ребенок)

Далее будут рассмотрены практики заботы разведенных отцов, которые соответствуют модели отцовства с элементами вовлеченности. Можно определить характер отцовской вовлеченности как точечный. Встречи отца с ребенком очень редкие и нерегулярные из-за ограничений, которые возникают из-за сильного гейткипинга со стороны матери ребенка и ее родственников.

Как и у отцов с фрагментарной вовлеченностью, большая часть встреч отцов с точечной вовлеченностью несет досугово-развлекательный характер. Во время встреч отцы, чтобы преодолеть эмоциональную отстраненность детей и выразить свою заботу, стараются завоевать внимание ребенка подарками,

яркими впечатлениями и эмоциями. В качестве относительной компенсации выступают деньги на ребенка, которые отец отдает матери.

Территориальная удаленность отца от ребенка сильно влияет на их отношения. В садик ребенка отец не сопровождает, так как живет на другом конце города. Он недоступен большую часть времени, чтобы помочь жене с какими-то повседневными нуждами. Бывшая жена и ее родители сами отводят ребенка. Празднование важных событий в жизни ребенка, если он переезжает с матерью в другой город, тоже становится проблемой. Отец старается по возможности присутствовать хотя бы в виртуальном формате:

«Мне, наверное, знаешь, что нужно добавить... Я живу на Парнасе, на севере города, а жена живет с родителями на Парке Победы. Это как бы разные концы синей ветки. А они, значит, ну, естественно, как бы они со своего Парка Победы, смотря на Парнас, как бы говорят: «Оооо Парнас, да у вас там садики стремные, да у вас же там типа куча народа, у вас же муравейник, там все такое. А у нас в московском районе парки – классно, типа садики классные». Всё тип-топ короче, понимаешь? И как бы у нас даже проблема была с тем, что его всегда записывали в садики, которые находятся на Парке Победы. Вот поэтому я его даже в садик то, в общем то, ни разу не сводил». (№1, 40, Project manager (IT), 1 ребенок)

«Не могу сказать, что я приезжаю на все их дни рождения. Не всегда удается. Слушай, ну по-разному. Если праздновали День рождения здесь, то я старался организовать у себя. Ну и опять же, как я уже сказал, сын был в армии в один из трех лет, пока мы были в разводе. Конечно, например, когда я приезжал к сыну в военную часть, если какое-то событие было, которое надо было посетить, я старался посетить в силу возможностей. Ну виртуально, я всегда готов. К примеру, когда сына рукополагали на миссию, сделали трансляцию, и я в этом событии участвовал, в формате трансляции». (№6, 49, Специалист продаж, 2 ребенка)

Отец в основном проявляет заботу только в формате покупки вещей. Например, один из информантов отмечает, что большую часть одежды для ребенка покупал он и бабушка с его стороны. Забота получается удаленной, опосредованной, потому что иначе ее проявить не получается.

«Я считаю, что сезонной одежды много покупал я. Всякие там пуховик и куртки, там какие-то летние куртки, демисезонные. Много одежды покупала моя мама. Чисто просто. Ну, просто она хотела, чтобы внук хорошо выглядел, и покупала одежду. Это было скажем, в нашей семье». (№1, 40, Project manager (IT), 1 ребенок)

«Нужно купить проездной - пожалуйста. Мне супруга звонит, говорит: «Мне нужны деньги на еду». Ну я ей и перевожу. То есть как бы, еще нужно? Пожалуйста – еще. Поэтому какие-то вещи... Сами дети говорят, что нужны карманные деньги на вот это – перевожу». (№6, 49, Специалист продаж, 2 ребенка)

Отец не влияет на выбор кружков и секций ребенка. Их выбирают бывшая супруга и ее родственники. Единственное, что он делает – это оплачивает кружки из доли своих алиментов на ребенка. Возможности повлиять на развитие ребенка у отца нет:

«Да, он перед школой ходил, ну это дошкольная какая-то подготовка. Так можно ее назвать. Там развивающие кружки, в принципе, там небольшая достаточно группа была, четыре пять человек, им уделяли достаточно времени. Ну, прилично, как бы, не как 33 ученика в школе. Я эту развивайку до выплаты алиментов гасил полностью. Вот сейчас я знаю, что он ходит в бассейн, занимается как бы плаванием. Но, видимо, это уже компенсируется из моих алиментов. Секцию дошкольного образования выбирала якобы жена. Но я уверен, что в этом еще помогали ее родители». (№1, 40, Project manager (IT), 1 ребенок)

Ситуация с бесконтрольной тратой алиментов и отсутствием прозрачности плохо влияет на отношение отца к жене и ее родственникам. Он хочет, чтобы они отчитывались о потраченных деньгах и советовались с ним при выборе кружков для ребенка:

«И что меня хотел сказать, что раздражает, что понимаешь... Я плачу 25% от зарплаты и не знаю, как эти деньги расходуются. И еще один важный момент – это то, что они выбирают реально вот эти секции, не советуясь со мной. Я хочу сейчас это дело с ними как-то урегулировать. Ну, то есть. Как бы. Я не хочу, чтобы я завтра узнал, что у меня ребенок, оказывается, на балет ходит, к примеру. Понимаешь? Что это их было решение... Я хочу, чтобы они со мной советовались, потому что я плачу эти алименты, и эти алименты, в том числе идут на то, чтобы гасить эти секции». (№1, 40, Project manager (IT), 1 ребенок)

Что касается медицины, здесь отец также не принимает участия. В поликлиники ребенка водит бывшая супруга либо ее старшие родственники. Обращения в платные клиники, которые спонсируются со стороны отца ребенка, происходят крайне редко:

«По платной медицине крайне редко обращались. В основном это все в поликлинике. То есть это та медицина, которая есть обычно у обычных детей. Туда водила тоже либо жена, либо бабушка». (№1, 40, Project manager (IT), 1 ребенок)

«Вот что касается детей. Всем этим занималась бывшая супруга. А что касается, ходить с ними по поликлиникам, да, тоже занималась этим она, это было на ней...» (№9, 53, Сварщик, 2 ребенка)

Особое внимание отцами в контексте модели с элементами вовлеченности уделяется отдыху с ребенком. Они могут многим пожертвовать, чтобы провести этот день идеально. Для времяпрепровождения выбираются самые яркие

варианты досуга. Отец стремится к тому, чтобы ребенок запомнил встречи с ним надолго:

«Я третьего числа специально отпросился с работы. Мы с ним сходили в аквапарк, ну то есть в Питерлэнд. Это тоже расходы, которые чисто мои. Ну то есть, все развлечения, какие-то походы в Диво-Остров, куда-то еще, где-нибудь детские парки развлечений, типа Джюки Джюйи, там есть Гориллапарк. Это тоже, если я хочу ребенка сводить, значит, это мои затраты. И в чем-то я отказываю себе для того, чтобы провести время с ним. Поэтому иногда я выбираю, во-первых, мероприятия, которые были бы интересны и ему, и мне. Какие-нибудь веревочные городки, там, например, эти штуки, можно ему полазить и мне полазить. Я ему тем более как отец саппорт окажу, подскажу, где чего, как делать, за что там, какие карабины, за что отвечают и все такое». (№1, 40, Project manager (IT), 1 ребенок)

«Ну, наши личные с ним встречи, они обычно вообще в девяти случаях из десяти проходят в машине, когда мы едем на тренировку или с тренировки на занятия, или с занятий. Это вот в последнем как бы времени, но. Но на самом то деле не только... То есть мы ходим там с ним гулять, ходим на каток. Вот недавно я его водил на футбол, на Zenit арену». (№14, 38, Юнгианский психоаналитик, 1 ребенок)

«Конечно, мы ходили на горки и в театры... Я таскал ее там на какие-то спектакли и концерты, и на роликах катались мы с ней, на горках. <...> Да, мы ездили на море, с ней вдвоем на неделю. Потом, то на роликовых коньках кататься, то зимой с горки кататься. Мне как-то хотелось показать эту сторону жизни, может быть, более светлую». (№4, 61, Разнорабочий, 2 ребенка)

Когда взрослые дети уезжают на учебу в другие города, отцы готовы периодически помогать им деньгами. Важен хороший контакт ребенка с отцом.

Если он есть, то отец будет готов достаточно долго поддерживать ребенка, в том числе, финансово:

«Когда старший сын уехал в Казань, я ему два года немножко материально помогал регулярно. Небольшую денежку отсылал. Потом спросил, сможешь ли ты сам дальше? Он сказал, что сможет. Ну, если надо будет помочь, то он может обращаться ко мне, когда захочет». (№9, 53, Сварщик, 2 ребенка)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современном российском обществе на волне популяризации нового родительства происходит постепенный пересмотр норм отцовской вовлеченности [Майофис, Кукулин, 2010, с.7-9; Чернова, Шпаковская, 2016, с.521]. Этот процесс касается также практик заботы о детях у разведенных отцов. Некоторые исследователи современного отцовства свидетельствует о формировании в России нового типа отцовства, а именно «вовлеченного отцовства», которое основывается на большей включенности мужчин в заботу о детях и следовании принципам эгалитарного родительства [Рождественская, 2020, с.165-167]. Также вовлеченное отцовство воплощает в себе нормы альтернативной «заботливой маскулинности», основанной не на гендерном превосходстве и насилии, а на сотрудничестве, заботе и внимании к близким [Elliott, 2016, p.240-245].

Так или иначе, тема отцовской вовлеченности после развода концептуально вписывается в дискуссию о заботе, осмысляющую категорию заботы как критическую категорию неравенства, из которой мужчины оказываются исключенными [Бороздина, Здравомыслова, Темкина, 2019]. Некоторые исследователи отцовства определяют такие барьеры отцовской вовлеченности как различные формы стигматизации на работе [Behson, Robbins, 2016, p.4-6; Безрукова, Самойлова, 2019, с.92], страхи отцов (потерять работу, перестать быть основным добытчиком, растерять за время декретного отпуска

свою компетентность и не справиться с обязанностями по уходу за ребенком) [Безрукова, Самойлова, 2019, с.96-99], а также личные приоритеты отцов, отцовские роли, текущая гендерная идеология, характер отношений с матерью ребенка, а также формат работы отцов [Авдеева, 2013, с.80-93]. Одним из самых главных барьеров для отцовской вовлеченности после развода является «материнский гейткипинг», то есть, процесс постепенного выстраивания барьеров со стороны матери ребенка и ее ближайших родственников по отношению к отцу, а также установления контроля над ребенком [Безрукова, Самойлова, 2020, с.472], который может существенно ограничить доступ отца к детям.

У отцов с моделью фрагментарной вовлеченности ребенок упоминается в ряде ключевых нарративов (о разводе, работе, предыдущем браке, досуге). Он выступает в роли одного из участников жизни отца и, как и в предыдущей модели, продолжает выступать значимой фигурой для отцовской жизни, однако, взаимодействие с ним ограничено либо со стороны матери, либо по причинам, связанным с работой и новой семейной жизнью отца. Происходит лишь частичное пересечение жизней отца и ребенка. Инвестиции в отношения с ребенком ограничиваются ежемесячными алиментами и тратами во время регулярных личных встреч с ребенком.

У информантов, отнесенных к модели отцовства с элементами вовлеченности, фигура ребенка практически никогда не встречается в нарративах о разводе. В основном в них присутствует проблематика отношений с матерью ребенка и ее родителями. Ребенок выступает объектом отцовской заботы, но она существенно ограничена материнским гейткипингом [Безрукова, Самойлова, 2020, с.485]. Встречи с детьми носят эпизодический характер, происходят нерегулярно. Для информантов характерно чувство вины из-за недостаточного контакта с детьми, а их дети более эмоционально

дистанцированы. Отцы выражают заботу опосредованно – через деньги на ребенка и подарки во время редких встреч.

Отцы с фрагментарной моделью вовлеченности придерживаются стратегии выстраивания дистанцированных контактов с матерью ребенка и ее родителями. Отношения между ними построены только вокруг ребенка. Встречи с родственниками нерегулярные, происходят только по поводу ребенка и только в свободное время отца, когда он не занят работой. Зачастую они ограничены праздниками, связанными со значимыми событиями в жизни ребенка. Отношения отцов с родственниками бывшей супруги нейтральные или полуконфликтные. Возможны некоторые ограничения для общения с ребенком со стороны его матери, которые обговариваются заранее, чтобы сформировать график еженедельных встреч с отцом.

Для информантов с моделью отцовства с элементами вовлеченности характерна стратегия максимального дистанцирования от матери ребенка и ее родственников, которая нередко перетекает в постоянную конфронтацию. Для таких отцов характерны сильные ограничения на встречи с ребенком со стороны его матери. Отношения с ней и ее родственниками носят конфликтный характер. Альтернативной стратегией является полное прекращение отношений или избегание. Отец старается по возможности не пересекаться с родственниками ребенка, а взаимодействовать только с ним напрямую. Коммуникация с женой происходит только для того, чтобы согласовать редкие встречи с ребенком.

Отцы с фрагментарной моделью вовлеченности остаются включенными в жизнь ребенка только во время личных встреч с ним. Встречи проходят на регулярной основе несколько в неделю, чаще всего на выходных. Преимущественно они носят досугово-развлекательный характер. Отцы посещают с детьми аквапарки, ходят на батуты, в кино, в кафе, посещают театры, катаются на коньках, гуляют на природе и много общаются. Подарки со стороны отца выступают способом компенсации неполной коммуникации с ребенком вне

встреч. Отцы с фрагментарной вовлеченностью намного реже подключаются к организационным задачам по планированию жизни ребенка. Иногда они вовлекаются в проверку домашних заданий и сопровождение детей на кружки и секции, но эти активности ограничены свободным от работы временем отца. Такие отцы берут на себя все родительские функции в тот период, когда ребенок живет у них, но после расставания переключаются на решение рабочих вопросов, поскольку для них в приоритете хороший заработок для содержания себя, детей из предыдущих браков и членов новых семей.

Для информантов с моделью отцовства с элементами вовлеченности характерен точечный характер практик заботы. Встречи отца с ребенком происходят редко и нерегулярно из-за ограничений, возникающих по причине сильного материнского гейткипинга и/или большой территориальной дистанции между отцом и детьми. Поскольку большую часть времени отец недоступен для ребенка, он старается во время редких встреч компенсировать недостаток общения подарками и яркими впечатлениями в процессе совместного отдыха с ребенком. Встречи, также как у представителей предыдущей модели, носят досугово-развлекательный характер. За время встречи отец стремится произвести впечатление на ребенка, чтобы преодолеть его эмоциональную дистанцию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Aavik K., Velgan M. Vegan Men's Food and Health Practices: A Recipe for a More Health-Conscious Masculinity? // *American Journal of Men's Health*, Sept. 2021.
2. Åberg P., et al. What Should a Russian Father Be like? Exploring Fatherhood Norms and Identifying Norm Patterns among Inhabitants of Saint Petersburg // *International Political Science Review / Revue Internationale de Science Politique*, vol. 39, №4, 2018. P. 487–502.

3. Adams C. Respect and reputation: The construction of masculinity in poor African American men // *Journal of African American Studies*, 2007. №11.3. P.157-172.
4. Ahrons C.R., Tanner J.L. Adult Children and Their Fathers: Relationship Changes 20 Years after Parental Divorce // *Family Relations*, vol. 52, №4, 2003. P.340–51.
5. Anderson E. *Inclusive Masculinities. The Changing Nature of Masculinity*. London: Routledge, 2009.
6. Anderson E.A. et al. Low-Income Fathers and ‘Responsible Fatherhood’ Programs: A Qualitative Investigation of Participants’ Experiences // *Family Relations*, vol. 51, №2, 2002. P. 148–55.
7. Andreasson J., Johansson T. Becoming a half-time parent: Fatherhood after divorce // *Journal of Family Studies*, 2019. №25.1 P. 2-17.
8. Anttonen A., Sipilä J. European social care services: is it possible to identify models? // *Journal of European Social Policy*, 1996. Vol. 6. № 2. P. 87–100.
9. Barry B. (Re)fashioning masculinity: Social Identity and Context in Men’s Hybrid Masculinities through Dress // *Gender and Society*, vol. 32, №5, 2018. P. 638–62.
10. Baskerville S. The politics of fatherhood // *PS: Political Science & Politics*, 2002. №35.4. P. 695-699.
11. Beck U., Beck-Gernsheim E. *The Normal Chaos of Love*. Cambridge: Polity Press, 1995.
12. Behson S, Robbins N. The Effects of Involved Fatherhood on Families, and How Fathers can be Supported both at the Workplace and in the Home // *Development*, 2016. May. №12:13.
13. Brandth B., Kvande E. Masculinity and Fathering Alone during Parental Leave // *Men and Masculinities*, 2018. №21(1). P.72–90.

14. Brewer M. Good Ol' Country Boys Playin' on the Farm: Online Articulations of Rural Masculinity by Men Who Have Sex with Men // *Sexuality & Culture*, 2018. №22. P.355–379.
15. Brown E. We wear the mask: African American contemporary gay male identities // *Journal of African American Studies*, 2005. №9. P. 29–38.
16. Brown J. Masculinity and Dancehall // *Caribbean Quarterly*, 1999. №45.1. P. 1–16.
17. Bryman A. *Social research methods*. Oxford university press, New York, 2016.
18. Bryman A. *Social research methods*. 2nd Edition. Oxford University Press, New York, 2004.
19. Bumpass L.L. What's happening to the family: Interactions between demographic and institutional change // *Demography*, 1990. №27. P. 483-498.
20. Carrigan T., Connell B., Lee J. Toward a new sociology of masculinity // *Theory and society*, 1985. №14.5. P. 551-604.
21. Carton E. Vietnam and the Limits of Masculinity // *American Literary History*, 1991. №3(2). P. 294–318.
22. Chan, Yk. Toxic Masculinity in Singapore: National Service, Sexual Harassment, and the #MeToo Movement. // *East Asia*, 2022. № 39. P. 225–238.
23. Christensen A., Kyed M. From military to militarizing masculinities // *NORMA*, 2022. №17(1). P.1-4.
24. Clarke V., Braun V. Using thematic analysis in psychology // *Qualitative research in psychology*. 2006. T. 3. №. 2. C. 77-101.
25. Coltrane S. *Gender, Power, and Emotional Expression: Social and Historical Contexts for a Process Model of Men in Marriages and Families*. New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1998.
26. Connell R.W. *Masculinities*. Cambridge: Polity Press, 1995.
27. Connell R.W., Connell R. *The men and the boys*. University of California Press, 2000.

28. Connell R.W., Messerschmidt J.W. Hegemonic masculinity: Rethinking the concept // *Gender & society*, 2005. №19.6. P. 829-859.
29. Cooper M. Being the “go-to guy”: Fatherhood, masculinity, and the organization of work in Silicon Valley // *Qualitative Sociology*, 2000. №23(4). P.379-405.
30. Crespi I., Ruspini E. Balancing work and family in a changing society. *The Fathers’ Perspective*. 2016.
31. Daly M. Care as a Good for Social Policy // *Journal of Social Policy*, 2002. Vol. 31. № 2. P. 251–270.
32. Daly M., Rake K. *Gender and the Welfare State. Care, Work and Welfare in Europe and the USA*. Cambridge: Polity Press, 2003.
33. Day R.D., Lamb, M.E. *Measuring and Conceptualizing Fatherhood Involvement*. Mahwah, NJ: Erlbaum, 2004.
34. Day R.D., Lewis C., O’Brien M. and Lamb M.E. Fatherhood and father involvement: emerging constructs and theoretical orientations, in V.L. Bengston, A.C. Acock, K.R. Allen, P. Dillworth-Anderson and D.M. Klein (eds) *Sourcebook of Family Theory and Research*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2005.
35. Demetriou D.Z. Connell's concept of hegemonic masculinity: A critique // *Theory and society*, 2001. №30.3. P.337-361.
36. Dermott E., Miller T. More than the sum of its parts? Contemporary fatherhood policy, practice and discourse // *Families, Relationships and Societies*. 2015. Vol. 4. № 2. P. 183–195.
37. Dinner D. The divorce bargain: the fathers’ rights movement and family inequalities // *Virginia Law Review*, vol. 102, №1, 2016. P.79–152.
38. Doherty W. et al. Responsible Fathering: An Overview and Conceptual Framework // *Journal of Marriage and Family*, vol. 60, №2, 1998. P. 277–92.
39. Doherty W.J. *Soul searching: Why psychotherapy must promote moral responsibility*. New York: Basic Books, 1995.

40. Doherty W.J., Boss P.G., LaRossa R., Schumm W.R., Steinmetz S.K. Family theories and methods: A contextual approach. New York: Plenum Press, 1993.
41. Eisen D.B., Yamashita L. Borrowing from Femininity: The Caring Man, Hybrid Masculinities, and Maintaining Male Dominance // Men and Masculinities, vol. 22, №5, Dec. 2019. P. 801–820.
42. Elliott K. Caring Masculinities: Theorizing an Emerging Concept // Men and Masculinities, vol. 19, №3, Aug. 2016. P. 240–259.
43. Elliott K. Zum Problem von Macht und Dominanz im Konzept Caring Masculinities. In: Scholz S., Heilmann A. (eds.) Caring Masculinities? Männlichkeiten in der Transformation kapitalistischer Wachstumsgesellschaften. Munich: OEKOM Verlag. 2019. P. 201—212.
44. Fagan J., Barnett M. The relationship between maternal gatekeeping, paternal competence, mothers' attitudes about the father role, and father involvement // Journal of family issues, 2003. №24(8). P.1020-1043.
45. Fejes, F. Bent passions: Heterosexual masculinity, pornography, and gay male identity // Sexuality & Culture, 2002. №6. P.95.
46. Finzi-Dottan R., Cohen O. Fatherhood: Comparison Between Divorced Custodial Fathers, Married Fathers, and Divorced Non-Custodial Fathers in Israel // Marriage & Family Review, 2016.
47. Finzi-Dottan R., Cohen O., Tangir-Dotan G. The Fatherhood Experience of Divorced Custodial Fathers in Israel // Family Relations, 2014. №63.
48. Flick U. An introduction to qualitative research. Sage, 2014.
49. Flood M. Separated fathers and the «fathers' rights» movement // Journal of Family Studies, 2012. №18:2-3. P. 235-345.
50. Fuller N. Work and Masculinity Among Peruvian Urban Men // Eur J Dev Res, 2000. №12. P.93–114.
51. Garrigan T., Connell B., Lee J. Toward a new sociology of masculinity // Theory and society, 1985. №14.5. P. 551-604.

52. Gärtner M., Schwerma K., Beier S. FOCUS. Fostering Caring Masculinities. Documentation of the German Expert Study. Berlin: Dissens e.V. and gender Werk, 2007.
53. Giddens A. The Transformation of Intimacy. Sexuality, Love & Eroticism in Modern Societies. Cambridge: Polity Press, 1992.
54. Goffman E. Gender display // Studies in the Anthropology of Visual Communication. 1976. №3. P. 69-77.
55. Goffman E. The arrangement between sexes // Theory and society. 1977. №4. P. 301-331.
56. Graaf P.M., Fokkema T. Contacts between Divorced and Non-Divorced Parents and Their Adult Children in the Netherlands: An Investment Perspective // European Sociological Review, vol. 23, №2, 2007. P. 263–77.
57. Graf T. Who Cares? A Study on Fatherhood after Separation in Sweden and Germany. 2021.
58. Graf T.E., Wojnicka K. Post-separation fatherhood narratives in Germany and Sweden: between caring and protective masculinities // Journal of Family Studies, 2021.
59. Graham H. The concept of caring in feminist research: The case of domestic service // Sociology, 1991. Vol. 25. № 1. P. 61–78.
60. Grill L. Creating Citizens, Making Men: The Military and Masculinity in Bolivia // Cultural Anthropology, 1997. №12(4). P.527–550.
61. Gürmen M.S., Anderson S.R., Brown E. Relationship with extended family following divorce: a closer look at contemporary times // Journal of Family Studies, 2021. №27:1. P.48-62.
62. Hammersley C., et al. That's Me I Am the Farmer of the Land': Exploring Identities, Masculinities, and Health Among Male Farmers' in Ireland // American Journal of Men's Health, July 2021.
63. Hammill J. The Culture of Masculinity in an Australian Indigenous Community // Development. №44, 2001. P. 21–24.

64. Han C. Geisha of a different kind: Gay Asian men and the gendering of sexual identity // *Sex Cult.* №10, 2006. P.3–28.
65. Hearn J., Kimmel MS. Changing studies on men and masculinities. *Handbook of gender and women's studies.* 2006. P. 53-71.
66. Hoang T. et al. 'Because I Am a Man, I Should Be Gentle to My Wife and My Children': Positive Masculinity to Stop Gender-Based Violence in a Coastal District in Vietnam // *Gender and Development*, vol. 21, №1, 2013. P. 81–96.
67. Hobson B., Morgan D. Introduction: making men into fathers // *Making Man into Fathers. Men, Masculinities and the Social Politics of Fatherhood* / Ed. by Hobson B. Cambridge University Press, 2002. PP. 1–25.
68. Hochschild A. *The Commercialization of the Intimate Life: Notes from Home and Work.* Berkeley and Los Angeles, California: University of California Press, 2003.
69. Holmes E.K., Hawkins A.J., Egginton B.M., Robbins N., Shafer K. Final Evaluation Report: Do Responsible Fatherhood Programs Work? A comprehensive meta-analytic study. *Fatherhood Research and Practice Network*, 2018 Dec.
70. Holmes E.K., Hawkins A.J., Egginton B.R., Robbins N.L., Shafer K. Do responsible fatherhood programs work? A comprehensive meta-analytic study // *Family Relations*, 2020. №69(5). P.967-982.
71. Honneth A. *The Fragmented World of the Social: Essays in Social and Political Philosophy.* Albany, NY: SUNY Press, 1995.
72. Hrženjak M., Humer Ž. Caring Masculinities and Flexibilisation of Labour Markets: Fathers in Precarious and Managerial Employment in Slovenia // *Gender Questions*, vol. 6, №1, Sept. 2018.
73. Hughson M. Caring men and masculinities on the Balkan semiperiphery // *Teorija in praksa* volume 56. №4, 2019. P. 1001-1016, 1205.
74. Hunter S.C., Riggs D.W., Augoustinos M. Hegemonic masculinity versus a caring masculinity: Implications for understanding primary caregiving fathers // *Soc Personal Psychol Compass*, 2017.

75. Johansson T. The conundrum of fatherhood. Theoretical Explorations // International Journal of Sociology of the Family, vol. 37, №2, 2011.
76. Joshi M. «I Do Not Want to be a Weekend Papa»: The Demographic «Crisis», Active Fatherhood, and Emergent Caring Masculinities in Berlin // Journal of Family Issues, 2021. №42 (5). P.883-907.
77. Kaganas F., Sclater D.S. Contact Disputes: Narrative Constructions of Good Parents // Feminist Legal Studies, 2004. Jan. №12(1). P. 1-27.
78. Kalil A. et al. Divorced Fathers' Proximity and Children's Long-Run Outcomes: Evidence From Norwegian Registry Data // Demography, vol. 48, №3, 2011. P.1005–27.
79. Kalmijn M. Father Involvement in Childrearing and the Perceived Stability of Marriage // Journal of Marriage and Family, vol. 61, №2, 1999. P. 409–21.
80. Kalmijn M. Father-child relations after divorce in four European countries: Patterns and determinants // Comparative Population Studies, 2015. №40.3.
81. Kimmel M. Manhood in America: A cultural history. New York: Free Press, 1996.
82. Klinth R., Johansson T. Nya svenska fader, Umea: Borea förlag, 2010.
83. Lander A. Toward an understanding of the complexities surrounding forgiveness among men struggling with paternal attachment injury // Journal of Family Studies, 2020. №26:2. P.188-207.
84. LaRossa R. Fatherhood and social change // Family Relations, 1988. №36. P. 451-458.
85. LaRossa R. The modernization of fatherhood: A social and political history. Chicago: University of Chicago Press, 1997.
86. LaRossa R., Reitzes D. Symbolic Interactionism and Family Studies. New York: Plenum Press, 1993.
87. Laufenberg M. Fürsorge, Männlichkeit und Postwachstum — Ein Kommentar. Feministische Studien. Vol. 35. No. 2, 2017. P. 359—364.

88. Leopold T., Kalmijn M. Is Divorce More Painful When Couples Have Children? Evidence From Long-Term Panel Data on Multiple Domains of Well-Being // *Demography*, vol. 53, №6, 2016. P. 1717–1742.
89. Levine J.A., Pitt E.W. *New expectations: Community strategies for responsible fatherhood*. New York: Families and Work Institute, 1995.
90. Lewington L., Lee J., Sebar B. «I'm not Just a Babysitter»: Masculinity and Men's Experiences of First-Time Fatherhood // *Men and Masculinities*, 2021. №24(4). P. 571–589.
91. Lewis C., Lamb M. *Understanding Fatherhood. A Review of Recent Research*, report of Joseph Rowntree Foundation, York, 2007.
92. Lewis J. Gender and the development of welfare regimes // *Journal of European Social Policy*. 1992. Vol. 2. No. 3. PP. 159–173.
93. Lim A. Confucian masculinity: State advocacy of active fatherhood in Singapore // *Men and Masculinities*, 2021. №24.1. P. 46-63.
94. Liu Y., Dittman C.K., Guo M. et al. Influence of Father Involvement, Fathering Practices and Father-Child Relationships on Children in Mainland China // *J Child Fam Stud*, 2021. №30. P.1858–1870.
95. Liu Y., et al. Influence of Father Involvement, Fathering Practices and Father-Child Relationships on Children in Mainland China // *Journal of Child and Family Studies*, 2021. №30.8. P. 1858-1870.
96. Machin A.J. Mind the Gap: The Expectation and Reality of Involved Fatherhood // *Fathering: A Journal of Theory, Research & Practice about Men as Fathers*, 2015. №13(1).
97. Maldonado S. Beyond economic fatherhood: Encouraging divorced fathers to parent // *U. pa. l. Rev.*, 2004. №153:921.
98. Messner M. *Politics of Masculinities: Men in Movements*. Thousand Oaks, CA: Sage, 1997.
99. Meuser M. Entgrenzungen von Erwerbsarbeit und Familie: Neubestimmung der Position des Mannes in der Familie? In: Lengersdorf D., Meuser

M. (eds.) Männlichkeiten und der Strukturwandel von Erwerbsarbeit in globalisierten Gesellschaften. Diagnosen und Perspektiven. Weinheim/Basel: Beltz Juventa. 2016. P. 159—179.

100. Mitchell E. et al. Caring Masculinities in the Context of HIV Serodiscordant Relationships in Papua New Guinea // *Men and Masculinities*, vol. 24, №2, June 2021. P. 326–344.

101. Molander S., Kleppe I.A., Ostberg J. Hero shots: involved fathers conquering new discursive territory in consumer culture // *Consumption Markets & Culture*, 2019. №22:4. P.430-453.

102. Moloney L. «Meaningful relationships» in the Family Law Act Amendments of 2006: A socio-legal perspective on fathers, mothers and the ‘sharing’ of parenting after separation // *Journal of Family Studies*, 2009. №15:1. P. 9-19.

103. Natalier K.A. Descriptions of loss and resilience among fathers paying child support // *Journal of Family Studies*, 2012. №18:2-3. P. 246-255.

104. Noël-Miller C.M. Repartnering Following Divorce: Implications for Older Fathers’ Relations With Their Adult Children // *Journal of Marriage and Family*, vol. 75, №3, 2013. P. 697–712.

105. Palkovitz R. Reconstructing “involvement”: expanding conceptualizations of men’s caring in contemporary families’, in A.J. Hawkins and D.C. Dollahite (eds) *Generative Fathering: Beyond Deficit Perspectives*. Thousand Oaks, CA: Sage, 1997.

106. Pankratz A. Mention the War // *Anglistik*, 2020. № 31(2) P.93–109

107. Parsons T., Bales R.F. *Family, socialization and interaction process*. New York: Free Press, 1955.

108. Perez-Vaisvidovsky N., Strier R. Intersectionality and Fatherhood: Theorizing Non-Hegemonic Fatherhoods // *Journal of Family Theory & Review*, 2021. №13.

109. Pfau-Effinger B. Conclusion: gender cultures, gender arrangements and social change in the European context // *Gender, Economy and Culture in the European Union* / Ed. by S. Duncan, B. Pfau-Effinger. Routledge, 2000. PP. 262–273.
110. Philip G. Fathering after separation or divorce: navigating domestic, public and moral spaces // *Families, relationships and societies*, 2014. №3(2). P. 219-233.
111. Pleck J., Masciadrelli B.P. Paternal involvement by US resident fathers: levels sources and consequences, in M.E. Lamb (ed.) *The Role of the Father in Child Development*. Chichester: Wiley, 2004.
112. Pleck J.H. *The Myth of Masculinity*. Cambridge, 1981.
113. Poortman A., Seltzer J. Parents' Expectations about Childrearing after Divorce: Does Anticipating Difficulty Deter Divorce? // *Journal of Marriage and Family*, vol. 69, №1, 2007. P. 254–269.
114. Ralph D. 'Who should do the caring'? Involved fatherhood and ambivalent gendered moral rationalities among cohabiting/married irish parents // *Community, Work & Family*, 2016. №19:1. P.63-79.
115. Ralph D. 'Who should do the caring'? Involved fatherhood and ambivalent gendered moral rationalities among cohabiting/married irish parents // *Community, Work & Family*, 2016. №19:1. P.63-79.
116. Randles J. 'Manning up' to be a good father: Hybrid Fatherhood, Masculinity, and U.S. Responsible Fatherhood Policy // *Gender and Society*, vol. 32, №4, 2018. P.516–39.
117. Ruby S., Scholz S. Care, care work and the struggle for a careful world from the perspective of the sociology of masculinities // *Österreich Z Soziol*, 2018. №43. P. 73–83.
118. Scambor E., Gärtner M. Barriers and Supportive Conditions for Caring Masculinities // *Teorija in Praksa*, vol. 56, №4, Jan. 2020. P. 1087–1104.
119. Scambor E., Holter O. G., Theunert M. Caring Masculinities — Men as Actors and Beneficiaries of Gender Equality // In: *Documentation of the 3rd*

International Conference on Men and Equal Opportunities, Luxemburg-2016. 2018. P. 27—37.

120. Scott M.E. et al. Postdivorce Father-Adolescent Closeness // *Journal of Marriage and Family*, vol. 69, №5, 2007. P. 1194–1209.

121. Seltzer J.A., Bianchi S.M. Children's Contact with Absent Parents // *Journal of Marriage and Family*, vol. 50, №3, 1988. P. 663–677.

122. Sevenhuijsen S. Caring in the third way: The relation between obligation, responsibility and care in Third Way discourse // *Critical Social Policy*, 2000. Vol. 20. № 1. P. 5–37.

123. Seymour K. Imprisoning masculinity // *Sex Cult*, 2003. №7. P. 27–55.

124. Shapiro A., Lambert J.D. Longitudinal Effects of Divorce on the Quality of the Father-Child Relationship and on Fathers' Psychological Well-Being // *Journal of Marriage and Family*, vol. 61, №2, 1999. P. 397–408.

125. Sharma A., Samanta T. Crafting «Youthful» Desire, «Doing» Masculinity: Narratives of Middle-Aged to Older Men in Grindr Grid and Offline Spaces in Mumbai, India // *Ageing Int*, 2020. №45. P.361–379.

126. Smart C. *Personal Life. New Directions in Sociological Thinking*. Cambridge: Polity Press, 2007.

127. Smyth B. A 5-year retrospective of post-separation shared care research in Australia // *Journal of Family Studies*, 2009. №15:1. P.36-59.

128. Smyth B., Moloney L. Changes in patterns of post-separation parenting over time: A brief review // *Journal of Family Studies*, 2008. №14:1. P.7-22.

129. Spector-Mersel G., Gilbar O. From Military Masculinity toward Hybrid Masculinities: Constructing a New Sense of Manhood among Veterans Treated for PTSS // *Men and Masculinities*. №24(5), 2021. P.862–883.

130. Stacey J. *Gay Parentyhood and the Decline of Paternity as we know it* // *Sexualities*, 2006. №9(1). P. 27-55.

131. Stevens E. Understanding discursive barriers to involved fatherhood: the case of Australian stay-at-home fathers // *Journal of Family Studies*, 2015. №21:1. P. 22-37.
132. Suwada K. Parenting and Work in Poland: A Gender Studies Perspective // Springer Nature, 2021.
133. Tamis LeMonda C. and Cabrera N. (eds) *Handbook of Father Involvement*. Mahwah, NJ: Erlbaum, 2002.
134. Tereškinas A., Maslauskaitė A. Undoing fatherhood: postdivorce fathering practices in Lithuania // *NORMA*, 2019. №14:1. P.18-34.
135. Thompson A., Lawson E. African American Men and Fatherhood: A Look from Divorced Fathers // *Journal of African American Men*, vol. 4, №1, 1999. P.37–51.
136. Threlfall J., Kohl P. Addressing child support in fatherhood programs: Perspectives of fathers and service providers // *Family Relations*, 2015. №64.2. P. 291-304.
137. Troilo J., Coleman M. Full-Time, Part-Time Full-Time, and Part-Time Fathers: Father Identities Following Divorce // *Family Relations*, vol. 61, №4, 2012. P.601–614.
138. Tronto J. C. *Moral Boundaries. A Political Argument for an Ethic of Care*. L.: Routledge, 1993.
139. Turner J. et al. Addressing the Subjective Well-Being of Incarcerated Fathers: The Role of Fatherhood Education // *Journal of Correctional Education*, vol. 71, №2, 2020. P. 75–99.
140. Tuttle L. *Encyclopedia of feminism*. New York.: 1986.
141. U.S. Bureau of the Census *Household and family characteristics* // *Current Population Reports*, Series P20-483. Washington, DC: U.S. Government Printing Office, 1994.
142. Ungerson C. Gender, cash and informal care: European perspectives and dilemmas // *Journal of Social Policy*, 1995. Vol. 24. № 1. P. 31–52.

143. Ungerson C. Social Politics and the Commodification of Care // Social Politics, 1997. Fall. P. 362–381.
144. Wall G., Arnold S. How involved is involved fathering? An exploration of the contemporary culture of fatherhood // Gender & society, 2007. №21(4). P.508-527.
145. Wallerstein J.S., Lewis J.M. Divorced Fathers and Their Adult Offspring: Report from a Twenty-Five-Year Longitudinal Study // Family Law Quarterly, vol. 42, №4, 2009. P. 695–711.
146. West C. Zimmerman D.H. Doing gender // Gender & Society. 1(2), 1987. P.125–151.
147. Westphal S., Poortman A., Van Der Lippe T. Non-resident father–child contact across divorce cohorts: The role of father involvement during marriage // European Sociological Review, 2014. №30.4. P: 444-456.
148. Williams G. In Behalf of Fathers // Social Work, vol. 23, №4, 1978, P. 331–44.
149. Wise S.J. Redefining black masculinity and manhood: Successful black gay men speak out // Journal of African American Men. №5, 2001. P. 3–22.
150. Wojnicka K., Mellström U., de Boise S. On war, hegemony and (political) masculinities // NORMA. 17(2) , 2022. P.83-87.
151. Wolfe A. Whose keeper? Social science and moral obligation. Berkeley: University of California Press, 1989.
152. Абрамова М.О., Сухушина Е.В., Рыкун А.Ю. Воспроизводство маскулинности: семья как основной агент социализации // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2018. №41.
153. Авдеева А. В. «Вовлеченное отцовство» в современной России: стратегии участия в уходе за детьми // Социологические исследования. 2012. №11. С. 95-104.

154. Авдеева А. Ресурсы и барьеры активного участия отцов в заботе о детях / Трансформации маскулинности в XXI веке // Под ред. И.Н. Тартаковской. М.: Фонд имени Генриха Бёлля, Издательство «Звенья», 2013.

155. Авдеева А., Исупова О., Кулешова А., Чернова Ж., Шпаковская Л. Родительство 2.0: Почему современные родители должны разбираться во всем? М.: Альпина Паблишер, 2021.

156. Авдеева А.В. «Вовлеченное отцовство» в современной России: стратегии участия в уходе за детьми // Социологические исследования. 2012. №11. С. 95—104.

157. Ангелова Е., Темкина А. Отец, участвующий в родах: гендерное партнерство или ситуативный контроль? // Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности: коллектив. Моногр. / под ред. Е. Здравомысловой, А. Роткирх, А. Темкиной. СПб., 2009. Р.473-507.

158. Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Зарубежная социальная психология XX столетия: теоретические подходы: учеб. пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2002. 287 с.

159. Ариф Э.М., Ревякина А.А. Избирательно-мягкая маскулинность: кейс мастеров ногтевого сервиса в Санкт-Петербурге // Интеракция. Интервью. Интерпретация, 2022. №14.1. С.89-105.

160. Байtimiрова Г.Ф. Современные проблемы адаптации женщин после развода // Academy. № 12(39), 2018. С. 98-99.

161. Бедарева К.А. Эмоциональное отношение к будущей семейной жизни молодых людей с опытом развода родителей // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. № 11, 2014. С. 286-289.

162. Безрукова О. Н., Самойлова В. А. «Продиктовано любовью...»: вовлеченное отцовство в российских семьях, воспитывающих детей с инвалидностью // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 5. С. 122—148.

163. Безрукова О.Н. Отцовство в трансформирующемся обществе: ожидания матерей и практики отцов // Социологические исследования, 2013. №11. Р.118-130.
164. Безрукова О.Н., Самойлова В.А. "Она не мать совсем...": образы бывших жен в дискурсе разведенных молодых отцов // Социологические исследования. 2020. № 12. С. 116-127.
165. Безрукова О.Н., Самойлова В.А. «Папы по любви» и «папы поневоле», или Почему российские отцы не идут в отпуск по уходу за ребенком? // Социологические исследования. 2019. №7. С. 90–101.
166. Безрукова О.Н., Самойлова В.А. Материнский гейткипинг в России: молодые отцы о матерях и барьерах доступности детей после развода // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. №3 (157), 2020. С. 463-498.
167. Безрукова О.Н., Самойлова В.А. Отцовство и поддержка отцов: тренды современных зарубежных исследований // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. №4 (158), 2020. С. 232-72.
168. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. / Пер. с англ. Е.Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995.
169. Бескровная Т.В. Отцовство как феномен. Понятие "отсутствующий отец" // Социальные и социально-педагогические проблемы: поиски и модели решения: Межвузовский сборник научных трудов / Науч. редактор М. В. Шакурова. Том № 17. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2020. С. 57-60.
170. Бороздина Е.А., Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Забота в постсоветском пространстве между патернализмом и неолиберализмом: феминистские исследования // Критическая социология заботы: перекрестки социального неравенства. / Санкт-Петербург: Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования "Европейский университет в Санкт-Петербурге", 2019. С. 6-23.

171. Галиуллина А.Г. Психологические переживания женщины в первый год после развода // Международный студенческий научный вестник. № 5, 2020. С. 12.
172. Гафизова Н.Б., Смирнова Д.И. Отцовство как социальный феномен в полных семьях и неполных (вследствие развода, на примере г. Иваново) // Женщина в российском обществе, 2015. №3-4. Р.67-77.
173. Гулакова К.А., Лобач В.В., Морозова Ю.М., Побокин П.А. Воздействие разводов родителей на психическое состояние детей // Смоленский медицинский альманах. № 4, 2021. С. 167-169.
174. Гурко Т.А. Брак и родительство в России. Институт социологии РАН, 2008.
175. Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А. Что такое «маскулинность»? Понятийные отмычки критических исследований мужчин и маскулинностей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. №6, 2018. С. 48-73.
176. Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А. 12 лекций по гендерной социологии: учебное пособие. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 768с.
177. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социальное конструирование гендера // Социологический журнал. 1998. №3-4.
178. Иванова Е.А. «Я себя не отношу к хорошим папам, в лучшем случае, к нормальным»: как российские мужчины конструируют образ «хорошего отца» после развода // Журнал социологии и социальной антропологии, 2017. №20 (5).
179. Игаева К.В. Гендерные исследования «новых войн»: воспроизводство маскулинности или переосмысление представлений о мужестве // Социология власти. №30(1), 2018. Р. 245-251.
180. Ильдарханова Ч.И. Отцовство как социально конструируемый феномен: гендерный аспект // Социодинамика. 2019. № 12.

181. Киммел М. Гендерное общество: пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2006. 464 с.
182. Клецина И.С. Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности // Женщина в российском обществе, 2009. № 3. Р.29-41.
183. Кон И.С. Отцовство как компонент мужской идентичности // Демоскоп Weekly 2006. № 237/238. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0237/analit03.php> (дата обращения: 24.04.2023).
184. Кон И. С. Отцовство как социокультурный институт // Педагогика. 2005. № 9. С. 3-16.
185. Кон И.С. Гендер и маскулинность, сыновья и отцы // Журнал социологии и социальной антропологии, 2012. №15(1).
186. Кон И.С. Мальчик-отец мужчины. М.: Время, 2009.
187. Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. 496 с.
188. Кравченко Ж.В, Мотеюнайте А. Женщины и мужчины на работе и дома: гендерное разделение труда в России и Швеции // Журнал исследований социальной политики, 2008. №6.2. Р.177-200.
189. Кравченко Ж.В. Мужчины в заботе о детях: сравнительный анализ России, Франции и Норвегии // Журнал социологии и социальной антропологии, 2012. №15(1).
190. Майофис М., Кукулин И. Новое родительство и его политические аспекты // Pro et Contra, 2010. Т.14, № 1/2, С. 6–19.
191. Малышева М.М. Анализ качественных данных в гендерных исследованиях // Гендерный калейдоскоп / под ред. Воронина В. А. и др. М.: Academia, 2002. С. 146-169.
192. Марсьяль А., Ушкова Е.Л. Современное отцовство и новые семейные траектории // Новые социальные практики в зеркале социологии, 2019. С. 154-162.

193. Насретдинова Э.Р, Макарова О.А. Исследование детской тревожности в ситуации развода родителей // Международный студенческий научный вестник. № 5-2, 2015. С. 295-296.
194. Павлов С.П. Развод как форма психоэмоциональной депривации детей // Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник. № 2, 2014. С. 74-93.
195. Пахарукова А.В. Социальная адаптация ребёнка после развода родителей // Актуальные проблемы социально-педагогической деятельности в регионе : Сборник материалов региональной научно-практической конференции, Курган, 25 марта 2009 года. / Курган: Курганский государственный университет, 2009. С. 33-37.
196. Полухина Е.В. Практики анализа качественных данных в социальных науках [Текст]: учеб. пособие / отв. ред. Е.В. Полухина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023.
197. Поляков С.И. Борцовская маскулинность в Дагестане как локальная гегемония // Социологические исследования. №10, 2021. С.116-24.
198. Рождественская Е.Ю. Вовлеченное отцовство, заботливая маскулинность // Мониторинг. 2020. №5 (159). Р. 155-158.
199. Рождественская Е.Ю. Отцовство: либеральный тренд от «отца» к «папе»? // Социологический журнал, 2010. №3. С.75-89.
200. Романов А.П. Практики «токсичной маскулинности» в позднесоветской армии как способ производства альтернативной социальной иерархии // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. №2, 2021. С.114-122.
201. Сорокина, В. Н. Институт отцовства и его защита // Теория права и межгосударственных отношений. 2021. Т. 2, № 8(20). С. 216-224.

202. Спасов В.Д. Феномен отцовства в контексте гендерных исследований // Научные проблемы гуманитарных исследований, 2011. №2. Р.274-279.

203. Тартаковская И.Н. Гендерная социология. М.: ООО «Вариант», 2005. 368 с.

204. Тартаковская И.Н. Советская гегемонная маскулинность и опыт участия в Афганской войне // Пути России: новые языки социального описания. М.: НЛО, 2014. С. 338-361.

205. Терехова Т.А., Малахаева С.К. Нарративный анализ как понимающий метод // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2015. №1 (41).

206. Ханюкова И.С. Адаптация матери-одиночки в современном социуме // Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра: Материалы V международной научной конференции, Санкт-Петербург, 09 декабря 2022 года. Том 3. / Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2022. С. 960-963.

207. Ходкевич М.К. Токсичная маскулинность в рекламе // Парадигма: философско-культурологический альманах. № 31, 2019. С. 143-151.

208. Чеботарева Е.Д. Построение маскулинности в спортивных досуговых клубах (на примере клуба американского футбола) // Энигма. №30, 2021. С. 125-129.

209. Чернова Ж. Модель «советского» отцовства: дискурсивные предписания // Российский гендерный порядок: социологический подход: Коллективная монография / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной, СПб.: Изд-во Европейского Университета в Санкт-Петербурге, 2007. С. 138–168.

210. Чернова Ж. Репрезентации отцовства: социологический анализ блогов // Интеракция. Интервью. Интерпретация, 2018. №15. С.6-23.

211. Чернова Ж. Семья как политический вопрос: государственный проект и практики приватности // Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.

212. Чернова Ж., Шпаковская Л. Молодые взрослые: супружество, партнерство и родительство. Дискурсивные предписания и практики в современной России // Laboratorium: журнал социальных исследований, 2010. №3.

213. Чернова Ж.В. Кто, о ком и на каких условиях должен заботиться? Гендерный анализ режимов заботы и семейной политики // ЖИСП. 2011. №3.

214. Чернова Ж.В. Отцовство и модели семейной политики // Вестник Нижегородского университета им. НИ Лобачевского. Серия: Социальные науки, 2011. №4 (24). С. 81-86.

215. Чернова Ж.В. Семейная политика в западноевропейских странах: модели отцовства // Журнал социологии и социальной антропологии, 2012. №15(1). С.103-122.

216. Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л. Профессионализация родительства: между экспертным и обыденным знанием // Журнал исследований социальной политики, 2016. №14 (4), С.521–534.

217. Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л. Том 1. Выпуск 2: Семья и родительство // Социодиггер, 2020. Сентябрь. (URL: <https://sociodigger.ru/3d-flip-book/2020vol1-2/#>)

218. Чикалова Е.А. Исследования отцовства и маскулинности: точки пересечения // Женщина в российском обществе, 2012. №2. Р.43-53.

219. Шевченко И.О. Ситуация после развода: отцы и дети // Социологические исследования, 2015. №3. С.70-77.

220. Шпаковская Л.Л. Дискурсивные практики родительства: политические вызовы и актуальные проблемы // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2013. №1 (21).

221. Янак А.Л. Отцовская вовлеченность в семьях различных типов // Вестник Нижегородского университета им. НИ Лобачевского. Серия: Социальные науки, 2018. №2 (50).

222. Ярская-Смирнова Е. Р. Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. Т. 3. С. 38-61.

REFERENCES

1. Aavik K., Velgan M. Vegan Men's Food and Health Practices: A Recipe for a More Health-Conscious Masculinity? // American Journal of Men's Health, Sept. 2021.
2. Åberg P., et al. What Should a Russian Father Be like? Exploring Fatherhood Norms and Identifying Norm Patterns among Inhabitants of Saint Petersburg // International Political Science Review / Revue Internationale de Science Politique, vol. 39, №4, 2018. P. 487–502.
3. Adams C. Respect and reputation: The construction of masculinity in poor African American men // Journal of African American Studies, 2007. №11.3. P.157-172.
4. Ahrons C.R., Tanner J.L. Adult Children and Their Fathers: Relationship Changes 20 Years after Parental Divorce // Family Relations, vol. 52, №4, 2003. P.340–51.
5. Anderson E. Inclusive Masculinities. The Changing Nature of Masculinity. London: Routledge, 2009.
6. Anderson E.A. et al. Low-Income Fathers and 'Responsible Fatherhood' Programs: A Qualitative Investigation of Participants' Experiences // Family Relations, vol. 51, №2, 2002. P. 148–55.
7. Andreasson J., Johansson T. Becoming a half-time parent: Fatherhood after divorce // Journal of Family Studies, 2019. №25.1 P. 2-17.
8. Anttonen A., Sipilä J. European social care services: is it possible to identify models? // Journal of European Social Policy, 1996. Vol. 6. № 2. P. 87–100.

9. Barry B. (Re)fashioning masculinity: Social Identity and Context in Men's Hybrid Masculinities through Dress // *Gender and Society*, vol. 32, №5, 2018. P. 638–62.
10. Baskerville S. The politics of fatherhood // *PS: Political Science & Politics*, 2002. №35.4. P. 695-699.
11. Beck U., Beck-Gernsheim E. *The Normal Chaos of Love*. Cambridge: Polity Press, 1995.
12. Behson S, Robbins N. The Effects of Involved Fatherhood on Families, and How Fathers can be Supported both at the Workplace and in the Home // *Development*, 2016. May. №12:13.
13. Brandth B., Kvande E. Masculinity and Fathering Alone during Parental Leave // *Men and Masculinities*, 2018. №21(1). P.72–90.
14. Brewer M. Good Ol' Country Boys Playin' on the Farm: Online Articulations of Rural Masculinity by Men Who Have Sex with Men // *Sexuality & Culture*, 2018. №22. P.355–379.
15. Brown E. We wear the mask: African American contemporary gay male identities // *Journal of African American Studies*, 2005. №9. P. 29–38.
16. Brown J. Masculinity and Dancehall // *Caribbean Quarterly*, 1999. №45.1. P. 1–16.
17. Bryman A. *Social research methods*. Oxford university press, New York, 2016.
18. Bryman A. *Social research methods*. 2nd Edition. Oxford University Press, New York, 2004.
19. Bumpass L.L. What's happening to the family: Interactions between demographic and institutional change // *Demography*, 1990. №27. P. 483-498.
20. Carrigan T., Connell B., Lee J. Toward a new sociology of masculinity // *Theory and society*, 1985. №14.5. P. 551-604.
21. Carton E. Vietnam and the Limits of Masculinity // *American Literary History*, 1991. №3(2). P. 294–318.

22. Chan, Yk. Toxic Masculinity in Singapore: National Service, Sexual Harassment, and the #MeToo Movement. // *East Asia*, 2022. № 39. P. 225–238.
23. Christensen A., Kyed M. From military to militarizing masculinities // *NORMA*, 2022. №17(1). P.1-4.
24. Clarke V., Braun V. Using thematic analysis in psychology // *Qualitative research in psychology*. 2006. Т. 3. №. 2. С. 77-101.
25. Coltrane S. *Gender, Power, and Emotional Expression: Social and Historical Contexts for a Process Model of Men in Marriages and Families*. New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1998.
26. Connell R.W. *Masculinities*. Cambridge: Polity Press, 1995.
27. Connell R.W., Connell R. *The men and the boys*. University of California Press, 2000.
28. Connell R.W., Messerschmidt J.W. Hegemonic masculinity: Rethinking the concept // *Gender & society*, 2005. №19.6. P. 829-859.
29. Cooper M. Being the “go-to guy”: Fatherhood, masculinity, and the organization of work in Silicon Valley // *Qualitative Sociology*, 2000. №23(4). P.379-405.
30. Crespi I., Ruspini E. *Balancing work and family in a changing society. The Fathers’ Perspective*. 2016.
31. Daly M. Care as a Good for Social Policy // *Journal of Social Policy*, 2002. Vol. 31. № 2. P. 251–270.
32. Daly M., Rake K. *Gender and the Welfare State. Care, Work and Welfare in Europe and the USA*. Cambridge: Polity Press, 2003.
33. Day R.D., Lamb, M.E. *Measuring and Conceptualizing Fatherhood Involvement*. Mahwah, NJ: Erlbaum, 2004.
34. Day R.D., Lewis C., O’Brien M. and Lamb M.E. Fatherhood and father involvement: emerging constructs and theoretical orientations, in V.L. Bengtson, A.C. Acock, K.R. Allen, P. Dillworth-Anderson and D.M. Klein (eds) *Sourcebook of Family Theory and Research*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2005.

35. Demetriou D.Z. Connell's concept of hegemonic masculinity: A critique // *Theory and society*, 2001. №30.3. P.337-361.
36. Dermott E., Miller T. More than the sum of its parts? Contemporary fatherhood policy, practice and discourse // *Families, Relationships and Societies*. 2015. Vol. 4. № 2. P. 183–195.
37. Dinner D. The divorce bargain: the fathers' rights movement and family inequalities // *Virginia Law Review*, vol. 102, №1, 2016. P.79–152.
38. Doherty W. et al. Responsible Fathering: An Overview and Conceptual Framework // *Journal of Marriage and Family*, vol. 60, №2, 1998. P. 277–92.
39. Doherty W.J. *Soul searching: Why psychotherapy must promote moral responsibility*. New York: Basic Books, 1995.
40. Doherty W.J., Boss P.G., LaRossa R., Schumm W.R., Steinmetz S.K. *Family theories and methods: A contextual approach*. New York: Plenum Press, 1993.
41. Eisen D.B., Yamashita L. Borrowing from Femininity: The Caring Man, Hybrid Masculinities, and Maintaining Male Dominance // *Men and Masculinities*, vol. 22, №5, Dec. 2019. P. 801–820.
42. Elliott K. Caring Masculinities: Theorizing an Emerging Concept // *Men and Masculinities*, vol. 19, №3, Aug. 2016. P. 240–259.
43. Elliott K. Zum Problem von Macht und Dominanz im Konzept Caring Masculinities. In: Scholz S., Heilmann A. (eds.) *Caring Masculinities? Männlichkeiten in der Transformation kapitalistischer Wachstumsgesellschaften*. Munich: OEKOM Verlag. 2019. P. 201—212.
44. Fagan J., Barnett M. The relationship between maternal gatekeeping, paternal competence, mothers' attitudes about the father role, and father involvement // *Journal of family issues*, 2003. №24(8). P.1020-1043.
45. Fejes, F. Bent passions: Heterosexual masculinity, pornography, and gay male identity // *Sexuality & Culture*, 2002. №6. P.95.

46. Finzi-Dottan R., Cohen O. Fatherhood: Comparison Between Divorced Custodial Fathers, Married Fathers, and Divorced Non-Custodial Fathers in Israel // *Marriage & Family Review*, 2016.
47. Finzi-Dottan R., Cohen O., Tangir-Dotan G. The Fatherhood Experience of Divorced Custodial Fathers in Israel // *Family Relations*, 2014. №63.
48. Flick U. An introduction to qualitative research. Sage, 2014.
49. Flood M. Separated fathers and the «fathers' rights» movement // *Journal of Family Studies*, 2012. №18:2-3. P. 235-345.
50. Fuller N. Work and Masculinity Among Peruvian Urban Men // *Eur J Dev Res*, 2000. №12. P.93–114.
51. Garrigan T., Connell B., Lee J. Toward a new sociology of masculinity // *Theory and society*, 1985. №14.5. P. 551-604.
52. Gärtner M., Schwerma K., Beier S. FOCUS. Fostering Caring Masculinities. Documentation of the German Expert Study. Berlin: Dissens e.V. and gender Werk, 2007.
53. Giddens A. The Transformation of Intimacy. Sexuality, Love & Eroticism in Modern Societies. Cambridge: Polity Press, 1992.
54. Goffman E. Gender display // *Studies in the Anthropology of Visual Communication*. 1976. №3. P. 69-77.
55. Goffman E. The arrangement between sexes // *Theory and society*. 1977. №4. P. 301-331.
56. Graaf P.M., Fokkema T. Contacts between Divorced and Non-Divorced Parents and Their Adult Children in the Netherlands: An Investment Perspective // *European Sociological Review*, vol. 23, №2, 2007. P. 263–77.
57. Graf T. Who Cares? A Study on Fatherhood after Separation in Sweden and Germany. 2021.
58. Graf T.E., Wojnicka K. Post-separation fatherhood narratives in Germany and Sweden: between caring and protective masculinities // *Journal of Family Studies*, 2021.

59. Graham H. The concept of caring in feminist research: The case of domestic service // *Sociology*, 1991. Vol. 25. № 1. P. 61–78.
60. Grill L. Creating Citizens, Making Men: The Military and Masculinity in Bolivia // *Cultural Anthropology*, 1997. №12(4). P.527–550.
61. Gürmen M.S., Anderson S.R., Brown E. Relationship with extended family following divorce: a closer look at contemporary times // *Journal of Family Studies*, 2021. №27:1. P.48-62.
62. Hammersley C., et al. That’s Me I Am the Farmer of the Land’: Exploring Identities, Masculinities, and Health Among Male Farmers’ in Ireland // *American Journal of Men’s Health*, July 2021.
63. Hammill J. The Culture of Masculinity in an Australian Indigenous Community // *Development*. №44, 2001. P. 21–24.
64. Han C. Geisha of a different kind: Gay Asian men and the gendering of sexual identity // *Sex Cult*. №10, 2006. P.3–28.
65. Hearn J., Kimmel MS. Changing studies on men and masculinities. *Handbook of gender and women’s studies*. 2006. P. 53-71.
66. Hoang T. et al. ‘Because I Am a Man, I Should Be Gentle to My Wife and My Children’: Positive Masculinity to Stop Gender-Based Violence in a Coastal District in Vietnam // *Gender and Development*, vol. 21, №1, 2013. P. 81–96.
67. Hobson B., Morgan D. Introduction: making men into fathers // *Making Man into Fathers. Men, Masculinities and the Social Politics of Fatherhood* / Ed. by Hobson B. Cambridge University Press, 2002. PP. 1–25.
68. Hochschild A. *The Commercialization of the Intimate Life: Notes from Home and Work*. Berkeley and Los Angeles, California: University of California Press, 2003.
69. Holmes E.K., Hawkins A.J., Egginton B.M., Robbins N., Shafer K. Final Evaluation Report: Do Responsible Fatherhood Programs Work? A comprehensive meta-analytic study. *Fatherhood Research and Practice Network*, 2018 Dec.

70. Holmes E.K., Hawkins A.J., Egginton B.R., Robbins N.L., Shafer K. Do responsible fatherhood programs work? A comprehensive meta-analytic study // *Family Relations*, 2020. №69(5). P.967-982.
71. Honneth A. *The Fragmented World of the Social: Essays in Social and Political Philosophy*. Albany, NY: SUNY Press, 1995.
72. Hrženjak M., Humer Ž. Caring Masculinities and Flexibilisation of Labour Markets: Fathers in Precarious and Managerial Employment in Slovenia // *Gender Questions*, vol. 6, №1, Sept. 2018.
73. Hughson M. Caring men and masculinities on the Balkan semiperiphery // *Teorija in praksa* volume 56. №4, 2019. P. 1001-1016, 1205.
74. Hunter S.C., Riggs D.W., Augoustinos M. Hegemonic masculinity versus a caring masculinity: Implications for understanding primary caregiving fathers // *Soc Personal Psychol Compass*, 2017.
75. Johansson T. The conundrum of fatherhood. Theoretical Explorations // *International Journal of Sociology of the Family*, vol. 37, №2, 2011.
76. Joshi M. «I Do Not Want to be a Weekend Papa»: The Demographic «Crisis», Active Fatherhood, and Emergent Caring Masculinities in Berlin // *Journal of Family Issues*, 2021. №42 (5). P.883-907.
77. Kaganas F., Sclater D.S. Contact Disputes: Narrative Constructions of Good Parents // *Feminist Legal Studies*, 2004. Jan. №12(1). P. 1-27.
78. Kalil A. et al. Divorced Fathers' Proximity and Children's Long-Run Outcomes: Evidence From Norwegian Registry Data // *Demography*, vol. 48, №3, 2011. P.1005–27.
79. Kalmijn M. Father Involvement in Childrearing and the Perceived Stability of Marriage // *Journal of Marriage and Family*, vol. 61, №2, 1999. P. 409–21.
80. Kalmijn M. Father-child relations after divorce in four European countries: Patterns and determinants // *Comparative Population Studies*, 2015. №40.3.
81. Kimmel M. *Manhood in America: A cultural history*. New York: Free Press, 1996.

82. Klinth R., Johansson T. *Nya svenska fader*, Umea: Borea förlag, 2010.
83. Lander A. Toward an understanding of the complexities surrounding forgiveness among men struggling with paternal attachment injury // *Journal of Family Studies*, 2020. №26:2. P.188-207.
84. LaRossa R. *Fatherhood and social change* // *Family Relations*, 1988. №36. P. 451-458.
85. LaRossa R. *The modernization of fatherhood: A social and political history*. Chicago: University of Chicago Press, 1997.
86. LaRossa R., Reitzes D. *Symbolic Interactionism and Family Studies*. New York: Plenum Press, 1993.
87. Laufenberg M. Fürsorge, Männlichkeit und Postwachstum — Ein Kommentar. *Feministische Studien*. Vol. 35. No. 2, 2017. P. 359—364.
88. Leopold T., Kalmijn M. Is Divorce More Painful When Couples Have Children? Evidence From Long-Term Panel Data on Multiple Domains of Well-Being // *Demography*, vol. 53, №6, 2016. P. 1717–1742.
89. Levine J.A., Pitt E.W. *New expectations: Community strategies for responsible fatherhood*. New York: Families and Work Institute, 1995.
90. Lewington L., Lee J., Sebar B. «I'm not Just a Babysitter»: Masculinity and Men's Experiences of First-Time Fatherhood // *Men and Masculinities*, 2021. №24(4). P. 571–589.
91. Lewis C., Lamb M. *Understanding Fatherhood. A Review of Recent Research*, report of Joseph Rowntree Foundation, York, 2007.
92. Lewis J. Gender and the development of welfare regimes // *Journal of European Social Policy*. 1992. Vol. 2. No. 3. PP. 159–173.
93. Lim A. Confucian masculinity: State advocacy of active fatherhood in Singapore // *Men and Masculinities*, 2021. №24.1. P. 46-63.
94. Liu Y., Dittman C.K., Guo M. et al. Influence of Father Involvement, Fathering Practices and Father-Child Relationships on Children in Mainland China // *J Child Fam Stud*, 2021. №30. P.1858–1870.

95. Liu Y., et al. Influence of Father Involvement, Fathering Practices and Father-Child Relationships on Children in Mainland China // *Journal of Child and Family Studies*, 2021. №30.8. P. 1858-1870.
96. Machin A.J. Mind the Gap: The Expectation and Reality of Involved Fatherhood // *Fathering: A Journal of Theory, Research & Practice about Men as Fathers*, 2015. №13(1).
97. Maldonado S. Beyond economic fatherhood: Encouraging divorced fathers to parent // *U. pa. l. Rev.*, 2004. №153:921.
98. Messner M. *Politics of Masculinities: Men in Movements*. Thousand Oaks, CA: Sage, 1997.
99. Meuser M. Entgrenzungen von Erwerbsarbeit und Familie: Neubestimmung der Position des Mannes in der Familie? In: Lengersdorf D., Meuser M. (eds.) *Männlichkeiten und der Strukturwandel von Erwerbsarbeit in globalisierten Gesellschaften. Diagnosen und Perspektiven*. Weinheim/Basel: Beltz Juventa. 2016. P. 159—179.
100. Mitchell E. et al. Caring Masculinities in the Context of HIV Serodiscordant Relationships in Papua New Guinea // *Men and Masculinities*, vol. 24, №2, June 2021. P. 326–344.
101. Molander S., Kleppe I.A., Ostberg J. Hero shots: involved fathers conquering new discursive territory in consumer culture // *Consumption Markets & Culture*, 2019. №22:4. P.430-453.
102. Moloney L. «Meaningful relationships» in the Family Law Act Amendments of 2006: A socio-legal perspective on fathers, mothers and the ‘sharing’ of parenting after separation // *Journal of Family Studies*, 2009. №15:1. P. 9-19.
103. Natalier K.A. Descriptions of loss and resilience among fathers paying child support // *Journal of Family Studies*, 2012. №18:2-3. P. 246-255.
104. Noël-Miller C.M. Repartnering Following Divorce: Implications for Older Fathers’ Relations With Their Adult Children // *Journal of Marriage and Family*, vol. 75, №3, 2013. P. 697–712.

105. Palkovitz R. Reconstructing “involvement”: expanding conceptualizations of men’s caring in contemporary families’, in A.J. Hawkins and D.C. Dollahite (eds) *Generative Fathering: Beyond Deficit Perspectives*. Thousand Oaks, CA: Sage, 1997.

106. Pankratz A. Mention the War // *Anglistik*, 2020. № 31(2) P.93–109

107. Parsons T., Bales R.F. *Family, socialization and interaction process*. New York: Free Press, 1955.

108. Perez-Vaisvidovsky N., Strier R. Intersectionality and Fatherhood: Theorizing Non-Hegemonic Fatherhoods // *Journal of Family Theory & Review*, 2021. №13.

109. Pfau-Effinger B. Conclusion: gender cultures, gender arrangements and social change in the European context // *Gender, Economy and Culture in the European Union* / Ed. by S. Duncan, B. Pfau-Effinger. Routledge, 2000. PP. 262–273.

110. Philip G. Fathering after separation or divorce: navigating domestic, public and moral spaces // *Families, relationships and societies*, 2014. №3(2). P. 219-233.

111. Pleck J., Masciadrelli B.P. Paternal involvement by US resident fathers: levels sources and consequences, in M.E. Lamb (ed.) *The Role of the Father in Child Development*. Chichester: Wiley, 2004.

112. Pleck J.H. *The Myth of Masculinity*. Cambridge, 1981.

113. Poortman A., Seltzer J. Parents’ Expectations about Childrearing after Divorce: Does Anticipating Difficulty Deter Divorce? // *Journal of Marriage and Family*, vol. 69, №1, 2007. P. 254–269.

114. Ralph D. ‘Who should do the caring’? Involved fatherhood and ambivalent gendered moral rationalities among cohabiting/married irish parents // *Community, Work & Family*, 2016. №19:1. P.63-79.

115. Ralph D. ‘Who should do the caring’? Involved fatherhood and ambivalent gendered moral rationalities among cohabiting/married irish parents // *Community, Work & Family*, 2016. №19:1. P.63-79.

116. Randles J. 'Manning up' to be a good father: Hybrid Fatherhood, Masculinity, and U.S. Responsible Fatherhood Policy // *Gender and Society*, vol. 32, №4, 2018. P.516–39.
117. Ruby S., Scholz S. Care, care work and the struggle for a careful world from the perspective of the sociology of masculinities // *Österreich Z Soziol*, 2018. №43. P. 73–83.
118. Scambor E., Gärtner M. Barriers and Supportive Conditions for Caring Masculinities // *Teorija in Praksa*, vol. 56, №4, Jan. 2020. P. 1087–1104.
119. Scambor E., Holter O. G., Theunert M. Caring Masculinities — Men as Actors and Beneficiaries of Gender Equality // In: *Documentation of the 3rd International Conference on Men and Equal Opportunities, Luxemburg-2016*. 2018. P. 27—37.
120. Scott M.E. et al. Postdivorce Father-Adolescent Closeness // *Journal of Marriage and Family*, vol. 69, №5, 2007. P. 1194–1209.
121. Seltzer J.A., Bianchi S.M. Children's Contact with Absent Parents // *Journal of Marriage and Family*, vol. 50, №3, 1988. P. 663–677.
122. Sevenhuijsen S. Caring in the third way: The relation between obligation, responsibility and care in Third Way discourse // *Critical Social Policy*, 2000. Vol. 20. № 1. P. 5–37.
123. Seymour K. Imprisoning masculinity // *Sex Cult*, 2003. №7. P. 27–55.
124. Shapiro A., Lambert J.D. Longitudinal Effects of Divorce on the Quality of the Father-Child Relationship and on Fathers' Psychological Well-Being // *Journal of Marriage and Family*, vol. 61, №2, 1999. P. 397–408.
125. Sharma A., Samanta T. Crafting «Youthful» Desire, «Doing» Masculinity: Narratives of Middle-Aged to Older Men in Grindr Grid and Offline Spaces in Mumbai, India // *Ageing Int*, 2020. №45. P.361–379.
126. Smart C. *Personal Life. New Directions in Sociological Thinking*. Cambridge: Polity Press, 2007.

127. Smyth B. A 5-year retrospective of post-separation shared care research in Australia // *Journal of Family Studies*, 2009. №15:1. P.36-59.

128. Smyth B., Moloney L. Changes in patterns of post-separation parenting over time: A brief review // *Journal of Family Studies*, 2008. №14:1. P.7-22.

129. Spector-Mersel G., Gilbar O. From Military Masculinity toward Hybrid Masculinities: Constructing a New Sense of Manhood among Veterans Treated for PTSS // *Men and Masculinities*. №24(5), 2021. P.862–883.

130. Stacey J. Gay Parentyhood and the Decline of Paternity as we know it // *Sexualities*, 2006. №9(1). P. 27-55.

131. Stevens E. Understanding discursive barriers to involved fatherhood: the case of Australian stay-at-home fathers // *Journal of Family Studies*, 2015. №21:1. P. 22-37.

132. Suwada K. Parenting and Work in Poland: A Gender Studies Perspective // Springer Nature, 2021.

133. Tamis LeMonda C. and Cabrera N. (eds) *Handbook of Father Involvement*. Mahwah, NJ: Erlbaum, 2002.

134. Tereškinas A., Maslauskaitė A. Undoing fatherhood: postdivorce fathering practices in Lithuania // *NORMA*, 2019. №14:1. P.18-34.

135. Thompson A., Lawson E. African American Men and Fatherhood: A Look from Divorced Fathers // *Journal of African American Men*, vol. 4, №1, 1999. P.37–51.

136. Threlfall J., Kohl P. Addressing child support in fatherhood programs: Perspectives of fathers and service providers // *Family Relations*, 2015. №64:2. P. 291-304.

137. Troilo J., Coleman M. Full-Time, Part-Time Full-Time, and Part-Time Fathers: Father Identities Following Divorce // *Family Relations*, vol. 61, №4, 2012. P.601–614.

138. Tronto J. C. *Moral Boundaries. A Political Argument for an Ethic of Care*. L.: Routledge, 1993.

139. Turner J. et al. Addressing the Subjective Well-Being of Incarcerated Fathers: The Role of Fatherhood Education // *Journal of Correctional Education*, vol. 71, №2, 2020. P. 75–99.
140. Tuttle L. *Encyclopedia of feminism*. New York.: 1986.
141. U.S. Bureau of the Census Household and family characteristics // *Current Population Reports, Series P20-483*. Washington, DC: U.S. Government Printing Office, 1994.
142. Ungerson C. Gender, cash and informal care: European perspectives and dilemmas // *Journal of Social Policy*, 1995. Vol. 24. № 1. P. 31–52.
143. Ungerson C. Social Politics and the Commodification of Care // *Social Politics*, 1997. Fall. P. 362–381.
144. Wall G., Arnold S. How involved is involved fathering? An exploration of the contemporary culture of fatherhood // *Gender & society*, 2007. №21(4). P.508-527.
145. Wallerstein J.S., Lewis J.M. Divorced Fathers and Their Adult Offspring: Report from a Twenty-Five-Year Longitudinal Study // *Family Law Quarterly*, vol. 42, №4, 2009. P. 695–711.
146. West C. Zimmerman D.H. Doing gender // *Gender & Society*. 1(2), 1987. P.125–151.
147. Westphal S., Poortman A., Van Der Lippe T. Non-resident father–child contact across divorce cohorts: The role of father involvement during marriage // *European Sociological Review*, 2014. №30.4. P: 444-456.
148. Williams G. In Behalf of Fathers // *Social Work*, vol. 23, №4, 1978, P. 331–44.
149. Wise S.J. Redefining black masculinity and manhood: Successful black gay men speak out // *Journal of African American Men*. №5, 2001. P. 3–22.
150. Wojnicka K., Mellström U., de Boise S. On war, hegemony and (political) masculinities // *NORMA*. 17(2) , 2022. P.83-87.

151. Wolfe A. Whose keeper? Social science and moral obligation. Berkeley: University of California Press, 1989.
152. Abramova M.O., Sukhushina E.V., Rykun A.Yu. Reproduction of masculinity: the family as the main agent of socialization // Vestn. Volume of the State University. Philosophy. Sociology. Political science. 2018. No.41.
153. Avdeeva A.V. "Involved fatherhood" in modern Russia: strategies of participation in child care // Sociological research. 2012. No.11. pp. 95-104.
154. Avdeeva A. Resources and barriers of active participation of fathers in child care / Transformation of masculinity in the XXI century // Edited by I.N. Tartakovskaya. M.: Heinrich Bell Foundation, Publishing House "Links", 2013.
155. Avdeeva A., Isupova O., Kuleshova A., Chernova J., Shpakovskaya L. Parenthood 2.0: Why modern parents should understand everything? M.: Alpina Publisher, 2021.
156. Avdeeva A.V. "Involved fatherhood" in modern Russia: strategies of participation in child care // Sociological research. 2012. No.11. pp. 95-104.
157. Angelova E., Temkina A. Father involved in childbirth: gender partnership or situational control? // New way of life in modern Russia: gender studies of everyday life: collective. Monograph / edited by E. Zdravomyslova, A. Rothkirch, A. Temkina. St. Petersburg, 2009. P.473-507.
158. Andreeva G.M., Bogomolova N.N., Petrovskaya L.A. Foreign social psychology of the twentieth century: theoretical approaches: textbook. handbook for universities. M.: Aspect Press, 2002. 287 p.
159. Arif E.M., Revyakina A.A. Selectively soft masculinity: the case of nail service masters in St. Petersburg // Interaktion. Interview. Interpretation, 2022. No.14.1. pp.89-105.
160. Baitimirova G.F. Modern problems of adaptation of women after divorce // Academy. No. 12(39), 2018. pp. 98-99.

161. Bedareva K.A. Emotional attitude to the future family life of young people with experience of parental divorce // Proceedings of young scientists of the Altai State University. No. 11, 2014. pp. 286-289.
162. Bezrukova O. N., SamoiloVA V. A. "Dictated by love ...": involved fatherhood in Russian families raising children with disabilities // Monitoring public opinion: economic and social changes. 2022. No. 5. pp. 122-148.
163. Bezrukova O.N. Fatherhood in a transforming society: expectations of mothers and practices of fathers // Sociological research, 2013. No.11. P.118-130.
164. Bezrukova O.N., SamoiloVA V.A. "She is not a mother at all...": images of ex-wives in the discourse of divorced young fathers // Sociological research. 2020. No. 12. pp. 116-127.
165. Bezrukova O.N., SamoiloVA V.A. "Dads for love" and "involuntary dads", or Why do Russian fathers not go on parental leave? // Sociological research. 2019. No.7. pp. 90-101.
166. Bezrukova O.N., SamoiloVA V.A. Maternal gatekeeping in Russia: young fathers about mothers and barriers to the availability of children after divorce // Monitoring public opinion: economic and social changes. No.3 (157), 2020. pp. 463-498.
167. Bezrukova O.N., SamoiloVA V.A. Fatherhood and support for fathers: trends in modern foreign research // Monitoring public opinion: economic and social changes. No.4 (158), 2020. pp. 232-72.
168. Berger P., Lukman T. Social construction of reality. / Translated from English by E.D. Rutkevich. M.: Medium, 1995.
169. Bloodless T.V. Fatherhood as a phenomenon. The concept of "absent father" // Social and socio-pedagogical problems: searches and models of solution: Interuniversity collection of scientific papers / Scientific editor M. V. Shakurova. Volume No. 17. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University, 2020. pp. 57-60.
170. Borozdina E.A., Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. Caring in the post-Soviet space between paternalism and neoliberalism: feminist studies // Critical

sociology of caring: intersections of social inequality. / St. Petersburg: Autonomous non-profit educational organization of Higher Education "European University in St. Petersburg", 2019. pp. 6-23.

171. Galiullina A.G. Psychological experiences of a woman in the first year after divorce // International Student Scientific Bulletin. No. 5, 2020. p. 12.

172. Gafizova N.B., Smirnova D.I. Fatherhood as a social phenomenon in full and incomplete families (due to divorce, on the example of Ivanovo) // Woman in Russian society, 2015. No.3-4. P.67-77.

173. Gulakova K.A., Lobach V.V., Morozova Yu.M., Pobokin P.A. The impact of parental divorces on the mental state of children // Smolensk Medical Almanac. No. 4, 2021. pp. 167-169.

174. Gurko T.A. Marriage and parenthood in Russia. Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2008.

175. Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. What is "masculinity"? Conceptual master keys of critical studies of men and masculinities // Monitoring public opinion: Economic and social changes. No.6, 2018. pp. 48-73.

176. Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. 12 lectures on gender sociology: a textbook. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2015. 768c.

177. Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. Social construction of gender // Sociological Journal. 1998. №3-4.

178. Ivanova E.A. "I do not consider myself a good dad, at best, a normal one": how Russian men construct the image of a "good father" after a divorce // Journal of Sociology and Social Anthropology, 2017. №20 (5).

179. Igaeva K.V. Gender studies of the "new wars" reproduction of masculinity or rethinking ideas about courage // Sociology of power. No.30(1), 2018. P. 245-251.

180. Ildarkhanova C.I. Fatherhood as a socially constructed phenomenon: gender aspect // Sociodynamics. 2019. № 12.

181. Kimmel M. Gender society: trans. from English M.: ROSSPAN, 2006. 464 p.
182. Kletsina I.S. Fatherhood in analytical approaches to the study of masculinity // Woman in Russian society, 2009. No. 3. P.29-41.
183. Kon I.C. Fatherhood as a component of male identity // Demoscope Weekly 2006. No. 237/238. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0237/analit03.php> (date of application: 04/24/2023).
184. Kon I. S. Fatherhood as a socio-cultural institution // Pedagogy. 2005. № 9. С. 3-16.
185. Kon I.S. Gender and masculinity, sons and fathers // Journal of Sociology and Social Anthropology, 2012. №15(1).
186. Kon I.S. The boy is the father of a man. Moscow: Vremya, 2009.
187. Kon I.S. A man in a changing world. Moscow: Vremya, 2009. 496 p
- . 188. Kravchenko Zh.In, Moteyunaite A. Women and men at work and at home: the gender division of labor in Russia and Sweden // Journal of Social Policy Research, 2008. No.6.2. P.177-200.
189. Kravchenko J.V. Men in child care: a comparative analysis of Russia, France and Norway // Journal of Sociology and Social Policy Anthropology, 2012. №15(1).
190. Mayofis M., Kukulin I. New parenthood and its political aspects // Pro et Contra, 2010. Vol. 14, No. 1/2, pp. 6-19.
191. Malysheva M.M. Analysis of qualitative data in gender studies // Tender kaleidoscope / ed. Voronina V. A. et al. M.: Academia, 2002. С. 146-169.
192. Martial A., Ushkova E.L. Modern fatherhood and new family trajectories // New social practices in the mirror of sociology, 2019. С. 154-162.
193. Nasretdinova E.R., Makarova O.A. Research of child anxiety in the situation of parental divorce // International Student Scientific Bulletin. No. 5-2, 2015. pp. 295-296.

194. Pavlov S.P. Divorce as a form of psychoemotional deprivation of children // Social services for families and children: a scientific and methodological collection. No. 2, 2014. pp. 74-93.

195. Pakharukova A.V. Social adaptation of a child after the divorce of parents // Actual problems of socio-pedagogical activity in the region : Collection of materials of the regional scientific and practical conference, Kurgan, March 25, 2009. / Kurgan: Kurgan State University, 2009. pp. 33-37.

196. Polukhina E.V. The practice of analyzing qualitative data in the social sciences [Text]: textbook. the manual / ed. by E.V. Polukhin; National research. Higher School of Economics Univ.— Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2023.

197. Polyakov S.I. Wrestling masculinity in Dagestan as a local hegemony // Sociological research. No.10, 2021. pp.116-24.

198. Rozhdestvenskaya E.Y. Involved fatherhood, caring masculinity // Monitoring. 2020. No.5 (159). P. 155-158.

199. Rozhdestvenskaya E.Y. Fatherhood: a liberal trend from "father" to "dad"? // Sociological Journal, 2010. No.3. pp.75-89.

200. Romanov A.P. The practice of "toxic masculinity" in the late Soviet army as a way of producing an alternative social hierarchy // Magistra Vitae: electronic journal of historical sciences and archaeology. No.2, 2021. pp.114-122.

201. Sorokina, V. N. Institute of fatherhood and its protection // Theory of law and interstate relations. 2021. Vol. 2, No. 8(20). pp. 216-224.

202. Spasov V.D. The phenomenon of fatherhood in the context of gender studies // Scientific problems of humanitarian research, 2011. No. 2. P.274-279.

203. Tartakovskaya I.N. Gender sociology. M.: OOO "Variant", 2005. 368 p .

204. Tartakovskaya I.N. Soviet hegemonic masculinity and experience of participation in the Afghan war // Ways of Russia: new languages of social description. M.: UFO, 2014. pp. 338-361.

205. Terekhova T.A., Malakhaeva S.K. Narrative analysis as an understanding method // Humanitarian vector. Series: Pedagogy, psychology. 2015. №1 (41).

206. Khanyukova I.S. Adaptation of a single mother in modern society // Humanities in a modern university: yesterday, today, tomorrow: Materials of the V International Scientific Conference, St. Petersburg, December 09, 2022. Volume 3. / St. Petersburg: St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, 2022. pp. 960-963.

207. Khodkevich M.K. Toxic masculinity in advertising // Paradigm: philosophical and cultural almanac. No. 31, 2019. pp. 143-151.

208. Chebotareva E.D. Building masculinity in sports leisure clubs (on the example of an American football club) // Enigma. №30, 2021. С. 125-129.